

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

**«Стены и мосты» – V
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
С ЕСТЕСТВЕННЫМИ
И СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫМИ
НАУКАМИ**

«Академический проект»
Москва, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Научный редактор — д.и.н., проф. А.П. Логунов
Техническое редактирование — И.Н. Косиченко

С79 «Стены и мосты»-V: междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками / Г.Г. Ершова (отв. ред.), Е.А. Долгова (сост.), Б.Н. Миронов, М.М. Кром, И.М. Савельева; Центр междисциплинарных гуманитарных исследований; Российский государственный гуманитарный университет. — М.: Академический проект, 2017. — 263 с.

ISBN 978-5-8291-2097-9

В том продолжающегося издания «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» посвящен проблеме междисциплинарного взаимодействия исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8291-2097-9

© Коллектив авторов, 2017
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2017

От составителей	7
<i>Методология междисциплинарных исследований и междисциплинарное источниковедение . . . . .</i>	11
<i>Ершова Г.Г.</i> Междисциплинарные подходы в системных исследованиях социально-исторических процессов и социально-историческом прогнозировании	13
<i>Савельева И.М.</i> Социологическая классика в современных исторических исследованиях	38
<i>Кром М.М.</i> Веберовская традиция в изучении генезиса государства Нового времени: социологические идеи и исследования историков	54
<i>Володин А.Ю.</i> (Не)равенство как аксиома? Социальные науки в поисках показателей неравенства в истории	64
<i>Румянцева М.Ф.</i> Принцип признания чужой одушевленности в гуманитарном знании XX — начала XXI в.: границы применимости	78
<i>Экономическая и социальная история . . . . .</i>	91
<i>Леванова Е.С., Бернацкая Ю.Э., Хохрякова С.А.</i> Адаптационные стратегии населения северо-запада Южной Америки и пути «неолитизации» в формативный период	93
<i>Сукина Л.Б.</i> Понятие «габитус» и социальная типология русского общества XVII в.	102
<i>Бородкин Л.И.</i> Компьютерные модели социальной динамики крестьянства дореформенной России	116
<i>Миронов Б.Н.</i> Российская империя на пути в современность	137
<i>Долгова Е.А.</i> Дифференциация научного сообщества в 1920-е гг.	171
<i>Историческая психология и историческая память . . . . .</i>	185
<i>Мухин О.Н.</i> Проблема чужеродности власти в свете междисциплинарного подхода (на материале раннесредневековой Европы)	187
<i>Калашников М.В.</i> Эпоха Великих реформ в критическом дискурсе русского общественного сознания конца XIX — начала XX в.	200

<i>Лярский А.Б.</i> «Вы моя последняя надежда» — переписка Н. И. Кареева с читателями в контексте истории поколений	221
<i>Шалыгина Н.В.</i> Новые вехи ментальной эволюции российской молодежи	231
<i>Борисова Г.А., Стрельченко А.Б.</i> Шаманский ритуал как средство поддержания психосоматического здоровья индейского этноса	241
<i>Summaries</i>	252
<i>Сведения об авторах.</i>	261

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемый читателю сборник статей составлен по итогам V международной научной конференции «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», проведенной в Российском государственном гуманитарном университете 27 мая 2016 г. В V томе продолжающегося ежегодного издания основное внимание уделено проблеме взаимодействия исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками. В основу концепции сборника положено понимание того, что проблема развития в гуманитарных науках не может быть решена одним только анализом тех или иных исторических или социальных преобразований без комплексного осмысления контекста, в котором они реализуются. На наш взгляд, этот обширный контекст становится возможным описать только с привлечением междисциплинарных подходов, включая языки естественных наук с привлечением математического аппарата.

Сборник статей состоит из трех разделов, сформированных по методологическому принципу.

В первый раздел включены статьи, посвященные методологии междисциплинарных исследований и междисциплинарному источниковедению. В центре внимания авторов оказались теоретические проблемы междисциплинарных исследований.

В статье *Г. Г. Ершовой* поставлена проблема применимости мульти- и междисциплинарных подходов к анализу системных процессов на примере изучения ключевых и переломных моментов социально-исторического развития. Причем, по мнению автора, само понятие социально-исторического развития предполагает рассмотрение различных состояний этого процесса — таких сюжетов, как переход состояния, этапы развития, а также отказ от развития и возможности продолжения развития. Для того чтобы правильно оценить каждое из состояний, форм их проявления, необходим комплексный анализ всех интегрированных элементов.

Статья *И. М. Савельевой* посвящена «социологической классике» в исторических исследованиях последних 50 лет. Автор обратилась к анализу влияния теоретической и исторической социологии на «сциентизацию» истории в середине прошлого века и трансформациям, произошедшим позднее, когда культурный и лингвистический повороты привели к заметному понижению роли социологии как главного источника объяснительных моделей.

«Социологическую» проблематику затрагивают и статьи М. М. Крома и А. Ю. Володина. Статья *М. М. Крома* посвящена формированию веберовской традиции в изучении генезиса государства Нового времени; анализируются ее истоки в юридической науке XIX в., влияние на современную историографию и границы применения. *А. Ю. Володин* рассматривает и концептуально сравнивает объяснительный потенциал двух актуальных подходов к изучению проблемы неравенства: экономической теории неравенства Тома Пикетти и социологической теории наследуемого неравенства Грегори Кларка.

М. Ф. Румянцева обратилась к исследованию принципа признания «чужой одушевленности», зафиксированного на рубеже XIX–XX вв. смещение исторического познания от гуманитарного к социальному, повлекшее переосмысление действующего лица исторического процесса от субъекта — к актору, понимание действий которого требует иных механизмов интерпретации.

Во втором разделе сборника опубликованы статьи секции «Социальная и экономическая история». На материале конкретно-исторических исследований авторы демонстрируют потенциал и практическое применение экономических и социологических методов и подходов к анализу сюжетов из различных периодов истории.

В статье *Е. С. Левановой, Ю. Э. Бернацкой и С. А. Хохряковой* исследуется проблема активной адаптации — анализируются адаптационные стратегии населения Севера-Запада Южной Америки, обусловившие разнообразие путей ее неолитизации в формативный период.

Л. Б. Сукина применяет один из важнейших инструментов исследования в социологических теориях второй половины XX — начала XXI в. — конструкт «габитус» — в целях изучения и дескрипции типологии русского общества XVII в. (на примере дескрипции «габитуса» вологодского гостя Г. М. Фетиева).

В статье *Л. И. Бородкина* проиллюстрировано применение компьютерных моделей в качестве инструмента проверки гипотез о характере социальных перемещений крестьянства в дореформенной России. Автор приходит к выводу, что результаты применения аппарата марковских цепей в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. не только подтверждают итоги проведенных ранее (в 1960–1970-х гг.) исследований, но и дают возможности проверки гипотез о характере этого сложного социального процесса и новые количественные оценки его параметров.

В основе статьи *Б. Н. Миронова* лежит вступительное слово на презентации книги автора «Российская империя: от традиции к модерну», состоявшейся 27 мая 2016 г. Под углом зрения модернизации рассмотрен

широкий круг проблем: колонизация, этническое разнообразие, этноконфессиональная политика, национальный вопрос, демографические проблемы и переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, развитие малой семьи и демократизация внутрисемейных отношений, социальная структура и социальная мобильность населения, город и деревня в процессе урбанизации и индустриализации, развитие крепостнических отношений от генезиса до падения, эволюция сельской и городской общин, городских и дворянских корпораций, менталитет различных сословий как важный фактор социальной динамики, народная культура в коллективных представлениях, эволюция российской государственности от патриархальной к конституционной монархии, становление гражданского общества и правового государства, взаимодействие общества и государства как движущая сила социальных изменений, смена типа господствующих правовых отношений в обществе и динамика преступности.

В статье *Е. А. Долговой* исследуется проблема дифференциации отечественного научного сообщества в 1920-е гг. Автор рассматривает действующее в условиях отмены ученых степеней и званий деление ученых на квалификационные разряды и категории, делает вывод, что научное сообщество в 1920-е гг. представляло собой иерархическую систему, и приходит к выводу, что безусловную важность при определении позиции в ней имел дореволюционный авторитет ученого и его положение в системе научных взаимосвязей.

Третий раздел сборника статей включает статьи, посвященные изучению особенностей применения методов и подходов психологии к анализу конкретно-исторической проблематики.

В статье *О. Н. Мухина* формулируется проблема «чужеродности» власти в раннесредневековых государствах Европы, предпринимается попытка объяснить востребованность инакового опыта и потребность в «очуждении» носителей власти в обществах изучаемого периода. Обосновывается перспективность применения для изучения поставленной проблемы междисциплинарной технологии, основанной на использовании наработок психологии и социологии, имеющих единым фокусом бессознательное.

М. В. Калашиников, используя метод историко-семантического анализа, обращается к идеям, понятиям и риторике эпохи Великих реформ в критическом дискурсе русского общественного сознания конца XIX — начала XX в. Автор приходит к выводу, что ключевое понятие эпохи 1860-х гг. — понятие «либерализм» — к началу XX в. лишилось своего онтологического и проективного статуса и продолжало существовать лишь как часть русского общественного сознания.

В статье *А. Б. Лярского* на примере переписки ученого Н. И. Кареева с читателями по вопросам, затронутым в серии его книг к учащейся молодежи, исследуются механизмы межпоколенческих взаимодействий и структуры взаимонепонимания старших и младших. Генерационный подход нашел отражение и в статье *Н. В. Шалыгиной* — в ней определяются некоторые качественные различия между двумя новыми поколениями молодежи и конструируется их собирательный портрет.

Завершает сборник статья *Г. А. Борисовой* и *Б. А. Стрельченко*, посвященная исследованию шаманского ритуала в жизни современного индейского общества майя. Авторы подробно описывают процедуру проведения шаманского ритуала «профессиональным» шаманом-майя, проводят экспертную оценку влияния шаманского ритуала на психосоматическое здоровье сообщества современных майя, делают вывод о важной социоэкономической роли шаманов в жизни индейских сообществ.

МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И СОЦИАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ¹

Ершова Галина Гавриловна
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. Исторический процесс предполагает некое движение, именуемое развитием, а точнее, определяемое как развитие антропосистемы. Однако в этом общем развитии можно выделить состояния: непосредственно прогрессивное развитие, отказ от развития, регресс, а также феномены перехода одного состояния в другое. Смена состояний затрагивает не только «осевой» элемент социосистемы, но практически все интегрированные подсистемы. Развитие антропосистемы — это ее постоянная самоорганизация, адаптирующаяся к происходящим средовым и внутренним изменениям. Развитие системы, характеризующееся увеличением средней продолжительности и качества жизни, определяет субстрат, в который входят такие подсистемы, как: система управления в целом, научные знания и технологии, уровень образования и преемственность интеллектуального развития, идеология, культура, производство, обеспечивающее общее качество жизни, наличие энергетических ресурсов. Смена состояний чаще всего ассоциируется с феноменом революции, в результате которой происходит смена системы управления, производственно-технологической и экономической модели. Смена идеологии дополняется «культурной революцией», которая меняет в обществе представления о мироустройстве в соответствии с заданными параметрами, определяет новые цели и задачи, перестраивая психологические установки населения, облегчающие адаптацию к новым условиям.

Ключевые слова: антропосистема, междисциплинарность, развитие, отказ от развития, регресс, революция, принцип фрактальности, продолжительность жизни, устойчивость системы, адаптация.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя в контексте современных теорий социальной эволюции»).

Потребность в мульти- и междисциплинарных подходах при анализе системных процессов с особой отчетливостью проявляется при изучении ключевых и переломных моментов социально-исторического развития. Причем само понятие социально-исторического развития предполагает рассмотрение различных состояний этого процесса. То есть следует рассматривать такие сюжеты, как *переход состояния, этапы развития*, а также *отказ от развития*. Для того чтобы правильно оценить каждое из состояний, форм их проявления и обратиться к прогнозированию, необходим многосторонний анализ всех интегрированных элементов.

Развитие

Развитие антропосистемы подразумевает количественное наращивание новых характеристик до изменения качества системы в целом. То есть является движением от зарождения одной «стадии» до переломного момента и перехода в другое состояние, организованное по совершенно иному принципу. Принимая тот факт, что антропосистема объединяет человечество Земли в целом, происходящие изменения далеко не одномоментны и не синхронны в подсистемах не только по всей территории Земли, но даже на территории единого мультикультурного государственного образования. Но изменения, по всей очевидности, должны охватывать критическую массу населения, чтобы к этому состоянию стремились все остальные подсистемы. Ю. В. Кнорозов, выстраивая «теорию коллектива», определял: «Ассоциация людей не является дальнейшим развитием или высшей формой объединения животных, а представляет собой следующий тип дифференцированной системы, т. е. объединение объединений» [Кнорозов, 1973: 326]. То есть, если обратиться к определению Кнорозова, антропосистема тождественна макрообъединению объединений разных уровней и состояний, следующих в русле экспоненты системного развития с разной скоростью в зависимости от удаления от «эталонных» очагов.

Переломные моменты получают наименование «революции», знаем ли мы что-либо об этом событии или нет. «Развитие» охватывает историю человечества с момента появления человека вплоть до современного состояния антропосистемы, т. е. тождественно всему периоду создания искусственной среды коллективного обитания. И если с начальным этапом (обозначаемым как палеолит) все более или менее ясно, то возникает закономерный вопрос: где конец процесса развития всей антропосистемы и поддается ли он какому-либо убедительному прогнозу, в силу невозможности, по определению, моделировать смену качества

ДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

t - время цивилизации
 Z - научные, технические, социотехнологические достижения

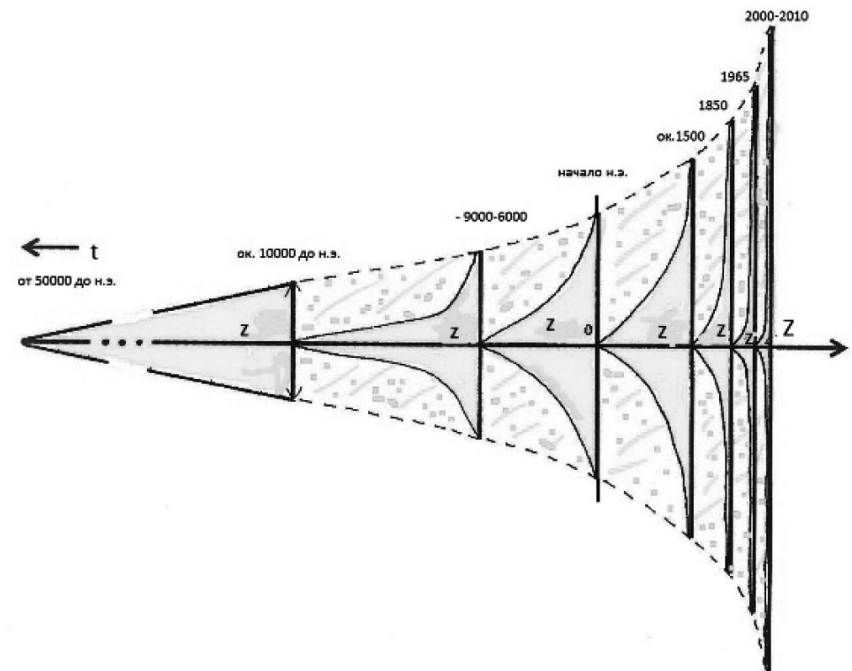

Рис. 1. Динамика цивилизационного развития АС представляет экспоненту, которой с разной скоростью следуют и внутренние подсистемы [Ершова, 2017]

системы. Как бы то ни было, в настоящее время становится доступным вычленение известных этапов развития в соответствии с обозначившимся вектором в некоей непрерывности развития антропосистемы в целом, что приводит к выстраиванию на основании эмпирических данных определенной экспоненты. Развитие любой социосистемы, как и АС в целом, — это постоянная самоорганизация, адаптирующаяся к происходящим средовым и внутренним изменениям как природного, так и социального и политического характера. Если нам вполне понятны составные части будущей системы (обладающий симметрично-асимметричным мозгом человек, асимметричная социорепродуктивная пара, социум), то данных для того, чтобы смоделировать будущую форму са-

моорганизации и управления составными частями этого социума, практически нет.

Что же является субстратом, определяющим развитие системы, т. е. обеспечивающим увеличение средней продолжительности жизни популяции?

- 1) система управления в целом;
- 2) научные знания и технологии (абсолютно всех отраслей жизни);
- 3) уровень образования и преемственность интеллектуального развития;
- 4) уровень массовой культуры;
- 5) производство, обеспечивающее общее качество жизни;
- 6) наличие энергетических ресурсов;
- 7) идеологический (религиозный) концепт.

Само существование открытой системы, как уже отмечалось, тождественно развитию этой системы. Развитие характеризуется наращиванием количественных частных изменений и постоянным усложнением самоорганизации при появлении новых характеристик системы. Таким образом, системное новообразование — это появление новых элементов качественного изменения отношений элементов внутри системы и самой ее структуры.

В. В. Налимов, анализируя парадоксы противопоставления «дискретного непрерывному», отмечал, что эта проблема обсуждается уже более двух тысяч лет применительно к пространству, времени, движению, материи. Следует сюда добавить и такой аспект, как развитие (вариант движения), в частности, применительно для социосистемы. Позиция В. В. Налимова такова: «Вряд ли можно говорить о том, что мыслители наших дней сейчас хоть сколько-то приблизились к решению этой проблемы, хотя глубина ее понимания несомненно возросла. Проблема непрерывности, будучи поставленной во всей своей глубине, по видимому, должна быть отнесена к числу проблем, запрещенных для обсуждения» [Налимов, 1978: 50]. Философ аргументировал свою позицию отсутствием адекватного математического языка для описания обозначенной проблемы. Однако эта проблема математического языка, со всей очевидностью, может быть решена. Подходы к решению рассмотрены в специальной публикации [Ершова, 2017].

В рассуждениях о развитии общества неизбежно поднимается вопрос прогрессивности этого процесса, иначе говоря, определение вектора его развития относительно «феномена человека» в качестве биологического и социального объекта. Прогрессивный вектор — это наращивание признаков и характеристик, обеспечивающих не только выживаемость

и улучшение качества жизни индивидуума, но и устойчивость собственно общества. Некая негативная для человека совокупность процессов, ведущих к разрушению социума, именуется регрессом, который характеризуется снижением выживаемости, глобальной дестабилизацией, культурной деградацией и, в конечном счете, дезинтеграцией общества.

Критерием оценки прогресса может служить увеличение средней продолжительности жизни населения в целом и уменьшение разницы между средней мужской и женской средней продолжительностью [Ершова, 2003: 80]. Соответственно критерием для констатации регресса становится увеличение разницы между показателями средней продолжительности жизни для мужчин и женщин, логически привязанными к уменьшению средней продолжительности жизни популяции в целом.

Устойчивость системы и конфликты развития

Непременным условием прогрессивного развития системы в целом является устойчивость, т. е. постоянное развитие каждого из перечисленных выше системных факторов, — что неизбежно влечет за собой появление новообразований. Однако происходящие качественные новообразования не менее обязательно влекут за собой конфликт взаимодействия вышеперечисленных уровней, что требует последующих модификаций каждого из них и системы управления ими. И вот тут возникает конфликт между устойчивостью системы и устойчивым развитием, т. е. трансформацией качества элементов системы, что представляет собой конфликт между непрерывностью процесса развития системы и ее переходами из одного качества в другое, чаще всего ассоциированными с дискретностью.

По мере своего развития каждый из факторов наращивает количественные характеристики, что приводит к формированию новых отношений и связей между ними и внешней средой. Усложнение реализации этих связей входит в противоречие с существующей структурной формой — в частности, системой управления и власти. Власть, которая, несмотря на то, что ее антропосистемной функцией является развитие состояния системы, часто в силу присущей ей определенной инертности неизбежно продолжает реализовывать уже сложившиеся или дезактуализированные модели внутрисистемных механизмов взаимодействия, формируя с большим или меньшим опозданием новые. Излишнее запаздывание в «подгонке» механизмов управления к новой реальности приводит к глубинному конфликту, что является механизмом, демонстрирующим необходимость смены социально-хозяйственной и организационной модели социума.

По сути, системный кризис власти ярче всего реализуется в условиях увеличивающегося противоречия между фиксированной территорией, потребностью в энергоресурсах и растущим населением или претензиями на ресурсы и территорию со стороны чуждого, но активного населения. Мы исходим из того, что базовой системосохраняющей основой антропосистемы являются территориальные компоненты, обеспечивающие реализацию социофункций: планета, территория социума, жилище. При этом связи между сложившимися элементами социума неизбежно меняются (система власти, производство, обмен и т. д.). Этот процесс постоянного развития и своевременной смены переменных факторов обеспечивает устойчивость, снимает конфликт между ограниченной территорией в качестве источника энергоресурсов и ростом населения при условиях повышения качества жизни. При наращивании переменных без качественных изменений рано или поздно наступает предел соответствия ограниченных ресурсных возможностей и растущих потребностей. Так, например, количественное размножение при неизменной территории и ресурсах быстро приводит к *отказу от развития*. В этом случае уровень развития науки и воспроизводства образования не обеспечивается, развитие технологий не успевает за потребностями, а территория ограничивает возможности экстенсивного малотехнологичного хозяйствования. Социосистема разрушается или начинает вытеснять часть населения в виде экспансий, реализуемых разными формами — от захвата чужих земель и размещения на них своих поселений до массовых миграций населения.

Вместе с тем в процессе развития системы остается некий резерв для сохранения ее существующего состояния. Так, например, снижение количества рождаемости — переход от количественного размножения к качественному за счет уменьшения количества детей — можно расценивать как внутренний резерв сохранения устойчивости старой модели, который, тем не менее, несет опасность понижения количества работоспособного населения при сохранении общей численности популяции. Так, например, развитые западные страны выбрали этот путь, что, казалось, облегчило на определенном этапе проблему улучшения качества жизни. Однако достаточно быстро привело к другой проблеме — старению титульного населения и уменьшению количества активного работоспособного населения. А это, как следствие, спровоцировало массовый рост числа мигрантов из стран с низким уровнем образовательно-технологического развития — т. е. несущих чуждую культуру и стремящихся навязать свои культурные стереотипы титульному населению европейских стран. А это, по сути, является формой культурной революции, ориентированной на кардинальную смену идеологии. Таким образом, утрата си-

стемой устойчивости становится очевидной при кризисе развития, что проявляется зачастую в самых неожиданных сферах функционирования общества.

Отказ от развития

Отказ от развития, т. е. игнорирование необходимости изменений, попытки консервирования имеющегося состояния, рассматривается в качестве основного фактора, характеризующего отклонение в развитии. Подобное можно отметить в живой природе, где численность популяции организмов или животных регулируется биологически и во многом зависит от колебаний средовых условий. Наступающий от нехватки питания стресс при перенаселении занятой группой территории обязательно приводит к снижению репродукции и при не всегда доступной возможности к смене региона обитания на менее комфортный. В результате такие миграции и смены климатических условий вынуждают различные популяции живого адаптироваться к новым условиям, обязательно приводят к мутациям и, в конечном счете, к появлению эволюционно новых видов. Аналогичный эффект может возникнуть в некоторых случаях и при нарушении отношений звеньев (пища—потребитель) внутри локальной трофической цепи или сети.

В человеческом сообществе отказ от развития допустим для социосистемы лишь при наличии неизменных средовых условий: устойчивое соотношение пропорций между количеством населения и территорией в качестве источника энергоресурсов всех типов; отсутствие избыточной агрессии со стороны окружающей среды (природной и социальной). В реальности подобная ситуация возможна лишь при полном отсутствии прироста населения на неистощаемой или постоянно увеличивающейся территории с неизменными природными характеристиками. В реальности возможность существования подобного состояния в течение длительного времени крайне маловероятна. Даже в далекие палеолитические времена, когда только происходило расселение человека по территории Земли и увеличивалось потребление пищевых ресурсов (иначе не было бы самого расселения), население постоянно возрастало, человечество меняло природные зоны, к условиям которых мигрантам необходимо было адаптироваться, что нашло свое биологическое отражение в расообразовании и многообразии антропологических типов. В противоположность пассивной (биологической) адаптации человека, адаптация активная всегда нацелена на неизбежное создание искусственной среды обитания.

Процесс расселения по Земле выявил еще одну закономерность. Чем большими и богатыми на ресурсы территориями для обживания и исполь-

зования располагают человеческие коллективы, тем дольше может длиться процесс отказа от развития — насколько это позволяют резервы энергоресурсов. Примером достаточно долгого отказа от развития при растущем населении может служить заселение американского континента, когда потомки небольших групп собирателей и охотников, перебравшихся через Берингию, могли долгое время сохранять неизменный образ жизни, постепенно заселяя и осваивая пространства огромного континента. Но как только наиболее выгодные территории оказывались перенаселенными, неизбежно происходили революционные изменения в жизни обществ, связанные с бурным развитием всех ее аспектов: хозяйственного, экономического, политического, идеологического и т. д. В результате в наиболее комфортных и перенаселенных зонах возникли первые цивилизации. При этом весьма длительный процесс освоения континента, осуществлявшийся тремя волнами небольших групп собирателей и охотников через Берингов пролив, отодвинул бурное развитие цивилизационных процессов на 2–3 тысячи лет по отношению к Древнему миру Старого Света.

В качестве совсем иного примера долгого отказа от развития можно привести историю некоторых племен Амазонской сельвы, африканских или австралийских аборигенов, обитающих на обширных территориях в районах экватора и влажных тропиков, где комфортные природные условия и достаточные водно-земельные ресурсы позволяют вплоть до нашего времени сохранять традиционный образ жизни в неизменном виде.

Другая версия отказа от развития исторически складывалась в условиях слишком сурового для выживания климата — вечного холода или засушливых пустынь. Так, например, в регионе Заполярья отказ аборигенного населения от развития был обусловлен избыточными и непосильными для коллектива энергозатратами, требующимися для биологического выживания в условиях мерзлоты и ограниченности энергетических и пищевых ресурсов. Поэтому без вмешательства извне несложная искусственная среда обитания сохраняется в неизменном виде бесконечно долго. Отличная по обстоятельствам, но аналогичная по результатам ситуация складывается в некоторых засушливых регионах Земли, а также при регулярном наступлении засух в некогда экологически благополучных регионах. Примером, в частности, служит расцвет, исчезновение и чередование культур в районе Каспия, связанные с циклическостью регрессий. Так, на смену хассунской культуре спустя три тысячи лет приходит период «менее продвинутой» халафской, после которой, при увлажнении климата, расцветает убейдская культура. Аналогичные процессы происходят и на Тихоокеанском побережье Южной Америки, где генератором климатических колебаний выступает феномен Эль-Ниньо [Ершова, 2003: 82].

И в первом, и во втором варианте отказа от развития в условиях сурового климата, при возникающем давлении на территориальное пространство коллектива, баланс нарушается, в результате чего популяция вынуждена менять свой образ жизни или же попросту дезинтегрируется и исчезает.

Механизм движения развития: остановка, регресс

Рассуждая о развитии, мы говорим об антропосистеме в целом, т. е. всей совокупности социокультурных и государственных образований, существующих на Земле с момента появления человека. И развитие в этом случае предстает в виде некой линейной поступи вперед. При этом известно, что на протяжении долгого исторического процесса отдельные образования появлялись, в силу разных обстоятельств останавливались в развитии и даже навсегда исчезали, оставив о себе лишь археологические следы или неясные воспоминания современников. И, как уже упоминалось, порою на месте некогда процветавших и исчезнувших культур возникали новые, практически ни в чем не повторявшие своих предшественниц. Другие ассимилировали опыт соседей по территории и доводили его до совершенства, создавая развитые цивилизации. Но нет ни одного примера, когда бы потомками были восстановлены руины уже исчезнувшей культуры, и с некой новой отправной точки продолжилось бы ее развитие. Раз исчезнувшая культурная традиция не может быть реанимирована — при любых попытках реконструкции неизбежно создается что-то новое.

Очевидно, что нельзя сравнивать развитие любого типа общества или антропосистемы со строительством дома, где можно построить фундамент, три этажа, разрушить два неудачных, а затем восстановить их вновь поверх основания — идентичные или чуть подправленные. В социуме развитие после частичной регрессии, т. е. следствие стресса, будет продолжаться с учетом имеющегося негативного опыта — то есть по новой модели, исключающей повторение ошибки.

В самоорганизации антропосистемы важной характеристикой становится принцип фрактальности. Само понятие фрактала, как известно, возникло в среде математиков в результате попытки системного объяснения феномена нелинейного самоподобия физических явлений системы окружающего мира, что уже рассматривалось более детально [Ершова, 2003: 62]. Формально визуализируя на 3D-модели процесс фракталообразования, важно учитывать тот факт, что физическое проявление фрактальности в природе непременно связано не столько с плоскостью, сколько с объемом (в большей или меньшей степени), при этом фрактализация происходит как бы внутри трехмерного пространства, заполняя его по всему объему.

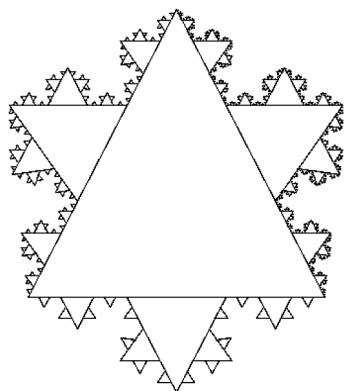

Рис. 2. Плоскостная «снежинка Коха»

Это существенно увеличивает (по отношению к плоскостному образу) возможности движения в разных направлениях. И вместе с тем это означает, что при «закрытии» возможности развития, например, влево, от исходной на одну ступень формы допускается новый вариант развития еще в нескольких направлениях. Аналогичным образом в развитии социума после случившегося регресса система неизбежно должна выбрать новое направление и отличные от первой версии характеристики, хотя и сохраняет базовые элементы. Мандельброт с успехом применил принцип фрактальности к анализу рынков, что обрушило все традиционные представления о «правилах» этой системы [Мандельброт, 2006].

Кроме того, построив трехмерный объект на основе «снежинки Коха» можно легко представить, почему центральная часть фрактального единства несет системосохраняющую функцию, тогда как фрактальная «граница» оставляет за собой функцию изменения системы, выбирая направление в зависимости от типа давления окружающей среды. В живой природе, например, постоянный ствол дерева, определяющий его видовую сущность и жизнестойчивость в соответствующих условиях, обладает приращивающимися ветвями. Эти ветви обладают возможностью реагировать на условия окружающей среды, менять конфигурацию дерева, воспроизводя регулярно сменяемые элементы, такие как листья, цветы и плоды, что напрямую зависит от колебаний средовых условий. На этом внешнем уровне становятся возможными мутации при репродукции. Если отрезать ветвь, то появление на том же месте ее точ-

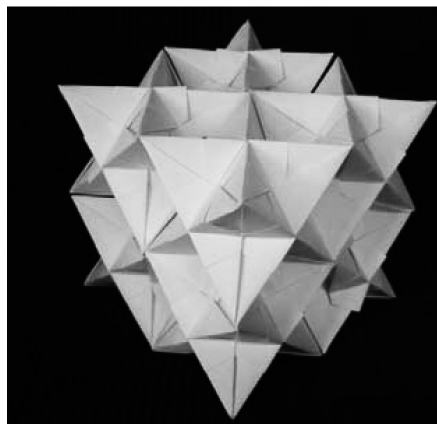

Рис. 3. Объемная «снежинка Коха»

ной копии крайне маловероятно, т. к. практически невозможно повторить исходные условия — начиная с возраста дерева, целостности ствола и чередования климатических циклов.

И если говорить о социальном развитии, то, как и в биологической эволюции, приобретенное социосистемой полностью не исчезает, а лишь может остановиться и поменять направление развития (от точки бифуркации) в любой точке при возникновении давления со стороны окружающей среды.

Таким образом, допуская фрактальный принцип модели эволюции живой системы, становится возможным определить, чем именно *развитие* системы отличается от *изменения* системы, т. е. появления «новообразования», по определению Мандельброта [Mandelbrot, 1997].

Выше уже рассматривались некоторые примеры исторического опыта отдельных региональных культур (подсистем антропосистемы), которые демонстрируют утрату цивилизационных характеристик и «отхода» на более примитивный уровень (при избыточной агрессии окружающей среды любого типа: изменения климата или давление соседей). Этот «отход» иногда может быть лишь временным, продолжается в период средней агрессии, а иногда безвозвратным, когда коллектив в результате депрессии ассимилируется другим, более активным, или же когда население попросту вымирает. В подобных ситуациях «временного отхода» движение может следовать схеме: шаг вперед (+1) — шаг назад (0) — шаг вперед (+1) (возврат на исходную позицию). Если происходит движение: шаг вперед (+1) — два шага назад (−1), то возвращение на исходную позицию (+1) оказывается практически невозможным [Ершова, 2003: 67–69]. Прерывание культурной традиции делает процесс необратимым. Но, как уже отмечалось, в случае, если социум все же вернется к движению вперед, он будет развиваться по измененной (по отношению к начальной) схеме, напоминая фрактальное развитие соседнего участка при возникновении давления на тот или иной фрагмент образования.

Непрерывность или дискретность?

Если процесс развития, тем более устойчивого, проходит сравнительно незаметно, то смены эпох становятся важными информационными реперами в непрерывном историческом потоке. Проблема так называемых «стадий», «форм», «формаций», «эпох» или «социально-хозяйственных моделей», «исторических систем», «стадий экономического роста», а также соответственных «типов общества» продолжает оставаться со времен Герберта Спенсера и Карла Маркса одной из наиболее обсуждаемых в гуманитарных науках. Хотя всем очевидно, что речь идет

о неизбежно сменяющихся состояниях общества. Причем уровень дискуссий колеблется от яростного отказа от определения, сделанного в парадигме предыдущей идеологической модели или научной школы, до полного «отрицания» обсуждаемого феномена как такового.

Безусловно, смены эпох — это всегда потрясение для общества, какое бы определение этому явлению не давалось. Помимо объективных факторов изменения типа хозяйствования, производства, экономических связей, социальных отношений, модели управления и политики происходит глубинный социальный стресс, связанный со сменой идеологической парадигмы (культурной революции). Стресс, так или иначе затрагивающий каждую личность, переживающую «смену эпох» и вынужденную адаптироваться к новым условиям. Естественность обывденного существования прерывается личностным стрессом глобального пересмотра отношения к меняющейся жизни.

То есть дискретность в процессе исторического развития становится необходимым элементом для понимания этого процесса, следуя принципу дополнительности, обозначенному Н. Бором и предполагающему, что в процессе познания для воспроизведения целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, «дополнительные» классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях [Философский словарь, 1972: 122]. Нельзя не согласиться с тем, что именно революция, сопряженная с глобальными преобразованиями на всех уровнях организации социума, заставляет поставить вопрос о том, чем же является развитие. Вместе с тем, перефразируя В. В. Налимова [Налимов, 1978: 75], процесс развития антропосистемы всегда предстает в некоторой целостности, однако нельзя анализировать его не расчлняя.

Революция

Революция — это конечный результат по узакониванию новых качеств в системе, а вовсе не попытка их установления. Различные источники, дающие определения революции, в целом совпадают в том, что это «радикальное, коренное, глубокое» изменение состояния, качественный скачок в развитии, «сопряженный с открытым разрывом с предыдущим состоянием». С одной стороны, «скачок в развитии» противопоставляется медленной постепенной эволюции, что, по-видимому, имеет основание. С другой стороны, революцию противопоставляют реформе, что не выглядит правомерным в силу того, что термин «революция» используется для характеристик трансформации системы в целом, тогда как термин «реформа» применим лишь к отдельным характеристикам

целостной системы (реформа образования — это коррекция образования в соответствии с новыми запросами меняющегося состояния социума как системы).

Вместе с тем драматичность процесса трансформаций, применительно в большей степени к последним векам истории, ассоциируется чаще всего с неизбежными революциями, в результате которых происходит смена системы управления или же производственно-технологической и экономической модели, а также культурно-идеологической парадигмы. Таким образом, революционный переход, символизирующий качественное изменение системы, является наиболее ярким и ключевым моментом исторического развития.

Объектом широкого обсуждения становятся обычно революции последних трех столетий, однако феномен как таковой имеет гораздо более давнюю традицию — именно в силу необходимости смены и обновления социоэкономических моделей. Естественно, что к проблеме смены типов общества внимание исследователей было обращено в силу накопления эмпирического опыта наблюдений, по сути лишь в XIX в. Однако сам феномен, будучи системным, не мог не проявить себя на достаточно давних этапах активного развития человеческой цивилизации — особенно при возникновении такого сложного инновационного социального образования, как государство.

Б. М. Кондорский, отмечая неизученность универсальности феномена «революций» в Древнем мире, отмечает: «Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем, причем не в переносном, а в самом буквальном смысле этого термина. Революции, как особое состояние общества, сопровождаются качественными изменениями во всех сферах, в первую очередь, на смену старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый» [Кондорский, 2013: 16]. По сути, необходимость менять схему взаимодействия элементов социосистемы и приводит к смене модели управления, что выглядит как «революция».

В исторических науках используются разные аспекты революций. Тот же автор выделяет эпохи революций и соответствующие этапы: «неолитические, архаические, феодальные революции и революции нового времени» [Кондорский, 2013: 16–17]. А также вводит понятие «революций второго плана, когда не происходит принципиальных изменений в сознании», приводя в качестве примера переход от раннего неолита к позднему. Сюда же он относит и переход в Риме от республики к империи [Кондорский, 2013: 17].

Однако если отталкиваться от системного принципа, то можно объединить описываемые в истории типы революций в следующие группы:

1. Смена одного из системных комплексов социума, например, смена типа хозяйствования и производства (неолитическая революция или «архаическая» в расширенном понимании Кондорского, т. е. применима к сходным уровням социума и в Греции, и на Ближнем Востоке, и в Индии, и в Китае [Кондорский, 2013: 17].

2. Смена системы власти вслед за необходимостью смены типа производства и социального устройства (феодалная, буржуазная, социалистическая, неолиберальная) — термин скорее соответствует перевороту. Если нового качества не сложилось самостоятельно, то никакой переворот не установит его *de facto*, хоть и декларирует *de jure*.

Хотя критерий при описании (зачастую даже не оценке) этих революций определяется лишь уровнем источниковой информации и степенью научности подхода. То есть, по сути, речь идет о типологически сходных феноменах, о которых в каждом конкретном случае мы располагаем различным количеством сведений и степенью их достоверности, не говоря о субъективности и ограниченности некоторых источников. Это, кстати, очень хорошо демонстрирует при описании «архаических» революций Кондорский. В его реконструкции революционных трансформаций в Китае отчетливо ощущается источниковая избирательность и направленность, как и видение того, что древние авторы считали главным и на что обращали внимание. Многие факторы, которые мы выбрали бы в качестве системообразующих сейчас, авторами-современниками событий попросту игнорируются, но это не означает, что их не существовало вовсе.

Совершенно очевидно, что революция как смена системы власти становится доступной для изучения только при наличии письменных источников в древние (и более поздние) времена. О результатах так называемой «неолитической революции» приходится судить лишь по археологическим источникам, практически игнорируя детали политических событий и конкретику социальных преобразований, которые, тем не менее, имели место быть. Точно так же сложно судить о том, как именно в разных культурах происходили переходы к раннегосударственным системам. Эта часть истории в целом выглядит как некий логический переход к централизации и укреплению власти — однако в реальности вряд ли эти изменения могли протекать столь органично.

Судить о внутрисистемных системных переменах уже становится возможным по некоторым текстам — например, тексту Речения Ипувера [Речения Ипувера, 1950, 1978], который при всей дискуссионности перевода, точности периода событий и некоторых интерпретаций в целом отчетливо отражает состояние резкой социальной нестабильности и произошедшие перемены в египетском обществе на фоне многоаспектного экономического упадка и перелома. В этом утратившем устойчивость го-

сударственном образовании социальные страты явно меняют свои функции, аппарат власти отстраняется от управления, не работает существующая религиозно-идеологическая модель, знания заменяются новыми, сама территория выглядит как доступная добыча в глазах агрессивных соседей. Автор очень точно отразил наличие глубочайшего кризиса на всех уровнях египетского общества. Естественно, что будущее для современника выглядит трагическим и непонятным. То есть канонизированные положения модели мира оказываются несостоятельными и вызывающими протест, а новых вариантов современник попросту не видит.

Революциями иногда именуют различного типа государственные перевороты. Это феномен особенно отчетливо проявил себя в последние десятилетия и представляет собой по сути инсинулируемые извне перевороты, осуществляемые под брендом «бархатные», «цветочные» «демократические» революции как разновидности «культурных революций», готовящих смену идеологии. В настоящее время (с 2010-х) эта технология, как дискредитировавшая себя, заменена на «легальную» смену правительств под лозунгом «протест возмущенного коррупцией властей народа». В чем принципиальное отличие революции от ее имитирования? Принципиально важно, что имитационные перевороты не отражают естественного наличия новых системных качеств, а пытаются навязать некие чуждые качества на неподготовленный субстрат. Это естественным образом обеспечивает сетевую дезинтеграцию собственной системы, отказ от самостоятельного развития и подчинение ее внешнему влиянию. И завершается, в конечном счете, интеграцией по нескольким моделям в систему «поглотительницу». Важно отметить, что имитаторы культурных революций нацелены на разрушение системы науки и знаний — в отличие от культурных революций, сопровождающих естественное развитие системы. Так, например, культурная революция, начавшаяся после революции 1917 г., по сути не затрагивала науку, т. к. в этом случае подрывалось бы развитие государства. Е. А. Долговой был проведен детальный анализ реального вмешательства идеологии в сферу отечественной науки. Автор приходит к убедительному выводу о том, что «цифры статистических отчетов опровергают тезис о “коммунистическом” характере отечественной науки 1920-х гг. и ее подчиненности государству» [Долгова, 2016].

Путем революции обычно предпринимается попытка реализовать следующие изменения компонентов социосистемы:

1. Система управления в целом, в направлении обезличенности власти.

2. Более широкое представительство и интеграция новых блоков и слоев населения в управление (профессиональное, этническое, духовное, половозрастное и т. д.).

3. Расширение доступности участия в производстве.
4. Схемы распределения прибыли (в том числе национальный доход).
5. Территориальное управление ресурсами.
6. Повышение качества жизни (социальные гарантии и т. д.).
7. Расширение доступа к образованию.
8. Расширение сферы применения науки и технологий.
9. Модели коммуникации — расширение аудитории и скорость. Реформы информоресурсов (в том числе манипуляции с официальными языками и пр.).
10. Смена идеологии (религия, политический дискурс, традиции).
11. Смена одиозных персонажей прошлой системы как символов идеологии.

Прогнозирование и ожидания по отношению к новой модели

Каковы законы новой модели? Казалось бы, чего проще, во избежание неизбежного кризиса развития социосистемы выстроить прогноз и изменения управленческой модели? Однако наступает самое сложное — именно управленческая модель отказывается планировать собственное развитие. Это с одной стороны, а с другой, существует вполне объективное препятствие: единственное, что на данный момент известно, это то, что невозможно спрогнозировать *качество* новой системы. Все прогнозы строятся в рамках существующей модели, с определением возможных направлений в ее развитии. Проще всего воспринять эту ситуацию на примере прогноза, выполненного суперкомпьютером-симулятором. Он может учесть и спрогнозировать все, но только в рамках заложенной в него системы сведений, опыта и знаний. Тем самым складывается замкнутый круг неизбежности будущего революционного конфликта. Будущее перехода количества в принципиально новое системное качество оказывается недоступным, т. к. такой информации не существует в имеющемся научном сознании. В качестве примера такой методологической ошибки можно привести частную историю с прогнозированием природных феноменов. В начале 2011 г. Япония объявила о создании «суперкомпьютера»-симулятора, который, в частности, ежесекундно регистрировал «всю» информацию о состоянии Земли — ради прогнозирования опасных природных явлений. Тем не менее этот суперкомпьютер не смог выдать предупреждения о возможности мощного землетрясения, которое произошло уже 11 марта вблизи Японии и сопровождалось невиданным до этого разрушительным цунами. После цунами информация об этом суперкомпьютере ограничивалась лишь его

способностями обсчитывать огромные объемы информации, что, заметим, требует огромных энергозатрат. Но если для планетарной системы теоретически еще допускается регулярное появление повторяющихся природных феноменов, то для антропосистемы данных о будущих возможных состояниях в развитии взять попросту неоткуда.

Вместе с тем прогнозирование будущих состояний развития социосистемы — это, пожалуй, самый сложный и самый востребованный компонент управления обществом. Без прогноза — т. е. моделирования будущих ситуаций и подготовки к ним — активная адаптация человека невозможна. Эта способность возникает вместе с формированием в мышлении человека триады «вчера—сегодня—завтра», что сразу же выделяет сапиенса из животного мира. Не только предвидение стандартных ситуаций, но и моделирование таких, которые могут произойти только потенциально, резко повысило шансы человека на выживание в агрессивной окружающей среде. Именно подобное логическое выстраивание временного ряда послужило основой мышления человека, что, по определению Ю. В. Кнорозова, есть «внутреннее (немое) воспроизведение сигнального ряда», которое «в основном является моделированием ситуаций. Именно моделирующая функция человеческой сигнализации дала возможность заранее планировать операции, в том числе и никогда ранее не выполнявшиеся» [Кнорозов, 1973: 331].

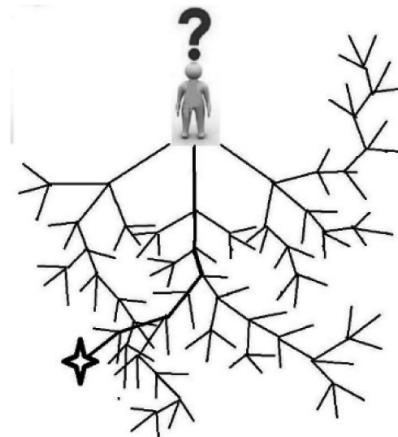

Рис. 4. Существует большое количество потенциальных вариантов развития, которые если и оцениваются, то лишь подсознательно

Рис. 5. Вариант, который предложит «прорицатель», становится единственным для неукоснительной реализации и тем самым построения будущего

В древности для целей прогнозирования существовали разноименные прорицатели, занимавшие особый статус в обществе. Причем культур, которые бы в древности не имели специальных людей для прогнозирования будущего, практически не существует или же не сохранилось данных об этой области их существования. Прорицатели, по сути, обращались к имеющемуся опыту или моделировали новые ситуации из уже известных компонентов.

Выбор правильного направления для прорицателя являлся интуитивным «откровением». Все возможные версии формально не подвергались анализу.

Прорицание касалось прежде всего опять же «интуитивной» оценки вероятности реализации того или иного сценария из всего разнообразия возможных, которые выстраивались по особым критериям.

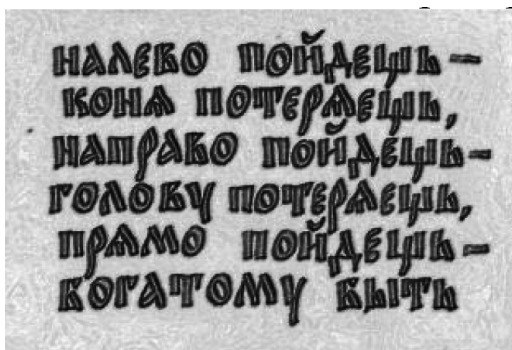

Рис. 6. Варианты выбора успеха будущих действий, согласно русским сказкам

Модель, по которой осуществлялся выбор, отчасти можно обнаружить в мифологии. В русских сказках существует масса версий определения трех направлений, которые, по сути, должны соответствовать представлениям человека о мироустройстве:

- Прямо, движение к солнцу (на юг), ассоциировалось с жизнью и процветанием.
- Движение против солнца, т. е. налево — восток, при ориентации лица на солнце, считалось опасным, т. к. воспринималось как противоестественное для живых и допустимое лишь в мире мертвых, а для живых требовало специальных обрядов.
- Движение вправо — на запад солнца — было движением правильным для человека, но вело вслед за солнцем, в страну мертвых.
- Движение назад (север) — исключалось по определению, т. к. именно на севере для русских (как и прочих культур северного по-

лушария Земли) находился мир мертвых [Ершова, Черносивтов, 2003: 83–90]. В результате предлагался троичный или даже совсем упрощенный двоичный выбор.

За многие тысячелетия существования сказки это древнее, восходящее, возможно, к палеолиту знание об устройстве мира было утрачено, поэтому с каждой новой культурной традицией возникали новые варианты и интерпретации. Однако выражение «ходить налево» с семантической нагрузкой «делать что-то предосудительное в плане полового поведения» сохранилось в языке в виде устойчивого фразеологизма. Он обрел, особенно в христианские времена, множество более актуальных и понятных народных объяснений — от проблемы соседства библиотеки Цельсия с публичным домом до деления христианской церкви (дома) на мужскую и женскую половины и даже расположения ангелов.

Для обеспечения процесса непрерывного развития человеческому коллективу всегда было чрезвычайно важно обеспечить наличие прогноза. Выбор правильного направления при научном прогнозировании предполагает массу возможных вариантов выбора. Однако большинство из них оказываются неудовлетворяющими запросу. Или ведут к иным результатам. Поэтому выбирается оптимально подходящий.

Рис. 7. Аналитический прогноз основан на исключении заведомо тупиковых вариантов

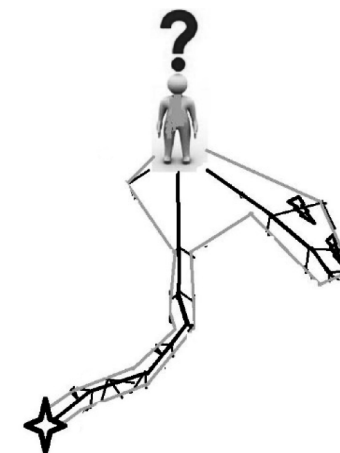

Рис. 8. В любом случае аналитика допускает несколько версий, из которых выбирается окончательная

Необходимость научного прогноза развития человечества со всей очевидностью обозначилась во второй половине XX в. Но и в настоящее время задача продолжает оставаться достаточно сложной. Примечательно, что Римский клуб, возникший в 1968 г., широко заявил о «независимых» попытках решения глобальных проблем человечества, с пафосной программой «Трудностей человечества» и создания прогнозов перспективы развития мира с помощью компьютерных программ. Однако полвека спустя Римский клуб окончательно превратился в стандартные околополитические посиделки именитых персонажей с претензией на частные рекомендации человечеству. Достаточно упомянуть полное политкорректности название доклада 2016 г.: «Прозрание по-новому: Управление экономическим ростом для сокращения безработицы, неравенства и изменений климата» («Reinventing Prosperity: Managing Economic Growth to Reduce Unemployment, Inequality and Climate Change»).

Вновь обращаясь к принципу фрактального развития, уже применительно к прогнозированию антропосистемных процессов, хотелось бы отметить наличие закономерностей, которые были отмечены Мандельбротом. Речь идет о феномене, согласно которому, фракталы различной значимости по мере удаления от ядра способны к новообразованиям, развивающимся на базе исходной формы. Разделение, по мнению Мандельброта, должно происходить на фрактальной кривой. То есть, чем удаленнее фрактал, тем он более самоподобен исходному состоянию. Мандельброт утверждает: «Моя позиция, основанная на утверждении “возвращения к норме”, состоит в том, что чем дальше от ядра находятся атомы, тем больше они стремятся к уподоблению исходной форме» [Mandelbrot, 1997: 264].

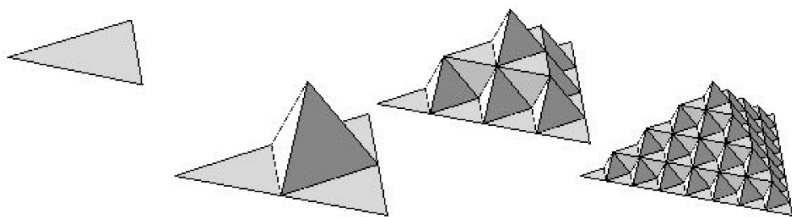

Рис. 9. Трехмерные элементы «снежинки Коха». Исходная форма обладает меньшим числом включенных элементов и связей с окружающими структурами

Если перенести эти принципы на эволюцию социосистемы, то придется прийти к парадоксальному выводу, что череда так называемых качественно отличных от предыдущих версий «новообразований» должна привести к некоему аналогу исходной формы — а именно «племенной». Ее можно вообразить как систему без социальной стратификации, коллективной собственностью на ресурсы со справедливым распределением энергоресурсов и продуктов, без права наследования, с групповой системой родства и естественным отбором внутри популяции, но при этом с высоким качеством жизни и большой средней продолжительностью, сверхразвитыми технологиями и образованием, особой формой информационной коммуникации, большим запасом энергоресурсов на огромных территориях. Подобный образ сразу же наводит на мысль о коммунистической утопии, несостоятельность которой, казалось бы, уже убедительно доказана. Однако в этом и состоит главное отличие между развитием и «новообразованием». Результаты развития — прогнозируемы, т. к. все интегрированные элементы качественно остаются прежними, только лишь в большем количестве и с более сложными связями и прежней самоорганизацией. А вот «новообразование» недоступно нашему прогнозу, т. к. характеризуется принципиально новыми качествами, характеристики которых, и тем более форма самоорганизации, нам неизвестны. Так, например, в XIX в. можно было рассуждать о потенциальном увеличении скорости доставки все более объемных печатных изданий — однако не было ни малейших оснований для прогнозирования Интернета. Хотя эффект информационного экрана как потребность присутствовал в сознании людей в качестве сказочного чуда.

Коммунистическая утопия была выстроена по характеристикам уже известной системы в соединении с мечтой о райском счастье, что, возможно, и явилось основной ошибкой ее построения. Тем не менее она сыграла роль мощнейшего в гуманизации человечества фактора, если использовать термин Б.Б. Леонтьева [Леонтьев, 2012]. Как бы то ни было, если рассуждать о прогнозе даже на недалекое будущее, то стоит признать, что нам недоступна оценка ни будущего уровня технологий, ни коммуникативных ресурсов, ни формы энергоресурсов, ни даже потенциальная территория расселения и форма самоорганизации общества. Обычно такими конструкциями из несуществующих вводных, полностью оторванными от прогнозируемой реальности, занимаются фантасты. Единственное, что мы можем предположить, это то, что должно существовать три блока системы, лишь один из которых, системоизменяющий, должен меняться постоянно, по мере реализации развития. Второй блок меняется редко — т. е. с наращиванием количественных

изменений в первом блоке, требующих качественной смены системы. Третий блок — это системосохраняющая основа, которая не подвержена изменениям вовсе.

Начнем с третьего, системосохраняющего блока. В антропосистемном построении сюда входят базовые элементы организации Вселенной и Земли с немногими существующими константами, ритмами, химическими элементами, физическими законами и биологической организацией, существующей даже до возникновения человека разумного. Сравнивая с логикой «строительства здания», это соответствует основе здания, фундаменту, несущим стенам и перекрытиям, без чего здание перестает существовать. При замене этих элементов приходится говорить уже о «новоделе», т. е. принципиально новом здании.

Второй блок представляет человечество, самоорганизованное в объединения (подсистемы) для построения искусственной среды обитания разных уровней. Эта треть не является константной, но достаточно устойчивой на определенном временном отрезке. Устанавливается лишь на время деятельности коллектива и может быть заменена по мере смены функций или требований качественных изменений. Продолжая сравнивать со зданием, мы можем рассуждать о состоянии системы на данный момент, обеспечивающем функции (жилой дом, учебное заведение, производство, магазин, театр, административное заведение) здания — системы жизнеобеспечения, коммуникации, планировка, окна-двери. Только изменение функций здания может востребовать изменения интегрированных элементов.

Первая, выполняющая функцию изменения, треть системы — это многообразные социальные институты и коллективы — от семьи до системы производства, экономики, власти внутри своих территориальных образований и пользующиеся энергоресурсами. Все эти институты создают искусственную среду обитания внутри константной природной, постоянно развиваются, исчезают и возникают, требуют новых связей и отношений. Собственно, в нашем образном «здании» это то присутствие человека, что обеспечивает сам смысл существования конструкции.

Выводы

Проблема развития в гуманитарных науках (исторического развития или развития антропосистемы) не может быть решена одним только анализом исторических или социальных преобразований без осмысления контекста, в котором они реализуются. Этот обширный контекст возможно описать только привлекая языки естественных наук, включая

математический аппарат, позволяющий выявить закономерности развития. Подобный мультидисциплинарный подход открывает возможности для определенного прогнозирования будущих процессов, пока они реализуются в схеме количественного наращивания меняемых признаков. Этот же подход позволяет понять невозможность прогнозирования состояния системы при реализации ее качественного изменения. При этом кажется возможным определить временной период в прогнозе наступления качественных изменений.

Литература

Долгова Е.А. (2016). «Коммунистическая наука»: о некоторых кадровых подсчетах в 1929 г. [«Communist science»: about some HR statistics in 1929] Стены и мосты: междисциплинарные исследования в истории. Материалы международной научной конференции. М.: Академический проект. С. 202–209.

Dolgova E.A. (2016). «Kommunisticheskaya nauka»: o nekotorykh kadrovyykh podschetah v 1929 g. [«Communist science»: about some HR statistics in 1929] Steny y mosty: mezhdisciplinarnye issledovaniya v istorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Moscow. S. 202–209.

Ершова Г.Г. (1999). Асимметрия функций как механизм самоорганизации усложняющихся систем (К проблеме самоорганизации антропосистемы) [The Assymetry of Functions as Mecanism of Self-Organization of Systems of Icreasing Complecity (Upon a Problem of Self-Organization of Anthroposystem)]. Пространства жизни. К 85-летию академика Б. В. Раушенбаха. М.: Наука. С. 323–353.

Ershova G.G. (1999). Asimetriya funkciy kak mehanizm samoorganizacii uslozhnyayushhihsya sistem (K probleme samoorganizacii antroposistemy) [The Assymetry of Functions as Mecanism of Self-Organization of Systems of Icreasing Complecity (Upon a Problem of Self-Organization of Anthroposystem)]. Prostranstva zhizni. K 85-letiju akademika B. V. Raushenbaha. Moscow: Nauka. S. 323–353.

Ершова Г.Г. (2003). Асимметрия зеркального мира [The Asymmetry of Mirrow World]. М.: Изд-во РГГУ.

Ershova G.G. (2003). Asimetriya zerkalnogo mira [The Asymmetry of Mirrow World]. Moscow: Izdatelstvo RGGU.

Ершова Г.Г., Черношвитов П.Ю. (2003). Наука и религия: новый симбиоз? [Science and Religion: a New Symbiosis?]. СПб.: Алетейя.

Ershova G.G., Chernosvitov P.Y. (2003). Nauka y religiya: novy symbios? [Science and Religion: a New Symbiosis?]. Saint Petersburg: Aleteya.

Ершова Г.Г. (2011). Новые подходы в изучении письменных культур Нового Света в свете календарного «феномена 2012» [New Approaches in

Studies of Scribal Cultures in light of «2012 phenomenon»]. Исторический журнал — научные исследования. № 3. С. 5–15.

Ershova G.G. (2011). *Novye podhody v izuchenii pismennykh kultur Novogo Sveta v svete kalendarnogo «fenomena 2012»* [New Approaches in Studies of Scribal Cultures in light of «2012 phenomenon»]. *Istoricheskiy zhurnal — nauchnye issledovaniya*. № 3. S. 5–15.

Ershova G.G. (2013). *Нравственный императив исторического процесса? Ответ в междисциплинарности* [The Moral Imperative of Historical Process? An Answer is Interdisciplinarity]. *Стены и мосты: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. Материалы международной научной конференции*. С. 10–29.

Ershova G.G. (2013). *Nravstvennyi imperativ istoricheskogo processa? Otvet v mezhdisciplinarnosti* [The Moral Imperative of Historical Process? An Answer is Interdisciplinarity]. *Steny y mosty: mezhdisciplinarnye i polidisciplinarnye issledovaniya v istorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii*. Moscow. S. 10–29.

Кнорозов Ю.В. (1973). *К вопросу о классификации сигнализации* [Upon a Question of Classification of Signalisation]. *Основные проблемы африканистики*. М.: Наука. С. 324–334.

Knorozov Y.V. (1973). *K voprosu o klassifikacii signalizacii* [Upon a Question of Classification of Signalisation]. *Osnovnye problemy afrikanistiki*. Moscow: Nauka. S. 324–334.

Кондорский Б.М. (2013). *Архаическая революция в Древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа)* [Archaic Revolution in Ancient China (An Effort of Comparative Analysis)]. *Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 2*. М.: Наука. С. 16–28.

Kondorsky B.M. (2013). *Arhaicheskaya revolyuciya v drevnem Kitae (popytka sravnitelno-istoricheskogo analiza)* [Archaic Revolution in Ancient China (An Effort of Comparative Analysis)]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: Vol. XLIII. Ch. 2*. Moscow: Nauka. S. 16–28.

Леонтьев Б.Б. (2012). *К вопросу об иерархии научных знаний и эффекторах как междисциплинарных объектах исследований* [Upon a Question of Hierarchy in Scientific Knowledge and Effectors as Objects of Interdisciplinary Research]. *Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. Материалы международной научной конференции*. М.: Академический проект. С. 107–118.

Leontiev B.B. *K voprosu ob ierarhii nauchnykh znaniy i effectorah kak mezhdisciplinarnykh obektah issledovaniy* [Upon a Question of Hierarchy in Scientific Knowledge and Effectors as Objects of Interdisciplinary Research]. *Steny y mosty: mezhdisciplinarnye podhody v istoricheskikh issledovaniyah*.

Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Moscow: Akademicheskiiy projekt. S. 107–118.

Мандельброт Б.Б., Хадсон Р.Л. (2006). *(Не)послушные рынки: Фрактальная революция в финансах* [The Misbehavior of Markets: A Fractal View of Financial Turbulence]. М.; СПб.; Киев: Вильямс.

Mandelbrot B.B., Hudson R.L. (2006). *(Ne)poslushnye rynki: fraktalnaya revolyutsiya v finansah* [The Misbehavior of Markets: A Fractal View of Financial Turbulence]. Moscow; Saint Petersburg; Kiev: Wiliams.

Налимов В.В. (1978). *Непрерывность против дискретности в языке и мышлении* [Continuity vs Discontinuity in Language and Thinking]. Тбилиси: Издательство ТГУ.

Nalimov V.V. (1978). *Nepreryvnost protiv diskretnosti v yazyke i myshlenii* [Continuity vs Discontinuity in Language and Thinking]. Tbilisi: Izdatelstvo TGU.

Речение Ипувера [Ipuwer Papyrus] (пер. В. В. Струве) (1950). *Хрестоматия по истории Древнего мира / Под ред. В. В. Струве*. М. С. 57–62.

Rechenie Ipuvera [Ipuwer Papyrus] (per. V.V. Struve) (1950). *Hrestomatiya po istorii drevnego mira*. Pod. red. V.V. Ctruve. Moscow. S. 57–62.

Речение Ипувера [Ipuwer Papyrus] (пер. М.А. Коростовцева) (1978). *Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза*. С. 226–240.

Rechenie Ipuvera [Ipuwer Papyrus] (per. M.A. Korostovtseva) (1978). *Povest Peteise III. Drevneegipetskaya proza*. Moscow. S. 226–240.

Розов М.А. (1985). *Явление дополнительности в гуманитарных науках* [Phenomena of Additionality in Humanities]. *Теория познания*. Т. 4. С. 208–227.

Rozov M.A. (1985). *Yavlenie dopolnitelnosti v gumanitarnykh naukah* [Phenomena of Additionality in Humanities]. *Teotiya poznaniya*. Vol. 4. Moscow. S. 208–227.

Философская энциклопедия [A Philosophy Encyclopedia]. В 5 т. (1960–1970). М.: Советская энциклопедия.

Filosofskaya Enciklopediya [A Philosophy Encyclopedia]. V 5 t. (1960–1970). Moscow: Sovetskaya enciklopedia.

Новая философская энциклопедия [A New Philosophy Encyclopedia] (2010). 2-е издание, в 4 т. Институт философии РАН. М.: Мысль.

Novaya filosofskaya enciklopediya [A New Philosophy Encyclopedia] (2010). 2-e izdanie, v 4 t. Institut filosofii RAN. Moscow: Mysl.

Interdisciplinary Approaches in System-Studies of Social-historical processes and Social-historical Prognostication (by Ershova G.G.)

Maxton G., Randers J. (2016). *Reinventing Prosperity: Managing Economic Growth to Reduce Unemployment, Inequality and Climate Change*. Vancouver: Greystone Books.

Mandelbrot B. (1997) *La geometría fractal*. Barcelona: Tusquets Editores.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Савельева Ирина Максимовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

Аннотация. Статья концентрируется на «социологической классике» в исторических исследованиях последних 50 лет, анализируя влияние теоретической и исторической социологии на «сциентизацию» истории в середине прошлого века и трансформации, произошедшие позднее, когда культурный и лингвистический повороты привели к заметному понижению роли социологии как главного источника объяснительных моделей. Изучение «социологической составляющей» текущих исторических исследований показывает, что социология остается важным источником теоретических подходов и понятий, но, во-первых, за это время радикально изменилась сама социология, во-вторых, в поле зрения социальной истории попали многие другие социальные дисциплины (communication, cultural studies, education, environment, human geography, linguistics, media и др.). В отличие от социологии они менее сциентизированы. Отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма в исторической науке сопровождался не отходом от социологических объяснений, а поверхностным и часто «из вторых рук» усвоением новых подходов и концептуального аппарата. В результате социологический арсенал социальной истории ощутимо обновился, но «новые классики» социологии в поле дисциплины практически не заметны.

Ключевые слова: социология, социальная история, классика, социальные науки, исторические журналы, сциентизм, макротеория, микротеория, концепты.

У научных теорий и концептов в социальных науках разная судьба: одни превращаются в монументы, другие остаются актуальными на протяжении многих десятилетий, третьи — переживают возрождение. Клас-

сика, созданная в рамках одной дисциплины и заимствованная другой, в этом смысле может в значительной степени жить собственной жизнью. У каждой теории в поле других наук своя история апроприации, успеха и забвения. Особенно это относится к истории, для которой характерны колебания между социальными и гуманитарными науками и «receptivity curves»: использование «сильных теорий» обычно начинается позднее и продолжается тогда, когда эти теории уже превращаются в памятники в своих дисциплинах. Однако это слишком общее заключение, и внимательный анализ может дать более нюансированную картину.

Данная статья концентрируется на «социологической классике» в исторических исследованиях последних 50 лет в определенной перспективе: влияние теоретической и исторической социологии на «сциентизацию» истории в середине прошлого века и трансформации, произошедшие позднее, когда культурный и лингвистический повороты привели к заметному понижению роли социологии как главного источника объяснительных моделей.

Поскольку термин «классика» используется в разных значениях, я буду пользоваться определением, предложенным в нашей книге «Классическое наследие» [Савельева, Полетаев, 2010: 37]. Под «классикой» я понимаю научные работы, которые одновременно удовлетворяют трем условиям: 1) считаются или называются классическими в научном сообществе (номинальное определение); 2) изучаются в процессе обучения, т. е. «в классе» (функциональное определение)¹; 3) в явном виде используются в исследованиях современных авторов (референциальное определение). Синонимами термина «классика» в таком понимании могут быть: выдающийся, фундаментальный, основополагающий. Классическими могут называться как авторы, так и их работы и идеи, получившие данный статус (не все работы классиков признаются классическими).

У меня есть специальные работы о классике в социально-гуманитарных дисциплинах, выполненные вместе с Андреем Полетаевым [Савельева, Полетаев, 2010; Савельева, Полетаев, 2012], и о корпусе социологической классики в исторических работах XX в. [Савельева 2011]. Однако в основной части, касающейся XXI в., данная статья является результатом изучения текущего состояния социальной истории по материалам ведущих исторических журналов за 2000–2015 гг. В ходе этого исследования я накопила достаточное количество наблюдений о присутствии/отсутствии социологических теорий и упоминаний их авторов в современных исторических работах.

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹ О классических работах в этом значении лучше всего свидетельствуют учебники и ридеры.

Список классиков социологии в исторических исследованиях вполне предсказуемо по-прежнему возглавляют DWM (Dead White Men — мертвые белые мужчины): Дюркгейм, Вебер, Маркс. Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс и Макс Вебер разработали общие объяснительные концепции превращения европейского общества из традиционного в модерное. В этом смысле социология в своих классических основаниях представляла собой именно *историческое* объяснение, а «весь политический проект модерна пронизан предвидениями будущего человечества и планами воздействия на будущее в историческом контексте» [Wittrock, 2009: 77, 79]. Эти же классики разработали механизмы глобальной социальной трансформации, описанные в таких концептах, как классовая борьба, революции, секуляризация, бюрократизация, солидарность и пр. На протяжении всего интересующего нас периода DWM были наиболее цитируемыми авторами, независимо от контекста, в котором они упоминались. В 2000 г. h-index Маркса был 154, Дюркгейма — 85; Вебера — 118. В XXI в. их популярность постепенно падает, но все еще остается очень высокой¹. За время, прошедшее с начала века, историки не сотворили новых кумиров, сопоставимых по популярности с Марксом, Дюркгеймом и Вебером. Тем не менее, если посмотреть на реестр классиков в целом, периоды 1960–1970-х гг. и 1990–2000-х гг. демонстрируют совершенно разные модусы существования социологической классики в работах историков.

Историческая наука во второй половине XX в. пережила небывалый подъем и теоретическое/методологическое переоснащение, и локомотивом этого обновления стала социальная история (наряду с экономической, но на ней здесь я не буду останавливаться). В последней трети XX в. социальная история инициировала появление целого спектра историй социальных групп и практик: детства, женщин, гендера, старости, повседневности, маргинальности и пр. Однако, распавшись на множество самостоятельных направлений, сама субдисциплина оказалась в ситуации, которую ведущие ее представители определяли как кризис [Kaelbe, 2003: 29].

Новый этап характеризовался не только фрагментацией социальной истории, но и, что более важно, охлаждением к социальной теории, генерализирующим подходам и, в более широком смысле, к идее сциентизации истории.

¹ h-индекс Карла Маркса в социальных науках с 2000 до 2015 г. упал на треть — со 154 до 101. В последние годы количество ссылок на Маркса устойчиво сокращается: 17 507 в 2013 г., 16 769 в 2014 г., 16 187 в 2015 г. и пока что 6028 в 2016 г. (источник: <https://scholar.google.ru/citations>). Рост интереса к Марксу в связи с мировым финансовым кризисом наблюдался с 2008 по 2013 г., после чего возобновился тренд на падение. h-индекс Дюркгейма в 2000 г. — 85, в 2011 г. — 57. В 2015 г. было 7834 цитирования. h-индекс Вебера в 2000 г. — 118, в 2011 г. — 76. В 2015 г. было 13 297 цитирований. Available at: <https://scholar.google.ru/citations> (дата обращения: 10.08.2016).

Несмотря на разительные перемены, произошедшие в статусе и содержании истории, интересующая нас тема отношений с социологией остается практически незатронутой исследовательской проблемой, равно, впрочем, как и анализ современного состояния социальной истории. Как отметил в свое время Питер Стирнз, «если в последние десятилетия прошлого века температуру социальной истории измеряли слишком часто, то в наступившем веке о ней почти перестали говорить» [Stearns, 2003: 9]. Соответственно, остается неясным, насколько активно сегодня востребованы историками социологические работы (как новые, так и старые), какие социологические идеи привлекают их внимание, оскудели ли ссылки на социологов-классиков на страницах исторических сочинений или, наоборот, приросли.

Социальная история 1960–1970-х гг. Сциентизация через социологизацию

В современной Академии и в дисциплинарных классификаторах история часто относится к области социальных наук. И действительно в XX в. историки, представлявшие наиболее передовые направления дисциплины, стремились к сциентизации и многое для этого сделали. Тем не менее надо признать, что истории так и не удалось стать «настоящей» социальной наукой, хотя, создавая фундаментальные концептуальные работы, историки обращались к теориям разных социальных наук. Позднее этот процесс назвали «стратегией присвоения». В результате во второй половине XX в. историки почти прекратили производить собственно «исторические» теории. «Стратегия присвоения» предполагает, что история может эффективно использовать теоретический аппарат социальных наук, занятых преимущественно анализом настоящего. Начиная с 1960-х гг. в историографии утвердилась следующая модель взаимодействия с социальными науками: историческая субдисциплина — выбор соответствующей социальной науки — выбор макро- (а чуть позднее и микро-) теории — приложение ее к историческим источникам. В частности, социальная история 1960-х гг., изучая процессы, структуры, институты и группы, отвечала на вопрос — как возможно общество? — и опиралась прежде всего на концептуальный багаж социологии.

Социологи середины прошлого века, оказавшие огромное влияние на историческую науку — Баррингтон Мур, Ричард Бендикс, Сеймур Липсет, Тедда Скокпол, Иммануэль Валлерстайн, Шмуэль Айзенштадт, Майкл Манн, Чарльз Тилли и др. — выдвинулись на волне антипарсонской революции 1970-х гг. Они создавали не общие панорамы развития общества, а теории, интерпретирующие устройство важных, но все

же отдельных социальных феноменов, таких как революция, насилие, власть, экспансия, идентичность и др., предлагая их типологии и используя преимущественно методы сравнительного анализа. В качестве самых известных примеров разработки исторической проблематики и создания на этой базе обобщенных моделей власти, социальных революций, коллективных действий и т. д. можно назвать исследования Манна о происхождении власти в обществе, начиная с доисторических времен [Mann, 1986–1993]; теорию предпосылок диктатуры и демократии Мура [Moore, 1966]; анализ политического механизма революций, предложенный Скокпол (Skocpol, 1979); теорию коллективного действия, разработанную Тилли [Tilly, 1964, Tilly, 1984], миросистемный анализ Валлерстайна [Wallerstein, 1974–1989] и многие другие. Утвердившееся в социологии историческое объяснение в форме теории модернизации в дихотомиях: традиционное — современное, сельское — городское, западное — незападное, стагнирующее — динамичное и т. д. [Wittrock, 2009: 89] активно воспринималось исторической наукой.

Надо заметить, что историческая социология этой когорты характеризовалась как раз отсутствием историчности. По большей части социологические объяснения феноменов прошлого представляли собой компаративы и обобщения, не темпоральные по своей логике, а основанные или на логических сравнениях нескольких синхронных или диахронных кейсов, или на анализе статистических регулярностей, или на логическом отнесении конкретных случаев к широким историческим типологиям и «всеобщим законам» [Griffin, 1992]. Тем не менее многие из этих теорий были быстро освоены историками и стали основой многих «больших исторических нарративов» 1960–1980-х гг.

Существует и немало оригинальных микроисторических исследований, смоделированных по образцу микросоциологических концепций. В наиболее явном виде понятийный, концептуальный и теоретический аппарат социологии применяется в работах Джованни Леви, посвященных социальной истории, а также обсуждению теоретических проблем микроанализа. Из аппарата микросоциологии Леви заимствовал теории символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида и Герберта Блумера; масштабов социального взаимодействия Фредерика Барта; символической власти Пьера Бурдьё, сетевых взаимодействий Дж. Хоманса и т. д.

История и социология в XXI в.

К концу прошлого века фрагментация исторической дисциплины и формальное отмежевание целого ряда направлений, стартовавших когда-то в рамках социальной истории, заметно сократило ее домен

в академической историографии и во многом уравнило ее с ними. Однако ключевыми были перемены в исследовательских подходах и установках самой социальной истории: разочарование в «больших теориях» и охлаждение к структурной истории. Именно на этих столпах социальная история во многом базировалась. Идеино-политический контекст, характеризовавшийся окончательной маргинализацией марксизма (всегда влиятельного в социальной истории), и появление новых «субъектов истории» (женщин, маргиналов, субалтернов и т. д.), не менее важных, чем классы, также инициировали радикальные перемены в выборе тем и палитры интерпретаций. Под влиянием культурного и лингвистического поворота социальные историки, узнав о семантических, социальных и политических конструкциях и овладев техниками деконструкции символических практик, научились «серьезно относиться к языку». Произошедшие перемены повлекли падение интереса к массовым источникам, особенно статистическим, и заметное охлаждение к использованию математических методов и структурному анализу. В результате внимание историков переключилось с социологии на другие социальные и гуманитарные дисциплины.

В историографии произошла и очевидная смена тематических приоритетов. В предметном поле социального историка оказались хитросплетения прошлого взамен закономерностей, индивид вместо «социального типа» и уникальный микромир вместо «больших структур». Сам по себе поворот от типичного к уникальному, от закономерности к случайности автоматически не предопределял отказа от социологии как теоретической базы, ибо в социологии в это время утверждались те же тенденции, выраженные в направлениях, объединяемых понятием методологического индивидуализма (этнометодология, символический интеракционизм и др.). Однако релевантные социологические теории уже мало интересовали историков. Вполне в соответствии с «духом времени» произошло радикальное перераспределение инструментов познания в пользу «нестрогих» методов и реабилитации воображения. Изменения коснулись всего: теорий, методов, тематики междисциплинарных альянсов.

В результате из лидера исторической науки с явным социологическим наполнением, каким она была в 1970-е гг., социальная история уже в 1990-е превратилась в одно из многих направлений исторических исследований. Потеря гегемонии имеет явные признаки: появилось много новых влиятельных исторических субдисциплин, на них сориентированы новые исторические журналы, в большом количестве возникшие после 1980-х гг., убывает интерес студентов к специализации по социаль-

ной истории, новые кафедры не создаются, а часто, наоборот, перепрофилируются, падают продажи книг по социальной истории. Социальные историки не столь заметны в области публичной истории, как историки памяти, повседневности, урбанистики или гендера [Kaelble, 2003: 29]. Интеллектуальная гегемония, бесспорно, утрачена, и перспектива восстановления статуса не просматривается.

Надо признать, что во многом снижение интереса к социологии и переключение на модные темы и теории обеспечивалось гибкостью социальных историков, их генетической склонностью к междисциплинарности и ориентацией на аудиторию за пределами академии. Фактически именно ведущие социальные историки обратились к изучению культуры, вдохновившись ранней книгой Эдварда Палмера Томпсона «Становление английского рабочего класса» (1963) об английских рабочих конца XVIII — начала XIX в. [Thompson, 1980]. Этот 800-страничный труд об обычаях и ритуалах, подметных письмах, рабочем фольклоре, сходках заговорщиков и питейных привычках произвел переворот в представлениях об источниках и интерпретациях в рабочей и социальной истории. Когда в 1990-е гг. в академической среде утвердились *cultural studies*, культурная история стала лидировать в историографии. Многие социальные историки не остались в стороне от перемен и в большинстве своем не противопоставляли себя культурной истории, а органично в нее встроились. На выбор и «присвоение» новых теоретических концепций, конечно, подействовало и феноменальное разнообразие предметного поля исторической науки последних десятилетий. В качестве иллюстрации способности к легкой смене тем и междисциплинарных альянсов можно привести список важнейших исследований Питера Берка, который всегда находился на перекрестке социальной и культурной истории.

Popular Culture in Early Modern Europe (1978)

Sociology and History (1980)

History and Social Theory (1991)

The Art of Conversation (1993)

Varieties of cultural history (1997)

A Social History of Knowledge (2000)

Eyewitnessing (2000)

A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet (2002) with Asa Briggs

What is Cultural History? (2004)

Languages and Communities in Early Modern Europe (2004)

Cultural Hybridity (2009)

A Social History of Knowledge: From the Encyclopedie to Wikipedia (2012)

Или, например, один из самых продуктивных современных историков Питер Стирнз, получивший известность в 1960-е гг. как социальный историк, с 1967 г. бессменный главный редактор ведущего в этой области *The Journal of Social History*, на сегодняшний день автор или составитель более 125 книг, уже давно определяет область своих интересов как всемирная история, социальная история, глобализация, история эмоций. Круг его работ полностью соответствует этому перечню.

Список читанных им курсов еще более красноречив: *Behavioral History* • *Contemporary European Society* • *Family History* • *Gender and World History* • *Health and society* • *History of emotions* • *History of globalization* • *History of liberalism* • *History of protest* • *History of the middle class [seminar]* • *History and social science* • *Human Rights in World History* • *International Education* • *Interdisciplinary Cultural Analysis* • *Introduction to Applied History* • *Introduction to cultural analysis* • *Men's history* • *Modern European History* • *Modern French history* • *Modernization* • *Modern social processes* • *Peace in World History* • *Recent social history* • *Sex and Death* • *Western Civilization* • *Working-class history* • *World history* • *Work and leisure*¹.

Читайте снизу вверх и вы увидите не только типичный путь конкретного социального историка, но и метаморфозы социологии в исторических трудах.

Произошедший отказ от структурного анализа как одного из базовых методов исследования и от теории модернизации в разных ее вариантах как объясняющего ресурса действительно привел к тому, что имена исторических социологов середины прошлого века практически исчезли со страниц современных исторических работ, и мало кто из коллег по цеху пришел им на смену. Однако ситуацию в современной социальной истории правильнее, на мой взгляд, оценивать не в соотношении с макросоциологией 1960–1970-х гг., а в сравнении с возникшим тогда же методологическим индивидуализмом, с современной исторической социологией и новыми социологическими подходами, разрабатываемыми вне исторической социологии. По моему мнению, использование историками произведенного здесь знания могло бы быть эвристически эффективным. Оно вполне релевантно и соответствует явной тенденции к умножению и диверсификации групповых субъектов истории, исследованию «от объекта», поиску инструментов для конструирования объектов исследования из «данных». Но мы практически не обнаружили интереса к этим теоретическим возможностям. Как отмечают Брайан Дилл и Рональд Аминзаде: «За немногими исключениями... историки

¹ George Mason University History and Art History. Available at: <http://historyarthistory.gmu.edu/people/pstearns> [дата обращения: 10.08.2016].

обращаются к генерализирующим концепциям лишь постольку, поскольку они помогают организовать и конструировать контекстные нарративы.

Эти концепции не проблематизируются и не операционализируются, ссылки на теории, используемые в социологической литературе или другой аналитике социальных движений и коллективных действий, делаются редко, если вообще делаются» [Dill, Aminzade, 2010: 271, 273].

Странным образом социальная история и историческая социология в последние два десятилетия пошли разными путями, историческая социология радикально историзировалась [Савельева, 2012], а теоретические интересы утратившей «чистоту жанра» социальной истории ушли далеко за пределы социологии¹.

Правда можно заметить, что если в последние годы социальная история развивается достаточно автономно от исторической социологии, то какая-то информация из теоретической социологии историками определенно используется. Из социологии заимствовались и разрабатывались на историческом материале такие концепты, как структуры власти, социальные иерархии, множественная идентичность, воображаемые сообщества, сетевой анализ. Последние повороты в социологии к *agency*, аффективности, социологии вещей, социальным практикам, хотя сами по себе эти концепции и не имели исторического измерения, транслировались в исторические исследования [Joyce, 2010: 7]. Однако историки скорее переняли эти идеи через представителей культурного поворота, чем непосредственно из социологии, как это было в 1960–1970-е гг. В результате в их обойме социологической классики почти незаметны новые имена. Это, кстати, очень важный момент, если говорить о специфике междисциплинарного трансфера идей.

Все же утверждение о десоциологизации современной истории сегодня кажется менее убедительным, чем 10 лет назад. Да, произошла смена тем и объектов исследования, но ведь, например, микроистория настолько же социальна, насколько — макро-, а она развивается активно. Отказ от словаря понятий, связанного с классовыми теориями и теориями социального контроля, в пользу таких категорий, как «identity», «agency», «reciprocity», «mediation», «gender», «subaltern», «participation», «negotiation» «social hierarchy», «imaginary communities», автоматически не означает сужения социологического горизонта в изучении прошлого.

¹ Впрочем, Эндрю Эббот убедительно показал, что и на предыдущем этапе в развитии этих двух направлений были скорее расхождения, чем сходства. В 1960–1970-е гг. историческая социология отказалась от квантификации и строила большие нарративы, а социальная и экономическая история осваивала квантификацию и микроисторию (Abbot, 2001, 102–103).

Дело не в том, что новые категории, вошедшие в лексикон социального историка, не социологические, а в том, что они были переинтерпретированы постмодернистами и заимствованы у них историками без обращения к оригиналам.

Социальная история всегда была социальна, в смысле чувствительности к низам, не случайно один из ее основных маркеров «history from below». Когда социальная история утверждалась, она оперировала материалистическим представлением о социальной целостности и классовой структуре общества (классовой идентичности). Это представление было взорвано появлением истории женщин, постколониальной истории, истории сексуальности, истории меньшинств и др. В последние десятилетия прошлого века происходила самоидентификация новых социальных групп, в связи с чем, вместо давно привычных «пролетариев всех стран», достойными изучения были признаны «социальные маргиналы всех стран»: женщины и гомосексуалисты, прокаженные и безумные, иноверцы и иммигранты. Определения «потерянные», «забытые» применительно к социальным группам, слоям, народам и целым континентам замелькали в заглавиях программных исследований. В результате социальная история в последние десятилетия от истории классов повернулась к истории самых разных групп. Благодаря новому представлению о классах в социальной истории огромный скачок произошел в области истории мобильности и миграций [Dupaquier & Kessler, 1992; Crossick & Haupt, 1995; Angleraud, 1998; Rosenthal, 1999; Bourdieu, a. o., 2000], но термины, связанные с самоидентификацией субъекта, определением его статуса («субалтерн»), а также с понятиями «модерность», «гибридность», «метисизация», «расизация», «лиминальность», пришли из постколониальной критики и культурных исследований. Соответственно оттуда пришли и популярные авторы.

В некоторых направлениях, тем не менее, присутствует опора на социологические теории. Явный интерес к социологии знания и социологии науки привел к интересным исследованиям в области истории профессий [Perkin, 1989; Corfield, 1995; Dezalay and Sugarman, 1995; Torstendal, 2015] и социальной истории науки [Burke, 2000; Burke, 2012; Burke, Briggs, 2002]. В этих исследованиях мы обнаруживаем целую обойму социологических классиков (Роберт Мертон, Питер Бергер и Томас Лукман, Карен Кнорр-Цеттина и пр.).

Социальная история XXI в. тесно связана с глобальной историей и часто выступает как ее подвид. Если в 1960–1970-е гг. социальные историки обращались к специфике *национального* развития, таким проблемам, как «Sonderweg» в Германии, «perception français» во Франции, «скандинавская модель» и пр. [Kaelble, 2003: 32], то сейчас они двину-

лись к глобализму. Социальные историки активно изучают контакты и трансферы между нациями и цивилизациями и занимаются сравнительным анализом — *histoire croisée, entangled history* [Cohen and O'Connor, 2004; Werner and Zimmermann, 2006], предлагая варианты глобальной социальной истории. Только это не прежний сравнительный анализ, как поиск «10 отличий», а исследование истории разнообразия и управления различиями. Задача таких исследований с социальной точки зрения состоит в том, чтобы определить причины и истоки специфичности, отвечая на вопросы: объясняется ли она локализацией, социальной конфигурацией, историческим моментом или особенностями адаптации к привнесенным влияниям [Charle, 2003: 64].

Глобальная история сегодня обладает собственным корпусом классических авторов [Savelieva, 2011], разделяя его с другими гуманитарными науками XXI в. Новые влиятельные имена появляются редко, среди них Дипеш Чакрабарты [Chakrabarty 1998; Chakrabarty 2000] и Юрген Остерхаммель [Osterhammel 2000; Osterhammel 2005; Osterhammel, Petersson 2005a; 2005b], два очень разных, но одинаково влиятельных историка. Зато старые имена присутствуют в изобилии: Бенедикт Андерсон, Билл Эшкрофт, Роджерс Брубейкер, Жак Деррида, Юлия Кристева, Фредерик Купер, Эдвард Саид, Франц Фанон, Мишель Фуко, Эрнест Геллнер. Мы видим, что особым спросом пользуется «новый литературный критицизм», позволяющий производить самые разнообразные колониальные дискурсы.

Необычайное разнообразие исторического пространства характеризует сегодня содержание всех ведущих журналов по социальной истории. Из-за невозможности привести много примеров, предлагаю вполне репрезентативное *Оглавление* одного из недавних номеров *Journal of Social History* (июнь 2014. Vol. 47. Issue 4). Это не спецвыпуск, но обращает на себя внимание географическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей.

Эндрюс Дж. Р. Расовое неравенство в *Бразилии* и *США*, 1990—2010.

Пантэ М.Д. Мобильность и современность в городских транспортных системах колониальной *Манилы* и *Сингапура*.

Рэйли Б. Заложники малярии: рабы из *Африки* в вадии *Аравийского полуострова*.

Шермерорн К. Пленники капитализма. Морская торговля рабами в *США*, 1807—1850.

Харрис Л. Содружество Виргинии vs. Христианской Виргинии: черные женщины Юга, преступление и наказание в *Виргинии* в прогрессивную эру.

Фойстер Э. Заключение пишут домой: функции их писем (*Британия* — ИС). P. 943—967.

Сиварамакришнан К. Старость и зависимость в *Индии* после обретения ею независимости: семьи мигрантов, рабочие и социальные эксперты.

Брикел К. Роль чувств в формировании юношества в *Новой Зеландии*.

Алекзенедерсон К. Темная сторона дела: организация хаджа, панисламизм и голландская колониальная служба наблюдения в межвоенный период.

Рэй Б. Феномен транссексуальности: контр-история (*США* — ИС).

Броди М. Нельзя доверять никому кроме государства: малоимущие рабочие в *Британии* теряют веру в волонтаризм в конце XIX в.

Понятно, что при таком многообразии проблематики и хронологии теоретические ориентиры и опорные имена могут относиться к самым разным дисциплинам.

Выводы

Прежде всего надо признать, что время, когда идея строгой научности истории была связана с использованием ведущих социологических теорий, прошло. Сейчас в исторической науке на первом плане оказалась скорее не идея научности (эпистемологический идеал), а реальность дисциплинарного самовоспроизводства, сохранность аксиоматического ядра, преимущества дрейфа между социальным и гуманитарным знанием.

Спрос на «большую теорию» у историков вроде бы остался, но социология обеспечивает его минимально. После 1970-х гг. социологов потеснили классики культурной и социальной антропологии, потом представители перформативного поворота, постколониальной критики. Можно высказать мысль о забронзовевшей социологии в современной исторической науке. Более того, гибкость гуманитарных подходов часто приводит к метафоризации даже высоко формализованных социологических теорий, что расширяет область их применения, но одновременно в прямом смысле и обезличивает (таковой оказалась судьба таких концептов, как зависимость от предшествующего пути [path dependence], символический интеракционизм, символическая власть, agency, социальные сети и многих других). Эволюция социальной истории в условиях культурного и лингвистического поворота вышла за пределы, заданные сциентизацией социальной истории в духе 1960—1970-х. Одним из выразительных свидетельств «свободы от социологии» является микроистория, где за Карло Леви, действительно обращавшимся к теориям микроанализа, пошли единицы, а к метафорике микроскопа обратились

сотни, и именно их усилиями выросла, например, история повседневности.

Историки, которые активно ухватились за идею *agency*, понятия «actor», «contingency», «path dependence» (и эти подходы действительно куда ближе к современной истории), практически не обнаруживают знания хотя бы имен социологов, которые в теоретическом поле своей дисциплины противостоят структуралистам, функционалистам, etc. (имена, да и общие идеи последних, многие историки хуже или лучше помнят до сих пор). Множество просмотренных мной статей показывает, что ни Гарольд Гарфинкель, ни интеракционисты, ни Маргарет Арчер в кумирах у историков не числятся. А между тем, пишут современные историки как раз в духе методологического индивидуализма и могли бы обратиться к этим теориям, хотя бы на уровне интеллектуальных маркеров.

Почему историки так резко охладели к социологии уже в 1980-е гг.? Ведь методологический индивидуализм, казалось бы, давал ориентиры именно в том направлении, в котором историки двинулись от структурно-функционального анализа. Но они как-то стали обходиться без отсылок к теориям. Одна причина в том, что социологические понятия, связанные с методологическим индивидуализмом, пришли в историю не из социологии, а позднее и окольными путями: из антропологии, культурных исследований, постколониальной критики и пр. А другая — в размывании идеи научности истории, новых дисциплинарных конвенциях, не требующих строгой научной методологии.

Социология остается важным источником теоретических подходов и понятий, но, во-первых, за это время радикально изменилась сама социология, во-вторых, в поле зрения истории попали многие другие социальные дисциплины. В отличие от социологии они менее сциентизированы, хотя и называют себя социальными (*communication, cultural studies, education, environment, human geography, linguistics, media* и др.). Все же проведенное нами исследование показывает, что отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма сопровождался не отходом от социологической составляющей, а поверхностным и часто «из вторых рук» освоением новых социологических подходов и концептуального аппарата, что радикально трансформировало социологический арсенал социальной истории, но не ввело в поле дисциплины «новых классиков». Даже очень «полезная» для историков социологическая классика: этнометодология, интеракционизм, аналитический дуализм, социология графов Люка Болтански и Лорана Тевено, не говоря уже о «третьей волне» исторических социологов США, — практически не представлена на страницах исторических сочинений.

Литература

Савельева И.М. (2011). Классики в исторической науке: «свои» и «чужие» [Classics in History: «Ours» and «Others»]. Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. Ред. Л. П. Репина. М.: Издательство ЛКИ. С. 491–515.

Savel'yeva I. M. (2011). Klassiki v istoricheskoy nauke: «svoi» i «chuzhiye» [Classics in History: «Ours» and «Others»]. Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy. Red. L. P. Repina. Moscow: Izdatel'stvo LKI. S. 491–515.

Савельева И.М. (2012). «Исторический поворот» за границами истории [«Historical Turn» beyond the Borderland of History]. Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева (Ред.). М.: ИВИ РАН. С. 36–54.

Savel'yeva I. M. (2012). «Istoricheskiy povorot» za granitsami istorii [«Historical Turn» beyond the Borderland of History]. Istoricheskoye poznaniye i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv. O. V. Vorob'yeva, Z. A. Chekantseva (Red.). Moscow: IVI RAN. S. 36–54.

Савельева И.М., Полетаев А.В. (2010). Классическое наследие [Classical Heritage]. М.: ВШЭ.

Savel'yeva I. M., Poletayev A.V. (2010). Klassicheskoye naslediyе [Classical Heritage]. М.: VSHE.

Савельева И.М., Полетаев А.В. (2012). Классика в классах [Classics in Classes]. Cogito. Альманах истории идей. 2010–2011. Вып. 5. Ростов-на-Дону. С.11–36.

Savel'yeva I. M., Poletayev A.V. (2012). Klassika v klassakh [Classics in Classes]. Cogito. Al'manakh istorii idey. 2010–2011 gg. Vyp. 5. Rostov-na-Donu. S.11–36.

Abbott A. (2001). *Chaos of Disciplines*. Chicago: The University of Chicago Press.

Angleraud B. (1998). *Les Boulangers lyonnais au XIXe siècle*. Paris: Edition Christian.

Bonnell V. E., Hunt L., eds. (1999). *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley: University of California Press.

Bourdieu P., Postel-Vinay G., Rosental P.-A., Suwa-Eisenmann A. (2000). Migrations et transmission inter-générationnelles dans la France du XIXe et du début du XXe siècle. *Annales Histoire Sciences sociales*. T. 57. № 4. P. 749–789.

Burke P.A. (2000). *Social History of Knowledge From Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity Press.

Burke P. and Briggs A. (2002). *A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet*. Wiley.

- Burke P.A. (2012). *Social History of Knowledge: From the Encyclopaedia to Wikipedia*. Cambridge: Polity Press.
- Chakrabarty D. (1998). *Minority Histories, Subaltern Pasts*. *Postcolonial Studies*. Vol. 1. № 1. P. 15, 22–27.
- Chakrabarty D. (2000). *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Corfield P.J. (1995). *Power and the Professions in Britain, 1700–1850*. London: Routledge.
- Crossick G. & Haupt H.-G. (1995). *The Petite Bourgeoisie in Europe 1780–1914*. London.
- Dezalay Y. and Sugarman D. (1995). *Professional Competition and Professional Power*. Routledge.
- Dill B. and Aminzade R. (2010). *Historians and the Study of Protest*. Ed. Klandermans B., Roggeband C. *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. N.Y.: Dordrecht Heidelberg; London: Springer. P. 267–312.
- Dupaquier J. & Kessler D., dir. (1992). *La société française au XIXème siècle*. Paris: Fayard.
- Klandermans B., Roggeband C. (2010). *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. N.Y.: Dordrecht Heidelberg; London: Springer. P. 267–312.
- Griffin L.J. (1992). *Temporality, Events, and Explanation in Historical Sociology: An Introduction*. *Sociological Research and Methods*. Vol. 20. Iss. 4. P. 403–427.
- Joyce P. (2010). *What is the Social in Social History? Past and Present*. Vol. 206. № 1. P. 213–248.
- Kaelble H. (2003). *Social History in Europe*. *Journal of Social History*. Vol. 37. № 1. P. 29–35.
- Mann M. (1986–1993). *The Sources of Social Power*. 2 vols. V. 1: *A History of Power from the Beginning to AD 1780*. V. 2: *The Rise of Classes and Nation States*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Moore W.B. (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Osterhammel J. (2000). *Internationale Geschichte. Themen, Ergebnisse, Aussichten*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
- Osterhammel J. (2005). *Colonialism: A Theoretical Overview*. [1995] 2nd ed. Princeton: Marcus Wiener Publishers.
- Osterhammel J., Petersson N.P. (2005). *Globalization: A Short History*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Perkin H. (1989). *The Rise of Professional Society, England Since 1880*. London; New York: Routledge.
- Rosenthal, P.-A. (1999). *Les Senders invisibles. Espace, familles et migrations dans la France du XIXe siècle*. Paris. Paris: Éditions de l'EHESS.

- Skocpol T. (1979). *States and Social Revolutions*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Stearns P.N. (2003). *Social History Present and Future // Journal of Social History*. Vol. 37. Issue: 1. P. 9–19.
- Thompson E.P. (1980 [1963]). *The Making of the English Working Class*. 3rd edition. London: Harmondsworth: Penguin.
- Tilly Ch. (1984). *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N.Y.: Russell Sage Foundatrion.
- Tilly Ch. (1964). *The Vendée: A Sociological Analysis of the Counterrevolution of 1793*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Torstendal R. (2015). *The Rise and Propagation of Historical Professionalism*. London: Routledge.
- Wallerstein I. (1974–1989). *The Modern World-System*. 3 vol. N.Y.: Academic Press.
- Werner M. and Zimmermann B. (2006). *Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge Of Reflexivity*. *History and Theory*. Vol. 45. P. 30–50.
- Wittrock B. (2009). *History and Sociology: Transmutations of Historical Reasoning in the Social Sciences*. *Frontiers of Sociology. The Annals of the International Institute of Sociology*. Volume 11 Ed. by: Peter Hedström; Bjorn Wittrock P. Leiden: Brill. P. 77–112.

ВЕБЕРОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКОВ

Кром Михаил Маркович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена формированию веберовской традиции в изучении генезиса государства Нового времени; анализируются ее истоки в юридической науке XIX в., влияние на современную историографию и границы применения.

Ключевые слова: М. Вебер, историческая социология, генезис государства Нового времени.

Междисциплинарность в моем понимании — это прежде всего обмен идеями между различными дисциплинами, происходящий в процессе изучения крупной проблемы, важной для целой отрасли научного знания. Именно такой проблемой, на мой взгляд, является генезис государства Нового времени (или, как его принято называть в зарубежной литературе, — модерного государства). Ключевое место в современных концепциях этого процесса занимает веберовская традиция историко-социологической мысли. В данной статье я остановлюсь на трех вопросах, связанных с заявленной темой. Во-первых, каковы научные предпосылки веберовской теории модерного государства? Ведь не на пустом же месте она возникла! Во-вторых, меня будет интересовать процесс рецепции веберовских идей историками в последней трети XX столетия. Наконец, в-третьих, хотелось бы понять, насколько универсальна веберовская теория: можно ли преодолеть европоцентризм, изначально присущий взглядам великого немецкого социолога, и построить обобщающую модель генезиса модерного государства, применимую не только к странам Западной, но и Восточной Европы и, в частности, России?

В наши дни, когда труды Макса Вебера (1864—1920) уже давно имеют статус неоспоримой классики, легко поддаться иллюзии, будто все термины и определения, содержащиеся в его сочинениях, являются плодом

творческой мысли самого знаменитого социолога. Однако, если приоткрыть к научному контексту рубежа XIX—XX вв., в котором работал Вебер, его формулировки уже не кажутся абсолютно оригинальными.

Возьмем, к примеру, часто цитируемое веберовское определение государства из статьи «Политика как профессия и призвание». «...Государство, — писал Вебер, — есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — “область” включается в признак! — претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*»¹ [Вебер, 1990: 645]. А вот высказывание на ту же тему современника Вебера, выдающегося российского юриста Н. М. Коркунова: «Отличительную особенность государства, как особой формы человеческого общения, составляет *принудительное властвование*» [Коркунов, 1909: 24—25]. И далее профессор государственного права разъяснял, что речь идет об уже установленной, добившейся признания власти, которой не требуется каждый раз прибегать к оружию: «Государство предполагает мирный порядок, признанный в целом обществом, составляющим государство. <...> Государственное властвование есть установившееся, признанное, мирное властвование, предполагающее монополизацию всякого принуждения за органами государственной власти» [там же: 27].

Не правда ли, очень похоже? Но в этом сходстве формулировок нет ничего удивительного, ведь М. Вебер в юности изучал юриспруденцию в Гейдельбергском и Берлинском университетах, а затем защитил докторскую диссертацию по истории права. Что же касается Н. М. Коркунова, то он в своей трактовке понятия «государство» опирался на труды соотечественников Вебера, самых авторитетных немецких юристов того времени: Р. Иеринга, Г. Еллинека, М. Зайделя и др. В частности, Рудольф фон Иеринг прямо писал о том, что «государство есть *организация социального принуждения*», и подчеркивал, что «право принуждения составляет *абсолютную монополию* государства» [Иеринг, 1881: 229, 236].

Таким образом, можно предположить, что некоторые ключевые понятия, которыми пользовался в своих трудах Вебер, были заимствованы им из современной ему юридической науки (прежде всего — из детально разработанного в Германии государственного права). Но эти понятия служили ему лишь «строительным материалом» для построения оригинальных социологических теорий.

Центральное место в исследованиях Вебера заняла проблема перехода от старого, традиционного общества к современному, генезис капитализма и бюрократии и взаимосвязь экономических изменений с политическими, религиозными и культурными. Целостной теории этого про-

¹ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых произведений.

цесса ученый не оставил, но ряд важных наблюдений содержится в таких его работах, как «Протестантская этика и дух капитализма» и «Хозяйство и общество». Особую ценность для историка раннего Нового времени представляет данная Вебером характеристика основных типов легитимного господства (по его терминологии): патриархального строя и патримониализма (с его разновидностями), харизматического господства и бюрократии.

Посмертно изданный труд «Хозяйство и общество» построен как социологический трактат, в котором анализируемые категории связаны между собой логически, но не хронологически, поэтому историческая преемственность типов господства остается неясной. Понятно только, что все патриархальные и патримониальные формы властвования, в понимании Вебера, предшествовали современной бюрократии: он называет их «добюрократическими» [цитирую по англ. пер.: Weber, 1978: 1006]. Бюрократия не только превосходит прежние типы господства технически, т. е. более совершенной организацией управления, но и отличается от них своим положением в системе власти: чиновник — «по крайней мере, в полностью развитом современном государстве, — оговаривает немецкий социолог, — не считается личным слугой правителя» [там же: 959]. Государственная должность рассматривается теперь как призвание, как выполнение долга и служение не кому-то лично, а «*безличным и функциональным* целям» [там же]. Тот же принцип проводится и в организации труда чиновника: бюро отделяется от его домашнего жилища, а государственные средства и оборудование — от его частного имущества [там же: 957].

Последовательно проведенное Вебером различие между «*безлично ориентированным бюрократическим господством*» [там же: 1006] и прежним, патриархальным, типом господства, основанным на личной преданности господину, может служить отправной точкой в изучении генезиса современного государства. Однако историки далеко не сразу оценили эвристическую ценность этих наблюдений великого немецкого ученого.

Наследником Вебера в исторической социологии стал Норберт Элиас: в двухтомном труде «О процессе цивилизации» (1939) он дополнил тезис своего предшественника о монополии государства на физическое насилие мыслью о присвоении тем же центральным аппаратом монополии на сбор налогов [Элиас, 2001: 103]. Ему же принадлежит важное наблюдение о том, что сосредоточение в одном центре очень больших ресурсов и властных полномочий приводит к обобществлению этой монополии: «...чем крупнее монополия, чем больше она связана с разделением труда, тем скорее и вернее она движется к той точке в своем развитии, когда моно-

польный властитель (один индивид или их совокупность) становится центральным функционером в аппарате... Частная монополия индивида обобществляется; она становится монополией целого социального слоя, общественной монополией, центральным органом государства» [там же: 107–108].

Все эти выводы Элиас сделал, основываясь на материале одной страны — средневековой Франции. Но и его предшественник Вебер, хотя и гораздо шире привлекал сравнительный материал — от Древнего Египта до царской России или США начала XX в., — тоже придерживался явно европоцентристской позиции: он, в частности, утверждал, что «полностью развитое сословное государство (Ständestaat), равно как и полностью развитая бюрократия, выросли только на европейской почве...» [Weber, 1978: 1087]. Впрочем, европоцентризм, как мы увидим, вплоть до недавнего времени оставался характерной чертой всей литературы о генезисе современного государства, как социологической, так и исторической.

Хотя среди немецких историков труды Вебера быстро получили известность, но о влиянии знаменитого социолога на мировую историческую науку и, в частности, на историографию генезиса современного государства можно говорить только начиная с 1970-х гг., когда наблюдался настоящий «веберовский ренессанс». «Первой ласточкой» стала книга известного американского медиевиста Джозефа Стрэйера «О средневековых истоках государства Нового времени» (1970). Хотя он не ссылаясь прямо на Вебера (и вообще на каких-либо социологов), но то, как американский историк характеризовал свой предмет, т. е. государство Нового времени (modern state), явно свидетельствует о влиянии на него веберовских идей. В качестве признаков современного государства Стрэйер назвал: 1) устойчивость в пространстве и во времени; 2) формирование безличных, относительно постоянных политических институтов; 3) перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и присвоение государством морального авторитета для поддержки его институциональной структуры и верховенства его законов [Strayer, 1970: 5–9]. Второй и третий признаки находятся в русле веберовской традиции.

То же можно сказать и о присущем Стрэйеру европоцентризме: по его мнению, «неевропейские государства или подражали европейской модели, чтобы выжить, или, в противном случае, проходили через колониальный опыт, внедрявший значительные элементы европейской системы. Современное государство, где бы мы ни находили его сегодня, основано на модели, возникшей в Европе в период между 1100 и 1600 годами» [там же: 12]. Сама же европейская модель, по убеждению

Стрэйера, — и в этом отношении он солидарен с Н. Элиасом, хотя и не ссылается на него [ср.: Элиас, 2001: 9–10], — восходит к французскому образцу [Strayer, 1970: 53].

В 1974 г. в Великобритании вышли два исторических труда, посвященных европейским государствам в раннее Новое время: одна книга называлась «Истоки современного европейского государства» и принадлежала перу Дж. Шеннана [Shennan, 1974], а другая (под заголовком «Родословная абсолютистского государства») была написана Перри Андерсоном [рус. пер.: Андерсон, 2010]. Работа Шеннана была посвящена формированию идеи безличного государства в Европе XV — начала XVIII в. и явно следовала веберовской традиции, а труд Андерсона, объяснявшего различия между западноевропейским и восточноевропейским абсолютизмом особенностями экономического развития и классовой структуры в разных частях Европы, был написан с марксистских позиций. Характерно, однако, что книга П. Андерсона, ставшая классикой исторической социологии, не оказала заметного влияния на развитие историографии по проблеме генезиса государства Нового времени: тон здесь в 80–90-е гг. XX в. задавал не марксизм, а веберизанство.

В 1984 г. стартовал большой проект европейских историков по изучению истоков современного государства [подробнее см.: Кром, 2016: 7–8, там же библиография]. В рабочей программе, изданной в 1990 г., руководители проекта (В. Блокманс, Ж.-Ф. Жене и К. Мюльберг) так определили основную идею исследования: «Государства Нового времени (modern states) в Европе характеризуются деперсонализацией суверенитета; правитель может по-прежнему обладать значительной властью, но эта власть может осуществляться только служащими и бюрократами, которые применяют правила, независимые от личных предпочтений правителя. Достаточный уровень концентрации капитала и способность утверждать власть силой и принуждением должны рассматриваться в качестве необходимых предпосылок для достижения этой степени государственной организации» [L'État moderne... 1990: 285]. Веберовские идеи в этой формулировке видны, что называется, невооруженным глазом.

В чем же причины такого успеха веберовской теории у историков конца XX в.? И почему она оказалась более востребованной при объяснении политической трансформации Европы в эпоху перехода от Средневековья к раннему Новому времени, чем марксизм?

Проще всего сказать, что веберовская концепция лучше объясняет обширный эмпирический материал, имеющийся сейчас в распоряжении историков, чем альтернативные теории (прежде всего марксизм). Это действительно так, но подобная «прозорливость» М. Вебера и его последователей сама нуждается в объяснении. На мой взгляд, основное

конкурентное преимущество веберовской традиции заключается в том, что для ее основателей — самого Макса Вебера, а также Норберта Элиаса — интересующая нас эпоха (переход от Средневековья к раннему Новому времени) была главной опытной площадкой для построения их теории. Для Маркса, как известно, такой эпохой был современный ему промышленный капитализм, а доиндустриальные общества находились, так сказать, не в фокусе: не потому ли у современных медиэвистов или специалистов по раннему Новому времени марксизм сейчас не пользуется особой популярностью? Его понятийный аппарат и ключевые гипотезы ориентированы на изучение «классического» XIX столетия, а универсальные теоретические «отмычки» едва ли существуют в гуманитарной науке.

Кроме того, стоит учесть, как мне кажется, кумулятивный эффект от многолетних междисциплинарных исследований важной темы: как я старался показать выше, М. Вебер воспользовался наработками юридической науки XIX в.: в свое время это была главная обществоведческая дисциплина. Затем социологи, приняв эстафету у юристов-специалистов по государственному праву и институциональной истории (Verfassungsgeschichte), передали ее историкам Средневековья и раннего Нового времени.

Остается рассмотреть вопрос о границах применимости веберовской теории: сохраняет ли она свой эвристический потенциал за пределами той географической зоны — Западной Европы, — для которой была разработана? Нужно признать, что этот вопрос и в исторической социологии, и собственно в истории не только не решен, но даже должным образом не поставлен.

В упомянутом выше большом проекте по изучению генезиса современного государства в Европе географические рамки исследования были существенно расширены по сравнению со сложившейся традицией: наряду с уже привычными экскурсами в историю Франции и Англии, в материалах конференций и семи томах, опубликованных издательством Оксфордского университета по итогам проекта (1995–2000), серьезное внимание было уделено формированию государств Нового времени в Испании, Италии, империи Габсбургов и скандинавских странах. Однако Восточная Европа была представлена лишь Польшей, а Россия вообще осталась за рамками рассмотрения авторов этого коллективного исследования.

Помимо политико-идеологических факторов — наследия холодной войны, осложнявшего международное научное сотрудничество в 1980-х гг., когда начинался проект по изучению истоков современного государства, — отмеченный перекося в сторону истории Западной Европы

объяснялся также, на мой взгляд, неизжитой традицией европоцентризма (я бы даже сказал — «западоцентризма»). В этой связи показательны весьма противоречивые взгляды на географические и хронологические рамки изучаемого процесса одного из руководителей упомянутого европейского проекта — Ж.-Ф. Жене.

В статье, призванной подвести некоторые итоги коллективного исследования, французский историк указал на место и время «рождения» современного государства: монархии Западной Европы (Англия, Шотландия, Франция, Кастилия, Арагон, Португалия), период — между 1250 и 1350 г. Оттуда эта модель, по мнению Жене, распространилась на Германию, Италию, Центральную Европу, а затем проникла в Скандинавию. Еще позднее генезис современного государства затронул периферию Европы: применительно к России речь идет о конце XVII—XVIII в., а применительно к Османской империи — о XIX в. [Genet, 1997: 6]. Однако ниже, противореча сам себе и дистанцируясь от веберовского понятия модернизации, Жене утверждал, что «Петр Великий отнюдь не создал современное государство тем, что он модернизировал структуры Русского государства» [там же: 8].

Так в одной и той же статье читателю было предложено два разных понятия современного государства: на первых страницах работы Жене возник образ «диффузии» (уже знакомый нам по книге Дж. Стрэйера) этого нового типа государственности, который, однажды появившись в Западной Европе, затем распространился по всему континенту, достигнув европейской периферии; но в ходе дальнейшего изложения авторской мысли вдруг выяснилось, что первое впечатление было ошибочным и что «настоящее» современное государство могло возникнуть только на почве Западной Европы. При этом Жене, споря с некоторыми понятиями, восходящими к Веберу, оказался очень близок к нему по духу, духу европоцентризма...

В то самое время, когда Ж.-Ф. Жене старательно проводил границу между местом рождения «истинного» современного государства — Западной Европой — и европейской периферией, где якобы лишь заимствовались внешние атрибуты такого государства, вышло несколько статей, авторы которых попытались преодолеть традиционную дихотомию между Западом и Востоком. Так, В. Либерман нашел немало общего в политическом и культурном развитии стран Юго-Восточной Азии, а также Японии, Франции и России в XV — начале XIX в. [Lieberman, 1997], а В. Кивельсон проводила прямые параллели между Московской Русью и европейскими государствами раннего Нового времени [Kivelson, 1997].

Еще Ф. Бродель сравнивал Османскую империю с противостоявшей ей империей Габсбургов [Бродель, 2003: 448–501], подобные сравнения

продолжают и современные исследователи [Barkey, 2008: 99–100]. Прослеживается также сходство между политикой турецких султанов и московских великих князей в XV в. [там же: 78]. Для таких сопоставлений имеются серьезные основания: ведь если считать обнаруженную М. Вебером тенденцию к деперсонализации управления главным признаком раннемодерного государства, то этот признак легко обнаруживается и в Московской Руси [см.: Кром 2006], и в Османской империи. И царь в кремлевских палатах, и султан во дворце на берегу Босфора были в равной мере отделены от своих подданных целой армией чиновников и придворных...

Вообще чтение современной исследовательской литературы наводит на мысль, что лишь ограниченность наших знаний поддерживает многие старые европоцентристские иллюзии. Чем больше мы узнаем, тем яснее становится подлинный масштаб ряда исторических процессов, включая и процесс формирования государства Нового времени. При всех региональных отличиях, раннемодерное государство повсюду, где мы его обнаруживаем, — от Португалии и Испании на западе до России и Османской империи на востоке (включать ли в этот ряд Японию и иные азиатские страны, предоставляю судить востоковедам) — везде обладало многими общими чертами, включая переплетение публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических методов управления [подробнее о модели раннемодерного государства и ее региональных вариантах см.: Кром, 2016: 11–15]. И всюду, будь то Тюдорская Англия, Московия XVII в. или Османская империя, мы можем использовать веберовские понятия и термины, описывая существовавшие там государства: легитимное господство, формирование безличных институтов, долгий переход от патримониальной монархии к легальному бюрократическому порядку, который даже в Западной Европе окончательно утвердился лишь в XIX в.

Таким образом, веберовская концепция формирования современного государства, как и всякая большая социологическая теория, не имеет — даже вопреки субъективным намерениям автора — четкой географической привязки. Зато, поскольку она описывает реальный исторический процесс, у нее, по-видимому, есть хронологические рамки, варьирующие в широких пределах в зависимости от региона.

Литература

Андерсон П. (2010) Родословная абсолютистского государства [The Lineages of the Absolutist State] / Пер. с англ. И. Куриллы. М.: Изд. дом «Территория будущего».

Anderson P. (2010) Rodoslovnaia absolutistskogo gosudarstva [The Lineages of the Absolutist State]. Moscow: «Territoria buduschego».

Бродель Ф. (2003) Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II [Mediterranean in the Age of Philip II]: В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги [Collective destinies and universal shifts] / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры.

Braudel Ph. (2003) Sredizemnoie more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II [Mediterranean in the Age of Philip II]. Pt. 2: Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi [Collective destinies and universal shifts]. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury.

Вебер М. (1990) Политика как призвание и профессия [Politics as a vocation and profession] // Вебер М. Избранные произведения [Selected works]. М.: Прогресс. С. 644–706.

Weber M. (1990) Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a vocation and profession], idem, Izbrannyye proizvedeniia [Selected works]. Moscow: Progress. P. 644–706.

Иеринг Р. фон. (1881) Цель в праве [A goal in the law] / Пер. под ред. В. Р. Лицкого. Т. I. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева.

Ihering R. von. (1881) Tsel' v prave [A goal in the law]. Vol. 1. St. Petersburg: N. V. Murav'ev.

Коркунов Н. М. (1909) Русское государственное право [The Russian public law]. Т. I. Изд. 6-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

Korkunov N. M. (1909) Russkoe gosudarstvennoe pravo [The Russian public law], vol. 1, 6th ed. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich.

Кром М. М. (2006) Рождение государства Нового времени в России и в Европе: Сравнительно-историческая перспектива [The Birth of the Modern State in Russia and Europe: A Comparative Perspective] // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. С. 27–36.

Krom M. M. (2006) Rozhdenie gosudarstva Novogo vremeni v Rossii i v Evrope: Sravnitel'no-istoricheskaia perspektiva [The Birth of the Modern State in Russia and Europe: A Comparative Perspective], Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka, ed. by Andrei Yu. Dvornichenko. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 27–36.

Кром М. М. (2016) Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия [The Early Modern State: An All-European Model and Regional Differences] // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

Krom M. M. (2016) Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obscheevropeiskaia model' i regional'nye razlichii [The Early Modern State: An All-European Model and Regional Differences], Novaia i noveishaia istoriia, 2016. № 4. P. 3–15.

Элиас Н. (2001) О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования [On the process of civilization. Socio-genetic and psycho-genetic studies]. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации [Changes in the society. A project of civilization's theory]. М.; СПб.: Университетская книга.

Elias N. (2001) O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia [On the process of civilization. Socio-genetic and psycho-genetic studies]. Vol. 2: Izmeneniia v obschestve. Proekt teorii tsivilizatsii. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaia kniga.

Barkey K. (2008) Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press.

Genet J.-P. (1997) La genèse de L'État moderne. Les enjeux d'un programme de recherche, Actes de la recherche en sciences sociales. Vol. 118. P. 3–18.

Kivelson V. A. (1997) Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective, Modern Asian Studies. Vol. 31. № 3. P. 635–663.

L'État moderne... (1990) L'État moderne: genèse. Bilans et perspectives: Actes du Colloque tenu au CNRS à Paris les 19–20 septembre 1988. Paris: Éditions du CNRS.

Lieberman V. (1997) Transcending East-West Dichotomies: State and Culture Formation in Six Ostensibly Disparate Areas, Modern Asian Studies. Vol. 31. № 3. P. 463–546.

Shennan J. (1974) The Origins of the Modern European State 1450–1725. L.: Hutchinson University Library.

Strayer J. R. (1970) On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Weber M. (1978) Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

(НЕ)РАВЕНСТВО КАК АКСИОМА? СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В ПОИСКАХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕРАВЕНСТВА В ИСТОРИИ

Володин Андрей Юрьевич

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются два актуальных подхода к изучению проблемы неравенства: экономическая теория неравенства Тома Пикетти («*Le Capital au XXIe siècle*») и социологическая теория наследуемого неравенства Грегори Кларка («*The Son Also Rises*»). Экономический подход часто трактует возможности «труда» и «капитала» в долгосрочной перспективе как катализаторы неравенства, которое может рассматриваться как достаточно справедливое, так и принципиально несправедливое. Социологический подход исследует вклад семьи и наследуемость социального статуса, а с ним и «стремления к неравенству», например, отстаивание цеховых интересов ради защиты передачи своего мастерства будущим поколениям. Межстрановые сопоставительные подходы позволяют рассматривать неравенство в контексте дискуссии о «великом расхождении» и возможном преодолении этого эффекта в ближайшем будущем. Судя по двум рассмотренным концепциям меритократический идеал социального бытия часто уступает практикам наследования. И именно наследование оказывается действительным механизмом сохранения и накопления неравенства. Таким образом, принципы наследования можно считать удачной рабочей гипотезой для современных исследований в области социально-экономической истории.

Ключевые слова: неравенство, экономическое неравенство, социальное неравенство, Пикетти, Кларк, наследование.

В пословице говорится, что худо худу не равно. Тем не менее вот уже три века исследователи в разных областях социальных наук настойчиво стараются выяснить, что такое неравенство, как измерить уровень неравенства, как в этом отношении сравнить разные страны, регионы, домохозяйства. Важным интеллектуальным препятствием при создании различных схем оценки неравенства является свойственный для социальных

наук Нового времени меритократический подход, по сути, предполагающий, что неравенство есть итог скорее объективных причин: распределения интеллекта, талантов, способностей, формирующий главные пути для создания элит, как раз преодолевающих общее равенство и превосходящих остальных. Однако на практике меритократические идеалы часто не соответствуют суровой социальной реальности, а богатство как экономическое, так и социальное оказывается не только ограниченным, но и преимущественно наследуемым. Понятно, что сразу приходят в голову знаменитые примеры, которые могут стать контраргументами таких идей. Но судя по комплексным исследованиям, которые проводились в последние годы, яркие примеры не меняют общей достаточно устойчивой иерархической и экономической ретроспективной заданности неравенства.

В современной литературе можно выделить несколько важных подходов к социально-историческому изучению проблемы неравенства. В одних объяснениях доминируют экономические принципы (богатство, распределение капиталов, порочный круг бедности), в других — социологические принципы (социальная мобильность, закрытость элит, межпоколенческая устойчивость социальных связей). Экономический подход часто трактует возможности «труда» и «капитала» в долгосрочной перспективе как катализаторы неравенства, которое может рассматриваться как справедливое («как работал — так и заработал»), так и кардинально несправедливое («трудом праведным не наживешь палат каменных»). Социологический подход исследует вклад семьи и наследуемость социального статуса, а с ним и «стремления к неравенству», например, отстаивание цеховых интересов ради защиты передачи своего мастерства будущим поколениям.

Рассмотрим подробно две актуальные точки зрения на неравенство: экономическую теорию неравенства Тома Пикетти («*Le Capital au XXIe siècle*») и социологическую теорию наследуемого неравенства Грегори Кларка («*The Son Also Rises*»). Эти концепции интересны не только за счет своей дискуссионности — их сильные и слабые стороны уже широко обсуждаются в научной периодике, — но и по той причине, что дают возможность увидеть интересный опыт применения теоретических концепций неравенства к историческим базам данных¹.

¹ Заметим, что данные объяснительные модели далеко не единственные. Можно, например, назвать интересную политологическую модель институционального образовательного неравенства Кэтрин Тэлен («*How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills In Germany, Britain, The United States, And Japan*») или социоэконометрическую сопоставительную модель Леандро Прадос де ла Эскосура («*HIHD — Historical Human Development Index*»).

Модель Тома Пикетти

Опубликованный в Париже в 2013 г. «Le Capital au XXIe siècle» Тома Пикетти был воспринят благосклонно. Но никто не мог предугадать, что перевод книги на английский язык весной 2014 г. вызовет настоящий фурор. Стоило английскому варианту книги появиться на прилавках, как Пикетти стал настоящей звездой (после статьи в «The Guardian» его стали называть «рок-звездой экономики»).

«Капитал» Пикетти состоит из четырех почти самостоятельных частей. Первая часть посвящена экономической теории, которую Пикетти называет политической экономией: в ней разбираются такие понятия, как доход и капитал. Вторая часть переходит от наблюдения явления к изучению динамики и метаморфоз соотношения капитала и дохода (помимо прежде всего Франции, большая часть наблюдений посвящена Британии, Германии и США). Третья часть исследует структуру неравенства, особое внимание уделяется различиям в структуре неравенства трудовых доходов и доходов с капитала, в том числе и о т. н. «дилемме Растиньяка»: что доходнее — хорошо учиться или удачно жениться? И наконец, в четвертой части, которая становится своеобразным демократическим манифестом против роста неравенства, Пикетти призывает примирить капитализм и демократию, установив правила глобально-регулируемого капитализма.

Пикетти, говоря о неравенстве, всегда обращался к весьма широкой трактовке капитализма в Новое время, понимая капиталистическую систему как особый общественный договор, когда капиталистическая концентрация часто вступает в противоречие с провозглашаемыми демократическими и меритократическими принципами. Призыв к политической и исторической экономии — важная часть исследовательского проекта Пикетти, пытающегося объединить глубину размышлений классиков экономической мысли и современное разнообразие количественных и качественных данных [Пикетти, 2015: 8–9].

Пикетти в «Капитале в XXI в.» вводит в научный оборот два основных закона капитализма. Первый закон гласит, что доля капитала в национальном доходе равна уровню доходности капитала, умноженному на соотношение между капиталом и доходом ($\alpha = r \times \beta$). Второй закон заключается в том, что соотношение между капиталом и доходом в долгосрочной перспективе равно соотношению между уровнем сбережений и темпами роста ($\beta = s / g$).

Первый закон капитализма, как пишет Пикетти, представляет собой «чисто бухгалтерское уравнение», в котором соотношение между капиталом и доходом (β) напрямую связано с долей доходов с капитала в на-

циональном доходе (α). Смысл этой закономерности состоит в том, что если $\beta = 600\%$, а $r = 5\%$, то $\alpha = r \times \beta = 30\%$. Таким образом, если имущество равно шести годам национального дохода данного общества, а средняя доходность капитала составляет 5% в год, то доля капитала в национальном доходе равна 30% [Пикетти, 2015: 67].

Как известно, доходность капитала занимает важное место в экономических теориях (прежде всего в марксизме). Однако Пикетти подчеркивает, что тезис Маркса о тенденции к снижению нормы прибыли в историческом измерении оказался ошибочным. В любом случае, доходность капитала, в какую бы юридическую форму эти доходы ни облекались (прибыль, арендные платежи, дивиденды, проценты, роялти, прирост капитала и т. д.), крайне важна для понимания экономической динамики. Доходность, конечно, существенно варьируется в зависимости от вида вложений капитала (к примеру, некоторые предприятия могут получать доходность более 10% в год, а другие, напротив, работать в убыток). По данным Пикетти, средняя доходность акций в долгосрочной перспективе составляет 7–8%, тогда как вложения в недвижимость и облигации обычно не приносят более 3–4%, а реальная процентная ставка по государственному долгу иногда оказывается лишь в районе 2% [Пикетти, 2015: 68].

В развитых странах в 2010-х гг. доходы с капитала (прибыль, проценты, дивиденды, арендные платежи и т. д.), как правило, достигали 30% от национального дохода. Следовательно, при соотношении между имуществом и доходом, равным 600%, средняя доходность капитала составляет около 5%. Любопытно, что средняя доходность земли в аграрных обществах также была на уровне 4–5%. Пикетти мастерски использует художественную литературу для своих наблюдений за капиталами в XIX в. Так, в романах Джейн Остин и Оноре де Бальзака ежегодная рента, получаемая с земельного капитала или с государственных долговых обязательств, равнялась примерно 5% от стоимости этого капитала. Как уточняет Пикетти, читатели этих романов хорошо знали, что для получения ежегодной ренты порядка 50 тыс. франков необходимо владеть капиталом в 1 млн франков [Пикетти, 2015: 69].

Второй основной закон капитализма Пикетти называет законом, действующим лишь в долгосрочной перспективе [Пикетти, 2015: 174]. Таким образом, Пикетти пытается защититься от критики, что с помощью этого закона нельзя объяснить краткосрочные потрясения, сказывающиеся на соотношении между капиталом и доходом, равно как необходимо вывести за скобки и мировые войны, и мировой экономический кризис. Главное, что данный закон позволяет понять, к какому уровню равновесия может стремиться соотношение между капиталом и доходом

в долгосрочном плане, как раз когда сглаживаются последствия потрясений и кризисов. Речь в данном случае идет об асимптотическом законе: если страна сберегает долю s своего дохода на протяжении неограниченного времени, а темпы роста национального дохода постоянно равны g , то соотношение между капиталом и доходом будет все больше стремиться к соотношению $\beta = s/g$ и со временем стабилизируется на этом уровне.

Необходимо отметить, что именно законы капитализма, выдвинутые Пикетти, подверглись самой жесткой критике в историко-экономической литературе [Володин, 2015]. Критика развивается по двум направлениям: с одной стороны, оспаривается фундаментальность «законов», с другой стороны, ставится под сомнение взаимосвязь действия законов капитализма и роста неравенства. Например, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, известные сторонники институциональной теории, обращают внимание на отсутствие в работе Пикетти анализа изменяющихся в долгой ретроспективе институтов, которые могут стать основным объяснением действия или бездействия законов капитализма [Acemoglu, 2015]. Нобелевские лауреаты, ведущие специалисты по неравенству, высказали различные оценки. Дж. Стиглиц усомнился в том, что именно богатство (накопления) становятся фактором увеличения неравенства [Stiglitz, 2015]. А П. Кругман, напротив, поддержал Пикетти, который, по его мнению, принципиально изменил экономический подход к проблеме богатства и неравенства [Krugman, 2015].

Пикетти также включает концепцию неравенства в популярную сегодня дискуссию о «великом расхождении» (дивергенции) и возможном преодолении этого эффекта в ближайшем будущем, т. е. схождении (конвергенции). На основе историко-экономических данных большой длительности можно увидеть значительное расхождение по уровню ВВП на душу населения между Европой и Америкой в сравнении с Азией и Африкой. «Капитал в XXI в.» оказывается важным вкладом в дискуссию о цикличности «расхождения» и «схождения» богатых стран мира, обращая внимание на эмпирические закономерности, которые важно учитывать в условиях глобализации финансовых рынков. Как доказывает Пикетти, какой бы значимой ни была уравнивающая сила, обеспечивающая конвергенцию между странами, иногда над ней могут брать верх силы дивергенции, действующие в противоположном направлении, т. е. силы, способствующие увеличению и углублению неравенства [Пикетти, 2015: 41].

Б. Миланович написал, что книга «Капитал в XXI в.» «обозначила важный рубеж в экономическом мышлении». Причем, по его мнению, «ключевой вклад Пикетти — общий анализ капитализма, а проблемы

неравенства — лишь один из аспектов этого анализа. Не заявленная, но подразумеваемая цель Пикетти — объединить теории роста с теориями функционального и личного распределения доходов и дать всеобъемлющее описание капиталистической экономики». Однако некоторые наблюдения кажутся Милановичу спорными. В частности, рассматривая неравенство Пикетти $r > g$, Миланович задается вопросом: «Если соотношение капитал/выпуск так серьезно увеличивается, то почему не уменьшается предельная отдача на капитал? Разве g не будет снижаться? “Жесткость” показателя отдачи на капитал — это, очевидно, слабое место в системе Пикетти» [Миланович, 2014:134].

Пикетти полагает, что один из основных выводов из его исследования неравенства состоит в том, что «следует избегать всякого экономического детерминизма: история распределения богатств всегда имеет большую политическую подоплеку и не может сводиться к одним лишь экономическим механизмам» [Пикетти, 2015: 39]. Согласно приведенным Пикетти данным, силы схождения и расхождения в вопросах неравенства очень сильно связаны с экономической политикой, или даже шире с геополитическим контекстом. Так, вполне очевидно, что две мировые войны повлияли на эффективность финансовых инструментов в 1910–1960-е гг. Равно как и восстановление тренда на рост неравенства в 1970–1980-е гг. напрямую связано с изменениями в налоговой и финансовой сферах.

Сложность исследований неравенства упирается в то, что абстрактные показатели экономического развития требуют глубокого осмысления и операционализации, чтобы удалось увидеть главные грани неравенства в современном мире, а вместе с этим и понять действующие механизмы неравенства. Учитывая, что Пикетти разделяет точку зрения, что «история распределения богатства во все эпохи представляет собой ключ к пониманию истории страны в целом» [Пикетти, 2015: 273] — только в случае погружения экономических показателей в социально-политический контекст получится увидеть верхнюю центиль (1%) в социальном пейзаже.

Неравенство Пикетти, или $r > g$, — это формула, характеризующая главный тезис книги: за последние 250 лет можно наблюдать, что уровень доходности капитала (r) устойчиво выше, чем уровень экономического роста (g). Очевидным следствием из этого наблюдения является все возрастающая концентрация богатства, которая оказывается в прямом противоречии с демократическими лозунгами о равенстве возможностей. Таким образом, если посмотреть на историю развития капитализма в долгосрочной перспективе, можно убедиться, что неравенство не случайно, напротив, неравенство является необходимой чертой капи-

тализма. Раз так, побороть неравенство можно разве что разумной государственной политикой.

В модели Пикетти доходность капитала может включать в себя и проценты, и разные формы ренты, и дивиденды, и прочие доходы с капитала, а экономический рост рассматривается как прирост трудовых доходов и увеличение выпуска продукции. Как показывают наблюдения, чем медленнее экономический рост, тем быстрее накапливается богатство. При этом богатство накапливается *неравномерно*, а среди достаточно узкого круга семей. Для выявления степени концентрации капитала в разных странах Пикетти сравнивает верхние децили (10%), а иногда и верхние центили (1%) богатых семей, чтобы оценить их роль в капиталистическом укладе современных развитых обществ. Верхняя дециль, как показывает Пикетти, состоит из двух разных миров: в группе 9% из этих 10% явно преобладают трудовые доходы, тогда как в группе максимального 1% постепенно берут верх доходы с капитала (темп и массовость такого явления, конечно, зависят от эпохи).

При анализе долгосрочной динамики выясняется, что гиперконцентрацию богатства в Европе в руках немногих можно объяснить невысокими темпами экономического роста. Пикетти не раз вспоминает знаменитую речь Вотрена из «Отца Горио» Бальзака, в которой цинично, но правдиво доказывается, что учеба и стремления к удачной карьере в XIX в. не приведут к достатку, которого можно легко добиться в случае удачной женитьбы. И этот пример оказывается интересен в силу того, что сегодня мы живем как раз в эпоху относительно низких темпов экономического роста, а значит, рискуем достаточно быстро оказаться в плену «патримониального капитализма», когда экономический контроль во многих странах находится в руках богатых династий, а проблемы неравенства сохраняются как пагубное наследство богатств прошлого.

Конечно, «Прекрасная эпоха» (1890–1914 гг.) существенно отличается от «нулевых» годов XXI в. Но вместе с тем сегодня уже сложно представить и ситуацию относительного равенства и достатка «славного тридцатилетия» (1946–1973 гг.), когда после невзгод Великой депрессии и Второй мировой войны трудовые доходы могли обеспечить семью совсем не хуже доходов с капитала. Во всех обществах существует два основных способа достичь благополучия — путем труда или за счет наследства. По сути, сегодня экономика постепенно возвращается к былой степени концентрации капитала, которая основывается на тесноте родственных связей, что превращает меритократию в миф, а олигархию — в реальность. Но исторический процесс устроен сложно: и силы

расхождения, увеличивающие неравенство, и силы схождения, неравенство уменьшающие, в реальности находятся в постоянном противоборстве.

Модель Грегори Кларка

Социальная мобильность становится все более существенным изменением в экономической истории. Так или иначе, когда речь экономических историков отходит от дискуссий о разнообразии путей к современному экономическому росту, то при взгляде на общество первым делом они обращают внимание на социальную мобильность.

Название книги «*The Son Also Rises*», традиционно для Кларка, является перефразированным названием романа Эрнеста Хемингуэя «И восходит солнце», где *sun* (солнце) изменено на *son* (сын), и получается «И восходит сын». И сыновья оказываются главным объектом исследования, в той степени, в которой они способны наследовать социальный статус родителей. Исследование выполнено по глобальной программе, данные собраны по многим странам, включая Швецию, США, Англию, Индию, Китай, Тайвань, Японию, Корею, Чили. Такое широкомасштабное исследование, конечно, нельзя провести в одиночку, поэтому у каждой главы книги есть соавторы.

«Я пытаюсь показать, — пишет Кларк, — что чрезвычайно простые модели социальной мобильности позволяют успешно предсказывать судьбу самых разных обществ и институтов» [Clark, 2014: IX]. По сути, книга проводит ревизию традиционного представления о социальной мобильности как о показателе межпоколенческой корреляции по доходу, имущественному положению, образовательному уровню, профессиональному статусу или даже продолжительности жизни между родителями и детьми. Традиционные оценки межпоколенческой корреляции по величине дохода для большинства стран мира лежат в пределах от 0,15 до 0,65 (где 0 — абсолютная мобильность, а 1 — отсутствие мобильности).

Кларк считает такие оценки слишком оптимистическими и завышенными, в том числе и по той причине, что наблюдения ведутся за 2–3 поколениями. «Глядя на родных и двоюродных братьев, мы обычно видим гораздо более существенную корреляцию между своим и их статусом, чем следовало бы из описанных выше межпоколенческих корреляций» [Clark, 2014: 6]. И главным средством в оценке реальных темпов социальной мобильности смогут помочь фамилии. Кларк убежден, что фамилии оказываются поразительно эффективным инструментом для измерения социальной мобильности богатых и бедных родов на протяжении многих поколений в различных обществах. Более того, по его

мнению, межпоколенческая мобильность подчиняется четким, поразительным и неизменным законам социальной физики, которые не находят отражения в большинстве современных исследований по данной теме [Clark, 2014: 8].

Источники данного исследования многообразны. Кларк и коллег интересуют любые сохранившиеся фамильные списки: от «Книга судного дня» и «Посмертных расследований» до списков университетских адресов электронной почты. Большая часть источников — различные реестры фамилий. К примеру, для США, в частности, используются «Указатель врачей в США» Американской медицинской ассоциации и списки лицензированных адвокатов с указанием года выдачи лицензии. А главным источником для сопоставления высокопрофессиональных групп врачей и адвокатов служит база данных Бюро переписи населения США, создающая специальную сводку всех фамилий, не менее 100 раз зафиксированных в ходе переписи населения 2000 г. На основании таких и подобных данных создаются выборки — богатых, обеспеченных и бедных фамилий.

Вывод Кларка звучит достаточно безапелляционно: межпоколенческая корреляция во всех обществах, для которых были получены массовые данные о фамилиях, находится в пределах от 0,7 до 0,9 (даже в эгалитарной Швеции!), что намного превышает традиционные оценки экономистов и социологов. Таким образом, социальный статус наследуется напрямую, как и другие биологические свойства организма, например, рост (заметим, что рассуждениям Кларка часто свойственен биологический детерминизм, в частности, объясняющий и демографическую детерминанту экономического роста в эпоху «мальтузианской ловушки»).

Кларк утверждает, что социальная мобильность подчиняется единому закону, не зависящему ни от структуры общества, ни от политики властей [Clark, 2014: 108–111]. Формулировка этого закона такова: $x_{t+1} = bx_t + e_t$, где x_t — скрытый социальный статус семьи в поколении t , e_t — случайный компонент, а коэффициент b лежит в пределах 0,7–0,8. Такая закономерность социальной мобильности позволяет давать точные прогнозы относительно динамики развития как социальных элит, так и беднейших слоев. Таким образом, социальный статус каждой отдельной семьи по мере смены поколений может изменяться непредсказуемо. Но если мы знаем, что конкретная семья имела, скажем, в 1800–1829 гг. определенный социальный статус, то из закона мобильности следует, что статус ее потомков на протяжении поколений будет приближаться к среднему статусу для данного общества. В том случае, когда темп сохранения статуса b имеет высокое значение на уровне 0,8, такой процесс пойдет медленно, занимая многие столетия в случае семей, чей статус

изначально сильно отличался от среднего. При рассмотрении больших групп семей, имеющих высокий или низкий статус, процесс движения к среднему становится предопределенным и предсказуемым. Тем не менее выявленная закономерность имеет очевидные пределы: есть способ предсказать, что элитарные в 1850 г. семьи поднимались по социальной лестнице еще с 1550 г., но нет возможности угадать, какая из семей, имевших средний статус в 1550 г., будет обладать привилегированным положением в 1850 г. [Clark, 2014: 216].

Но с такой точки зрения важна не только сила корреляционной связи, но и скорость регрессии к среднему значению. Регрессия к среднему значению представляет собой средний темп, в котором семья или целая социальная группа, чье положение отличается от среднестатистического для конкретного общества, приближаются к среднестатистическому положению по мере смены поколений. Доказательством того, что темп регрессии к среднему снова оказывается поразительно низким, Кларк считает следующий пример из английской истории [Clark, 2014: 83–84]. С момента нормандского завоевания 1066 г. прошло 950 лет, но нормандские фамилии не достигли совершенно равномерного социального распределения ни к 1300 г., ни к 1600 г., ни даже к 1900 г. Межпоколенческую корреляцию за период 1170–1589 гг. в Англии можно оценить величиной 0,9. В 1590–1800 гг. темп регрессии к среднему был еще ниже, как и в случае фамилий представителей состоятельной элиты XIII в., но за этим периодом медленной регрессии последовал продолжавшийся с 1800 г. до наших дней период несколько возросших темпов социальной мобильности. В результате темп сохранения, равный 0,9, например, верно предсказывает долю нормандских фамилий в Оксфорде и Кембридже в настоящее время.

Самый острый и спорный вопрос, который концепция Кларка приносит в современные дискуссии о социальной мобильности, можно сформулировать так: действительно ли наши социальные и экономические достижения более чем на 80 % определены уже в момент рождения? Возможно, что если определенные фамилии в глазах людей служат показателем высокого или низкого статуса, то уже само это осознание может влиять на темпы социальной мобильности. И можно предположить, что при измерении темпов социальной мобильности на основе данных о фамилиях может появиться системная ошибка из-за пониженной мобильности владельцев таких характерных фамилий. Но подобные отклонения от закона социальной мобильности Кларк склонен объяснять процессами отбора, выборочным вхождением представителей одних групп в другие группы или наблюдаемыми в пределах группы различиями фертильности.

Главное, на что не стоит обращать внимания, если довериться закономерности, выдвинутой в книге, — это истории успеха. Конечно, можно отыскать немало случаев взлета из бедности к богатству. К примеру, в биографии самого богатого и знаменитого английского писателя XIX в. Чарльза Диккенса есть эпизод, когда его в 9-летнем возрасте забрали из школы и послали работать на фабрику по производству ваксы. Тем не менее, настаивает Кларк, если посмотреть на подобные случаи с помощью оптики закона мобильности, то подобный успех — аномалия, исключение из правил. Люди, представляющие собой элиту определенного поколения, обычно происходят из лишь немногим менее привилегированных семей. Баснословно богатые и чрезвычайно талантливые в большинстве своем — потомки умеренно богатых и умеренно талантливых. По-настоящему бедные и совершенно бездарные являются детьми умеренно бедных и сравнительно бездарных. И продолжая размышлять о судьбе Диккенса, Кларк добавляет: отец писателя был чиновником Королевского флота (т. е. относился к низам среднего класса), но запутался в долгах, вследствие чего ему пришлось отправиться в долговую тюрьму, а юному Чарльзу — на фабрику ваксы.

***

Судя по двум рассмотренным концепциям, меритократический идеал социального бытия часто уступает практикам наследования. И именно наследование оказывается действительным механизмом сохранения и накопления неравенства.

С исследовательской точки зрения, крайне важным изменением последних лет становится возможность не только знакомства с выводами исследований, но и работы с данными, на которых исследование проведено. Д. МакКлоски в связи с этим пишет, что имеет смысл в современных историко-экономических исследованиях различать *«data»*, т. е. данные как «данность», которыми пользуется большинство экономистов, часто даже не задумываясь из каких источников они получены, и *«capta»*, то есть данные как «находку», специально собранные для исследования из разнообразных источников, как это сделал Пикетти [McCloskey, 2014: 74]. Все данные, использованные в «Капитале в XXI в.», которые как раз можно отнести к *«capta»*, опубликованы онлайн¹. Помимо этого, в рамках международного историко-сравнительного проекта создана «Всемирная база данных высоких доходов» (World top incomes database, WTID), обобщающая собранные из разных национальных источников

¹ Историко-экономические данные, использованные в книге «Капитал в XXI веке», опубликованы по адресу: piketty.pse.ens.fr/en/capital21c

динамические данные об изменениях дохода, прибыли и распределении неравенства в мире (в настоящий момент доступны данные по 30 странам, в планах — публикация данных о 45 странах)¹. Среди показателей дохода можно узнать не только о привычных децилях (10%) или центилях (1%) распределения доходов среди населения, но и оценить параметры распределения по таким показателям, как 0,5, 0,1, 0,05, 0,01% доходов самых богатых граждан стран, внесенных в базу.

При этом критики «Капитала в XXI в.» подчеркивают, что «данные не говорят сами за себя». Прежде всего речь идет об очевидном смешении понятий «капитал» и «богатство». «Анализ странным образом, — пишут Л. Блюм и С. Дарлауф, — оказывается неисторичным, т. к. не учитывает в интерпретации данных процесс экономического развития и изменений» [Blume, 2015: 751]. Хотя справедливости ради, сам Пикетти отмечает, что «для простоты изложения слова “капитал” и “богатство” будут использоваться как взаимозаменяемые термины, как полные синонимы» [Пикетти, 2015: 62]. Другим аспектом открывшегося спора о капитале стала дискуссия вокруг человеческого капитала, который Пикетти называет иллюзией [Пикетти, 2015: 226], а критики его концепции считают такую недооценку ошибочной [McCloskey, 2014: 89–90].

Концепция Кларка, конечно, также является спорной. Но многообразии примеров из Индии и Китая, Японии и Кореи, не говоря уже об Англии, Швеции и США, заставляет всерьез задуматься о необходимости и ограничениях измерения социальной мобильности на основе данных о фамилиях. Часть международных сопоставительных данных уже опубликована, часть — заявлена в планах². Первые сомнения критиков концепции касаются представительности и точности данных, которыми Кларк охотно и достаточно свободно оперирует, часто выдавая гипотезы за аксиомы. Также иногда кажутся исключительно умозрительными некоторые его интерпретации. В частности, не ясно, насколько устойчивы закономерности социальной мобильности в гендерном ракурсе, очевидны исторические ограничения наследования статуса (равно как и фамилии) женщинами, но неочевидны последствия такой традиции для концепции Кларка. Но бесспорно, что его ярко и многогранно заявленная гипотеза открывает широкую дискуссию, показывая, как можно дополнить и обогатить современные исследования того неравенства, которое заложено в социальную мобильность эпохи модерна.

¹ База данных WTID доступна исследователям по адресу: <http://topincomes.parisschoolofeconomics.eu/>

² Данные публикуются в специальном разделе персонального сайта Г. Кларка: <http://faculty.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/data.html>

Уместно вспомнить афоризм Оноре де Бальзака, что равенство может быть правом, но никакая человеческая сила не может превратить его в факт. Перед историей все острее встает вопрос: каков в действительности механизм формирования неравенства? В качестве рабочей гипотезы современные исследования говорят о наследовании как главном двигателе неравенства.

Литература

Володин А. Ю. (2015) От «Das Kapital» к «Le Capital»: идеи Т. Пикетти в контексте историко-экономических исследований [«Das Kapital» and «Le Capital»: the ideas of T. Piketti in the context of historical and economic research] // Экономическая история. № 4. С. 20–30.

Volodin A.YU. (2015) Ot «Das Kapital» k «Le Capital»: idei T. Piketti v kontekste istoriko-ehkonomicheskikh issledovanij // Ekonomicheskaya istoriya. № 4. С. 20–30.

Миланович Б. (2014) Возвращение «патримониального капитализма» [The actualization of «patrimonial capitalism»] // Вопросы экономики. № 9 (сентябрь). С. 127–144.

Milanovich B. (2014) Vozvrashchenie «patrimonial»nogo kapitalizma // Voprosy ehkonomiki. 2014. № 9 (sentyabr'). С. 127–144.

Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI в. [Capital in the Twenty-First Century] / Пер. с фр. А. Л. Дунаев; науч. ред. пер. А. Ю. Володин. М.: АдМаргинем Пресс.

Piketti T. (2015) Kapital v XXI veke / Per. s fr. A. L. Dunaev, nauch. red. per. A.YU. Volodin. M.: AdMarginem Press.

Пикетти Т. (2015) К политической и исторической экономии. Размышления о капитале в XXI в. [Towards political and historical economy. Thinking about capital in the 21st century] // Экономическая история. № 4. С. 7–19.

Piketti T. (2015) K politicheskoy i istoricheskoy ehkonomii. Razmyshleniya o kapitale v XXI veke // Ekonomicheskaya istoriya. № 4. S. 7–19.

Acemoglu D., Robinson J.A. (2015) The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // Journal of Economic Perspectives (American Economic Association). Vol. 29(1). P. 3–28.

Blume L.E., Durlauf S.N. (2015) Capital in the Twenty-First Century: A Review Essay // Journal of Political Economy. Vol. 123 (4). P. 749–777.

Clark G. (2014) The Son also Rises: surnames and the history of social mobility. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Krugman P. (2014) Why We're in a New Gilded Age // The New York Review of Books. 8 May. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2014/05/08/thomas-piketty-new-gilded-age/> [30.03.2017]

McCloskey D.N. (2014) Measured, unmeasured, mismeasured, and unjustified pessimism: a review essay of Thomas Piketty's Capital in the twenty-first century // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. Vol. 7. Issue 2. Autumn. P. 73–115.

Stiglitz J. (2015) Thomas Piketty gets income inequality wrong // Salon. January, 3. URL: http://www.salon.com/2015/01/02/joseph_stiglitz_thomas_piketty_gets_income_inequality_wrong_partner/ [30.03.2017]

ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ ЧУЖОЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ XX — НАЧАЛА XXI в.: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ

Румянцева Марина Федоровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

Аннотация. Исходная точка рассуждений: принцип признания чужой одушевленности — системообразующий в теории познания русской версии неокантианства разработан основоположником философского направления А. И. Введенским и последовательно реализован А. С. Лаппо-Данилевским в методологии источниковедения при интерпретации исторического источника. Но сформулированный Лаппо-Данилевским идеал интерпретации — понять исторический источник так, как понимал его автор, — вызывает обоснованные сомнения с точки зрения науки XX в. В статье показано, что по мере развития источниковедения — как наиболее продуктивной для исторического познания составляющей русской версии неокантианства — в направлении неоклассической модели науки «признание чужой одушевленности», с одной стороны, получало свои ограничители, но, с другой стороны, органично вписывалось в историческое знание XX в. Выделены два поворотных момента: (1) трансформация объекта источниковедения от исторического источника, понимаемого как «реализованный продукт человеческой психики...» (Лаппо-Данилевский), к системе видов исторических источников как проекции культуры, (2) смещение исторического познания от гуманитарного к социальному, повлекшее переосмысление действующего лица исторического процесса от субъекта, — для понимания которого и применялся, по преимуществу, принцип «признания чужой одушевленности» — к актору, понимание действий которого требует иные механизмы интерпретации. Показано, что вид исторических источников как основная классификационная единица выполняет функцию, аналогичную функции социальных структур в историческом познании, — задает «рамку», ограничивающую реализацию принципа признания чужой одушевленности строго эксплицированным контекстом культуры; разработка в российской историографии видовой структуры корпуса исторических источников как проекции культуры в 1950–1970-е гг.

находится в тренде мировой исторической науки, основным направлением которой в XX в. был переход от линейной модели историописания к экспликации структур (вариант Школы «Анналов» и особенно немецкая структурная история В. Конце).

Ключевые слова: русская версия неокантианства, принцип признания чужой одушевленности, интерпретация исторического источника, система видов исторических источников, субъект, актор.

Русская версия неокантианства vs Баденская школа. Принцип признания чужой одушевленности в гуманитарном/историческом познании

О. М. Медушевская (1922–2007) констатировала в первом десятилетии XXI в. противостояние двух «парадигм» в историческом знании: нарративной логики историописания и истории как строгой науки [Медушевская, 2008а: 15–16]. И хотя я отчасти не согласна с О. М. Медушевской, считая, что речь идет не о противостоянии, а о параллельном сосуществовании, если не о расхождении этих двух типов исторического знания, обусловившем разрыв научной истории и социально ориентированного историописания в ситуации постпостмодерна [подробнее см.: Маловичко, Румянцева, 2013]. Но эти несогласия в подходах имеют характер нюансов по отношению к общей проблеме: где точка расхождения этих двух «парадигм» и в чем суть их различий. Проблема усугубляется, если понять, что обе «парадигмы» О. М. Медушевская возводит к неокантианству: к «философии уникальности и идиографичности» Баденской школы неокантианства и к оригинальной концепции исторического познания, предложенной в начале XX в. русским историком-методологом А. С. Лаппо-Данилевским, которого также принято характеризовать как неокантианца [Медушевская, 2008а: 15–16].

На мой взгляд, суть проблемы — в принципиальных различиях Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, 1848–1915; Г. Риккерт, 1863–1936) и его оригинальной русской версии (А. И. Введенский, 1856–1925; И. И. Лапшин, 1870–1952, А. С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919, В. М. Хвостов, 1868–1920): если баденцы сосредоточились на логике историописания, последовательно отказываясь от рефлексии объекта исторического познания, то русские неокантианцы, напротив, акцентировали исследование эмпирического объекта гуманитарного познания (исторического источника — в понятийном аппарате исторической науки) [подробнее см.: Румянцева, 2012]. Эпистемологические проблемы познания эмпирического объекта в гуманитаристике были рассмотрены основоположником русской версии неокантианства А. И. Введенским.

Анализируя — в философском плане — проблему «пределов и признаков одушевления», он поставил вопрос: «...имеет ли душевная жизнь объективные (извне наблюдаемые) признаки» — и предложил ответ: «...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям, следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни, и какие проходят без ее участия» [Введенский, 1892: 7]. Эта исследовательская гипотеза заставила русского философа целенаправленно обратиться к разработке принципа «признания чужой одушевленности». Вслед за его разработкой А. И. Введенским с общефилософских позиций, философ-неокантианец И. И. Лапшин предпринял историко-философский экскурс в проблему [Лапшин, 1910], разработал ее применительно к художественному творчеству [Лапшин, 1914] и к иным сферам творческой деятельности человека [Лапшин, 1999], а историк-методолог А. С. Лаппо-Данилевский последовательно применил его в области исторического познания, фундировав им свою оригинальную концепцию источниковедения [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 19–395]. В. М. Хвостов афористично подытожил размышления коллег по философскому направлению: «“Чужая душа”, в сущности, всегда “потемки”, и мы всегда судим о других по аналогии с самим собою» [Хвостов, 2006: 67].

Не будем здесь останавливаться на разработке этого принципа в русской версии неокантианства [подробнее см.: Румянцева, 2007]. Проследим его дальнейшую судьбу в историческом познании XX в., обратившись к области источниковедения, где этот принцип и получил, по преимуществу, свое дальнейшее развитие.

Гипотеза исследования

На протяжении XX — начала XXI в. очевидным образом идет смещение исторического познания от гуманитарного к социальному (не будем останавливаться здесь на факторах, определивших это движение, отметим только существенную роль процесса глобализации). В этих условиях применение принципа «признания чужой одушевленности», ориентированного на гуманитарный характер исторического знания, не могло не претерпеть изменения.

Суть исследовательской гипотезы в том, что по мере развития источниковедения — как наиболее продуктивной для исторического познания составляющей русской версии неокантианства — в направлении неоклассической модели науки «признание чужой одушевленности»,

с одной стороны, получало свои ограничители, но при этом, с другой стороны, органично вписывалось в историческое знание XX в.: и не только в антропологический поворот, что почти очевидно, но и в структурный вариант социальной истории.

На этом пути выделим два поворотных момента: (1) трансформацию объекта источниковедения от исторического источника, понимаемого как «реализованный продукт человеческой психики...» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 38] к системе видов исторических источников как проекции культуры [см.: Источниковедение, 2015: 113–121], (2) переосмысление действующего лица исторического процесса от субъекта, — для понимания которого и применялся, по преимуществу, принцип «признания чужой одушевленности» — к актору, понимание действий которого требует иные механизмы интерпретации.

Основная классификационная единица источниковедения — вид исторических источников — как ограничитель применимости принципа «признания чужой одушевленности»

В концепции источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского принцип «признания чужой одушевленности» выступает как основа базовой источниковедческой процедуры — интерпретации исторического источника. Причем в этой части, на первый взгляд (да и не только на первый), построения А. С. Лаппо-Данилевского близки к позиции В. Дильтея, изложенной в «Описательной психологии» (1894), где В. Дильтей так же, как и А. И. Введенский двумя годами ранее, предлагает пользоваться в целях описательной психологии (воспроизведения чужой одушевленности — в терминологии русского неокантианства) «предметными продуктами психической жизни» [Дильтей, 1996: 99] (историческими источниками — в терминологии источниковедческой концепции А. С. Лаппо-Данилевского).

Но очевидно, что подход В. Дильтея никак нельзя отнести к основаниям строгой науки. Здесь следует вспомнить, что именно за неопределенность объекта «наук о духе» критиковал В. Дильтея, и не только его, Г. Риккерт: «...основное понятие определяется ими [Дильтеем, Вундтом, Мюнстербергом и др. — М. Р.] недостаточно безукоризненно; что же касается понятия духа, то дать логическое определение его либо совершенно невозможно, либо, во всяком случае, возможно лишь тогда, когда предварительно уже имеется логическое понятие истории» [Риккерт, 1998: 138–139].

Но принципиальное отличие концепции русской версии неокантианства, и в особенности концепции источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, от методологии «наук о духе» как раз и состоит в рефлексии эмпирического объекта — «реализованного [т. е. объективированного. — *М. Р.*] продукта человеческой психики, пригодного [именно в силу своего объективированного/эмпирического состояния. — *М. Р.*] для изучения фактов с историческим значением» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 38].

Таким образом, расхождение русской версии неокантианства с его Баденской школой имело не частный, но принципиальный характер. Смысл его — в расхождении движущейся в сторону неоклассической модели науки оригинальной концепции источниковедения, порожденной русским неокантианством, и рефлексией неклассического характера исторического познания Баденской школой неокантианства.

По какой же траектории шло движение, приведшее концепцию русских неокантианцев к неоклассической модели науки? Это — продолжение рефлексии объекта: от исторического источника как единичного объекта — к системе видов исторических источников как проекции культуры — и к универсальному понятию «эмпирическая реальность исторического мира» [Медушевская, 2008b; Медушевская, 2008a; см. также: Источниковедение, 2015: 113–121].

Но вернемся к центральной проблеме, которую А. С. Лаппо-Данилевский в своей концепции источниковедения решал на основе принципа «признания чужой одушевленности» — проблеме интерпретации. Интерпретацию исторического источника (это важно подчеркнуть, дабы акцентировать отличие интерпретации исторического источника от интерпретации исторического факта в контексте нарратива в нарративной логике историописания) Лаппо-Данилевский понимал как его «общезначимое научное понимание» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 65] и видел идеал интерпретации в том, чтобы «истолкователь достиг такого состояния сознания, при котором он мог бы самопроизвольно обнаружить его в произведении, тождественном с данным, и при котором он <...> мог бы понимать его, как свое собственное...» [там же: 66]. Конечно, такой идеал вызывает сомнения, даже на интуитивном уровне. Но это характерный для рубежа XIX–XX вв. подход: достаточно вспомнить новаторскую режиссерскую систему К. С. Станиславского, основанную на том же принципе, или способ раскрытия преступлений знаменитым героем произведений Агаты Кристи Эркюлем Пуаро, который, в отличие от его «парадигмального» предшественника позитивиста Шерлока Холмса, не искал улики, а размышлял над психологическими характеристиками преступника, вживаясь в его личность как раз на основе принципа «признания чужой одушевленности».

Очевидно, что концепция А. С. Лаппо-Данилевского находится на «дофрейдовской» стадии гуманитаристики, поскольку, как и «описательная психология» В. Дильтея, предполагает, что рефлексия собственной психики возможна. В. Дильтей, описывая способы постижения другого, замечает: «Внутренне восприятие мы восполняем постижением других. Мы постигаем то, что внутри их. Происходит это путем духовного процесса, соответствующего заключению по аналогии» [Дильтей, 1996: 98]. А. С. Лаппо-Данилевский так описывает процесс воспроизведения «чужой одушевленности» в ходе исторического исследования: «...он [историк. — *М. Р.*] как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделяется под нее и т. п.; ему приходится искусственно... ставить себя в условия, при которых он может вызвать его и т. п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий...» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 315–316].

В. Дильтей обозначает границы предлагаемого метода: «Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно, или же отличающиеся от нее отсутствием чего-либо, присущего нам, безусловно не могут быть восполнены нами положительно...» [Дильтей, 1996: 98]. И А. С. Лаппо-Данилевский обуславливает границы исторического, и в целом гуманитарного, познания невозможностью полного воспроизведения «чужого я». Он пишет: «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”. Такое переживание, ассоциирование и заключение по аналогии обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого “я”, а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его психики...» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 313]. Исследователь подчеркивает эпистемологические сложности, возникающие при «воспроизведении одушевленности» исторического субъекта. А. С. Лаппо-Данилевский исходит из того, что психика историка и психика изучаемого им субъекта различаются лишь интенсивностью составляющих ее элементов. Однако историк не может быть полностью уверен в соответствии друг другу самих комбинаций этих элементов, поэтому исходя из анализа собственной психики историк вынужден ограничиться констатацией сходства отдельных элемен-

тов, «общих обеим одушевленностям», а не их систем [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 317].

Принадлежа своему времени, концепция А. С. Лаппо-Данилевского обнаружила потенциал развития, которое, как уже отмечалось, шло преимущественно по линии осмысления/переосмысления объекта. Именно на этапе осмысления системы видов исторических источников как проекции культуры происходит фактически акцепция идеи З. Фрейда о «давлении культуры» [Фрейд, 1991: 65–134] — скорее латентная, чем эксплицированная. Вид исторических источников — это та категория источниковедения, которая учитывает «давление культуры», ставя границы непосредственному/прямоу применению принципа «признания чужой одушевленности».

Некоторые основания для такого подхода мы находим уже у А. С. Лаппо-Данилевского, который, исследуя типизирующий метод интерпретации, пишет: «... исходя <...> из понятия о данной культуре, можно, по аналогии с нею, толковать источник или подводить под нее источник, для того, чтобы объяснить свойства последнего, как представляющего ее экземпляр <...> Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает, однако, различные значения, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т. е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры” для истолкования источника; значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную...» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 112].

Весьма эффективной для понимания природы происходящих в гуманитарном и социальном познании XX в. изменений является предложенная представителем Франкфуртской школы Эрихом Фроммом (1900–1980) концепция «бегства от свободы» (1941), которая примечательна не только тем, что пригодна в качестве основания для дальнейших социогуманитарных построений, но и тем, что ее автор объединил в себе два мощнейших интеллектуальных течения XX в.: неомарксизм и неофрейдизм. Вероятно, сочетание в background'e Э. Фромма социальной философии Маркса и гуманитарной концепции Фрейда и позволило ему перспективным образом решить одну из наиболее существенных проблем социогуманитарного знания XX в. — сложной конфигурации в нем проблематики человека и общества.

Аналогичную проблему в 1950–1970-х гг. решало источниковедение¹, сочетавшее принцип «признания чужой одушевленности», даю-

¹ Во избежание недоразумений еще раз подчеркну, что в данной работе речь идет исключительно об источниковедении, восходящем к русской версии неокантианства и обособившемся в отдельную дисциплину/субдисциплину исторической науки в середине XX в. на

щий гуманитарное основание исторического знания, с разработкой видовой структуры корпуса исторических источников, адекватно презентующей породившую их социокультурную систему. И именно концепция Э. Фромма была нами использована для объяснения трансформации корпуса исторических источников при смене социокультурных ситуаций [Источниковедение..., 1998: 318–324; см. также: Источниковедение, 2015: 113–117]. Наиболее детально эта проблема разработана применительно к переходу от Средних веков к Новому времени. Актуальной, но пока мало разработанной, в современном источниковедении является проблема трансформации корпуса исторических источников при переходе от Нового времени к «посленовому» — к постмодерну и далее — к постпостмодерну. Но даже при дилетантском / обывательском взгляде очевидно, что изменения здесь затронули не столько видовую структуру корпуса исторических источников (здесь, конечно же, необходимо исследовать существенные трансформации, происходящие внутри видов, но сама видовая структура существенно не меняется), сколько типологию исторических источников. Возможности применения принципа «признания чужой одушевленности» к изобразительным и вещественным источникам, активно вовлекаемым в научный оборот в ходе визуального и «вещного» поворотов в историческом познании, и гуманитаристики в целом, требуют специального исследования.

Возможно ли применение принципа «признания чужой одушевленности» не к субъекту, а к актору?

Естественно, что в рамках настоящей работы я затрону только те аспекты теории акторов (здесь я ориентируюсь по преимуществу на социологическую концепцию Пьера Бурдьё, 1930–2002), которые имеют непосредственное отношение к ограничению применимости принципа «признания чужой одушевленности». Суть же движения от субъекта исторического процесса к актору исторического действия представим — гипотетически — следующим образом.

До XX в. история — это способ культурного существования очень узкого слоя социума, не говоря уже о строгой локализации исторического процесса во времени и пространстве (здесь я принимаю концепцию «духовной Европы» Э. Гуссерля [Гуссерль, 1994]). Позволю себе не развивать в рамках данной работы эту идею, хотя, вероятно, она и не вполне очевидна. История воспринимается как линейный процесс де-

основе рефлексии автономного объекта изучения — системы видов исторических источников. Эту концепцию необходимо жестко отделять от источниковедения как инструментария исторического познания, сохраняющего по сию пору отчасти позитивистский характер.

аний ее субъектов. Такое понимание истории предполагает ее конструирование на основе исторических фактов, определяемых, как «воздействие индивидуальности на среду» [Лаппо-Данилевский, 2010, т. 2: 416–430], что в свою очередь требует изучения/конструирования этих фактов на базе созданных в процессе деятельности личностей/субъектов и «отобравшихся» (т. е. как целенаправленно сохраненных, так и волею случая сохранившихся) исторических источников (преимущественно письменных), изучаемых на основе принципа «признания чужой одушевленности».

На рубеже XIX–XX вв. начинается процесс глобализации, который имеет, как минимум, две составляющие: это втягивание народов, оставшихся за пределами истории, в «осевое время» (если воспользоваться терминологией К. Ясперса) и наступление «века толп» (если воспользоваться терминологией С. Московичи). Первая составляющая акцентируется гораздо чаще, чем вторая, а именно эта вторая обуславливает то, что понятия субъекта/личности становится недостаточно, существенная роль в историческом действии теперь принадлежит актору. Смена субъекта на актора осуществляется, главным образом, в ходе так называемого «прагматического поворота» в историческом познании.

Эта значимая трансформация «действующего лица» исторического процесса предъявляет существенно новые требования как к источниковой базе исторической науки, так и к методам ее освоения. Что касается источниковой базы, то закономерен рост интереса к так называемым эго-источникам (кстати, вытеснение традиционного источниковедческого названия «источники личного происхождения» понятием «эго-источники» в таком контексте выглядит не случайным), причем созданным «простым» человеком, хотя такие источники, по крайней мере доступные историкам, немногочисленны и потому, что «простые» люди не активно фиксировали свой жизненный опыт (хотя наверняка мы судить об этом не можем), но главным образом потому, что нет системы отбора таких источников на постоянное хранение.

Но и те немногочисленные эго-документы, которые доступны историкам, требуют не столько применения к ним методов интерпретации, основанных на принципе «признания чужой одушевленности», сколько анализа дискурса, который не только выражает, но и главным образом формирует/конструирует жизненный мир актора, его систему мировосприятия и отношения с миром. Среди удачных опытов исследований такого типа, авторам которых удалось преодолеть значительную часть источниковедческих проблем, я бы назвала работу Н. Н. Козловой (1946–2002) «Советские люди. Сцены из истории» [Козлова,

2005]. Характеризуя смещение интереса от субъекта к актору, Н. Н. Козлова пишет: «Такой поворот в социальном исследовании интерпретируется <...> как возврат к “забытому человеку”. Но этот человек уже не субъект в классическом смысле. Социологическим, экономическим, антропологическим и психоаналитическим традициям, построенным на большой традиции атомизированного индивида, брошен вызов. В центре внимания исследователя оказывается вопрос не об их авторах или носителях, а о способах действия, которые могут быть сокрыты господствующими формами рациональности...» [Козлова, 2005: 61]. Ища методологию подступа к такому «забытому человеку»/актору исторического действия, автор выходит на базовую проблему источниковедения — проблему соотношения «рассказа» и «опыта»: «Одной из центральных теоретических тем становится отношение рассказа и “реальности”, рассказа исследователя и рассказа нарратора, нарратива и опыта <...> Сегодня социолог, историк, антрополог не может не учитывать, что имеет дело с миром, который уже обговорен и понят, определен и классифицирован посредством языка» [Козлова, 2005: 46]. Соответственно дискурсивный анализ необходимым образом дополняет процедуру интерпретации, основанную на принципе «признания чужой одушевленности».

Междисциплинарный характер проблемы

Таким образом, со смещением исторического познания от гуманитарного к социальному на протяжении XX — начала XXI в. принцип «признания чужой одушевленности» не перестает работать, его по-прежнему можно признать базовым в источниковедческих практиках, но область его действия существенно сужается, ограничивается рядом факторов.

В настоящей статье речь шла по преимуществу о подходе к «признанию чужой одушевленности» и ее познанию с точки зрения источниковедения, часто по-прежнему воспринимаемого в качестве прикладной «вспомогательной» дисциплины исторической науки. Но проблема явно носит полидисциплинарный характер. И дело даже не в том, что этот принцип был разработан А. И. Введенским в общефилософском плане и применен И. И. Лапшиным к самым разным областям гуманитарного познания, и в первую очередь к исследованию художественного творчества. Суть в том, что «объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры», выступающий в историческом познании в качестве исторического источника, есть общий объект гуманитарных наук при различении их предмета.

Литература

Введенский А.И. (1892) О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: тип. В. С. Балашева.

Vvedenskij A.I. (1892) O predelah i priznakah odushevleniya: novyy psihofiziologicheskij zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki. SPb.: tip. V.S. Balasheva.

Гуссерль Э. (1994) Кризис европейского человечества и философия [The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy] // Гуссерль Э. Философия как строгая наук. Новочеркасск: Агентство САГУ-НА. С. 101–126.

Gusserl' E. (1994) Krizis evropejskogo chelovechestva i filozofiya // Gusserl' E. Filozofiya kak strogaya nauk. Novocherkassk: Agentstvo SAGUNA. S. 101–126.

Дильтей В. (1996) Описательная психология [The descriptive psychology]. СПб.: Алетейя, 1996.

Dil'tej V. (1996) Opisatel'naya psihologiya. SPb.: Aletejya, 1996.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие [The Source criticism: Theory. History. Method. Sources of Russian history] / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева (1998). М.: РГГУ.

Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: ucheb. posobie [] / I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva (1998). M.: RGGU.

Источниковедение: Учебное пособие [The Source criticism] / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; отв. ред. М. Ф. Румянцева (2015). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Istochnikovedenie: uchebnoe posobie / I. N. Danilevskij, D. A. Dobrovolskij, R. B. Kazakov, S. I. Malovichko, M. F. Rumyantseva, O. I. Horuzhenko, E. N. Shejkovskaya; отв. red. M. F. Rumyantseva (2015). M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki.

Козлова Н.Н. (2005) Советские люди. Сцены из истории [The Soviet people. Scenes from history]. М.: Изд-во «Европа».

Kozlova N. N. (2005) Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii. M.: Izd-vo «Evropa».

Лаппо-Данилевский А.С. (2010). Методология истории [Methodology of history] М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). В 2 т.

Lappo-Danilevskij A.S. (2010) Metodologiya istorii. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN). V 2 t.

Лапшин И.И. (1910) Проблема «чужого Я» в новейшей философии [The Problem of the «Other's Self» in the Newest Philosophical Works] // За-

писки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. Ч. XCIX.

Lapshin I.I. (1910) Problema «chuzhogo YA» v novejshej filosofii // Zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta. SPb. Ch. XCIX.

Лапшин И.И. (1914) О перевоплощении в художественном творчестве [About transformation in art creativity] // Вопросы теории и психологии творчества: (непериодическое издание, выходящее под редакцией Б.А. Лезина). Харьков. Т. V. С. 161–262.

Lapshin I.I. (1914) O perevoploshchenii v hudozhestvennom tvorchestve // Voprosy teorii i psihologii tvorchestva: (neperiodicheskoe izdanie, vyhodyashchee pod redakciej B. A. Lezina). Har'kov. T. V. S. 161–262.

Лапшин И.И. (1999) Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии [Philosophy of invention and invention in philosophy: an introduction to the history of philosophy]. М.: Республика.

Lapshin I.I. (1999) Filozofiya izobreteniya i izobretenie v filozofii: vvedenie v istoriyu filozofii. M.: Respublika.

Маловичко С.И. (2013) История как строгая наука vs социально ориентированное историописание [History as a strict science vs socially oriented historiography]. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ.

Malovichko S.I. (2013) Istoriya kak strogaya nauka vs social'no orientirovanное istoriopisanie. Orekhovo-Zuevo: Izd-vo MGOGI.

Медушевская О.М. (2008) Теория и методология когнитивной истории [Theory and methodology of cognitive history]. М.: РГГУ.

Medushevskaya O.M. (2008) Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii. M.: RGGU.

Медушевская О.М. (2008) Эмпирическая реальность исторического мира [The empirical reality of the historical world] // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной научной конференции, Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г. М.: РГГУ. С. 24–34.

Medushevskaya O.M. (2008) Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny — istochnikovedenie — metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: materialy XX mezhduнародnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 31 yanvarya — 2 fevralya 2008 g. M.: RGGU. S. 24–34.

Риккерт Г. (1998) Философия истории [Philosophy of History] // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. С. 129–204.

Rikkert G. (1998) *Filosofiya istorii [Philosophy of History]* // Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. M.: Respublika. S. 129–204.

Румянцева М.Ф. (2012) *Русская версия неокантианства: к постановке проблемы [The Russian version of Neo-Kantianism: to the formulation of the problem]* // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 154. Кн. 1. С. 130–141.

Rumyantseva M.F. (2012) *Russkaya versiya neokantianstva: k postanovke problemy* // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Т. 154. Кн. 1. С. 130–141.

Румянцева М.Ф. (2007) *Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства [The principle of «recognition of the other» in the Russian version of neo-Kantianism]* // *Cogito: альманах истории идей / Редкол.: А. В. Корневский (отв. ред.) и др.; Общество интеллектуальной истории, Ростовское региональное отделение; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Логос. Вып. 2. С. 35–54.*

Rumyantseva M.F. (2007) *Koncept «priznanie chuzhoj odushevlenosti» v russkoj versii neokantianstva* // *Cogito: al'manah istorii idej / redkol.: A. V. Kornevskij (otv. red.) i dr.; Obshestvo intellektual'noj istorii, Rostovskoe regional'noe otdelenie; Yuzhnyj federal'nyj universitet. Rostov n/D: Logos. Вып. 2. С. 35–54.*

Фрейд З. (1991) *Недовольство культурой [Civilization and Its Discontents]* // *Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура*. М.: Ренессанс. С. 65–134.

Frejd Z. (1991) *Nedovol'stvo kul'turoj* // *Frejd Z. Psihoanaliz. Religiya. Kul'tura*. М.: Renessans. S. 65–134.

Фромм Э. (1995) *Бегство от свободы [The Fear of Freedom]*. М.: Изд. группа «Прогресс».

Fromm E.H. (1995) *Begstvo ot svobody*. М.: Izd. gruppy «Progress».

Хвостов В.М. (2006) *Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории: курс лекций [Theory of the historical process: essays on philosophy and methodology of history]*. М.: КомКнига.

Hvostov V.M. (2006) *Teoriya istoricheskogo processa: ocherki po filosofii i metodologii istorii: kurs lekcij*. М.: KomKniga.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И ПУТИ «НЕОЛИТИЗАЦИИ» В ФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД¹

Леванова Елена Сергеевна
Институт археологии РАН

Бернацкая Юлия Эдуардовна
Российский государственный гуманитарный университет

Хохрякова Сандра Альгимантасовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются различные модели ведения хозяйства в древних культурах северо-запада Южной Америки в формативный период (IV–I тыс. до н. э.). Опираясь на археологические данные со стоянок охотников-собирателей и ранних земледельцев, учитывая изменения ландшафтно-климатических условий, представлены особые сценарии перехода к оседлому образу жизни. В статье показано, что в формативный период на территории данного культурного региона можно выделить различные адаптационные стратегии, обусловившие разнообразие путей «неолитизации».

Ключевые слова: неолитизация, «неолитический пакет», domestикация, археология Южной Америки.

В работах, посвященных доиспанским культурам северо-запада Южной Америки, исследователи уделяют большое внимание проблемам появления сложных обществ, развитию ювелирного искусства, особенностям погребальной практики, т. е. темам, связанным с классическими культурами I–II тыс. н. э. Более ранние периоды в археологии региона исследованы значительно хуже не только в силу особенностей развития научных школ Колумбии и Эквадора [Острирова, 2011] и скудного финансирования, но также климатических условий, определяющих плохую сохранность памятников.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01294.

Формативный период в археологии северо-запада Южной Америки (Колумбии и Эквадора, т. е. части Промежуточной зоны — между Центральной Америкой и Мезоамерикой и Центральными Андами) условно датируется IV—I тыс. до н. э. [Табарев, 2006; Reichel-Dolmatoff, 1986; Marcos, 2003]. Наиболее разработанной является хронологическая шкала, основанная на материалах побережья Эквадора, в которой формативный период датирован 4400—1450 гг. до н. э. [Marcos, 2003; Raymond, 1998].

Формативный период в изучаемом регионе связан с такими процессами, как domestикация растений (хотя наиболее ранние данные об одомашнивании растений относятся еще к архаическому периоду, т. е. 10 000—9000 л. н.), переход к оседлому образу жизни, появление керамики, т. е. теми факторами, которые в археологии Старого Света рассматриваются как неотъемлемые части «неолитического пакета». В археологии Нового Света использование как термина «неолит», так и модели «неолитического пакета» или «неолитизации» является предметом дискуссии [Harris, Hillman, 2004; Price, Bar-Yosef, 2011]. В зависимости от региона Америки исследователи по-разному определяют важнейшие составляющие процесса перехода к оседлому образу жизни и оценивают динамику развития раннеземледельческих обществ [Леммен, 2013; Quilter, 2014; Moore, 2014]. В современных обобщающих работах по археологии Южной Америки термин «неолитизация» употребляется преимущественно в контексте перехода к земледелию и животноводству как базовым системам хозяйства, в то время как производство керамики рассматривается как отдельный аспект [Moore, 2014]. Данный переход понимается как длительный процесс, связанный с различными путями выбора стратегии приспособления к условиям окружающей среды и ведения хозяйства.

Проведенные в последние годы палеоботанические и палеоэкологические исследования во многом изменили понимание причин и динамики селекционирования и domestикации растений обществами охотников-собирателей. Самые древние одомашненные растения в Новом Свете появляются 10 000—9000 л. н. (тыква-горлянка, мускатная тыква, марант, лерен, маниок, маис, хлопок), однако их возделывание не становится базовой формой хозяйства и домашние культуры не вытесняют в диете древних индейцев продукты охоты и собирательства [Pearsall 2008; Piperno 2011]. Селекционирование, а затем domestикация происходили в обществах северо-запада Южной Америки и Центральные Анд, опирающихся на интенсивное присваивающее хозяйство (эксплуатация морских ресурсов и собирательство). В среднесрочной перспективе эти процессы не привели к быстрой седентаризации, и формирование оседлых раннеземледельческих сообществ заняло еще несколько тысячелетий.

Особые сценарии «неолитического перехода» в разных регионах Америки связаны прежде всего с различными ландшафтно-климатическими условиями, а также характером появления одомашненных растений.

Северо-запад Южной Америки — это район, включающий в себя зоны от побережья Карибского моря и Тихого океана до горных вершин Анд. И хотя вся эта область расположена в тропической зоне, различия в уровне осадков и расположении относительно уровня моря создают разнообразие климатических зон и вариативность мест обитания (мангровые леса, болота, саванна, зона парамо). Побережье Юго-Западного Эквадора — это зона обширных аллювиальных равнин, образованных речными системами рек Гуайяс и Эсмеральдас, которая отделена от Тихого океана невысокими горами и холмами. Здесь преобладает сухой тропический климат (в центральной и южной части), с постепенным увеличением влажности и количества осадков в средних и верхних участках прибрежных долин.

Самые ранние свидетельства заселения региона человеком были зафиксированы на полуострове Санта-Елена, самой западной точке материка. Это самая засушливая часть эквадорского побережья. Ландшафт, сформированный из приподнятых морских террас, в основном плоский, с неглубокими водоотводными каналами, ведущими к побережью. Земля неплодородна, флора представлена кактусами и другими пустыне-адаптированными растениями. Однако археологические находки карбонизированного древесного угля и этнографические источники колониального времени свидетельствуют о существовании более густой и разнообразной растительности в древности. По всей видимости, это была открытая саванна с разнообразным множеством тропических растений и животных. В Северо-Западной Колумбии преобладал жаркий тропический климат. Порядка 70 % ландшафта представляют собой холмы, затапливаемые в сезон дождей. Леса начинаются только в предгорьях Северных Анд. Линия побережья довольно разнообразна: глубоко-водные бухты перемежаются с большими лагунами, где соленые морские воды сильно разбавляются пресными речными притоками. На северном побережье Колумбии (Карибское море) расположены большие аллювиальные равнины, которые затапливаются водой в зависимости от сезона. Субэкваториальный климат определяет распространение в регионе влажных злаковых и пальмовых саванн, галерейных лесов вдоль рек и тростниковых болот.

В конце плейстоцена природные ландшафты, животный и растительный мир на территории Южной Америки отличались исключительным разнообразием. На территории севера-запада континента климат

финала плейстоцена был суше и прохладнее современного в среднем на 6–8 °С, эти изменения фиксируются специалистами уже к началу голоцена [Васильев и др., 2015]. Таким образом, по мнению палеоботаников, одомашнивание растений начинается именно в период перехода от плейстоцена к голоцену как ответ на природные вызовы [Piperno, 2011].

С учетом данных об экологических условиях и их трансформации можно выделить адаптационные стратегии древних обществ, определившие различные модели перехода к неолитическому образу жизни.

Под социокультурной адаптацией понимается результат процесса приспособления человеческого коллектива к условиям внешней среды в стремлении к более устойчивому существованию; отбор поведенческих вариаций, которые являются наиболее продуктивными для конкретной окружающей среды [Кузнецов, 2006]. Именно в осознанном и преднамеренном стремлении человека к устойчивости своего существования в изменяющихся или измененных условиях и заключается суть адаптационной стратегии.

В данной статье мы рассмотрим стратегию сезонной мобильности охотников-собирателей северо-запада континента архаического и формативного периодов. В археологии Южной Америки существуют примеры оседлых и полuosедлых обществ с разными пищевыми стратегиями, в том числе приморской адаптацией на тихоокеанском побережье, охотой и собирательством в условиях мангрового леса. Эти экосистемы особенно богаты представителями тропической флоры и фауны и позволяли древним индейцам вести мобильный образ жизни в условиях ограниченной территории, где создавались логистические лагеря — полuosедлые поселения.

Самые ранние и наиболее полные сведения об оседлости в Новом Свете связаны с культурами побережья Юго-Западного Эквадора. В Эквадоре первые поселенческие памятники локализуются на тихоокеанском побережье полуострова Санта-Элена и относятся к докерамической культуре лас-вегас (10 840–6600 л. н.) и раннекерамической и раннеземледельческой культуре вальдивия (5500–3500 л. н.) [Табарев, Каномата, 2015]. Открытие и изучение этих традиций связано с именами американских и эквадорских археологов Б. Меггерс, Д. Лотропа, Х. Маркоса.

Временные рамки стоянок культуры лас-вегас — 8500–4600 л. до н. э. [Marcos, 2003]. К этому периоду относятся логистические лагеря и базовое поселение. Сама стоянка лас-вегас занимала около 2000 кв. м. В культурном слое найдены останки морских животных, рыб, прибрежных моллюсков и ракообразных. Также найдены свидетельства охоты на млекопитающих, рептилий и земноводных [Raymond, 2008].

В ходе раскопок на памятнике OGSE-80 были найдены фрагменты 192 скелетов, что говорит о длительной оккупации и вероятном ритуальном использовании памятника. Данные анализа фитолитов говорят в пользу возделывания тыквы и лерена уже в начале голоцена. Маис и тыква-горлянка были одомашнены на памятниках лас-вегас к 6000 г. до н. э., однако не было найдено свидетельств того, что возделываемые культуры были основными продуктами питания. Возделывание маиса и тыквы на протяжении всего периода существования культуры лас-вегас сочеталось с собирательством.

Первопоселенцы использовали стратегию сезонной мобильности, суть которой состоит в том, что небольшие группы людей перемещаются от одной экозоны к другой для добычи специализированных ресурсов в определенное время года (морских ресурсов (рыба, птица, водоросли), ресурсов мангрового леса (моллюски), саванны (мелкие травоядные животные)).

Классическим памятником формативного периода является Сан-Хасинто 1 (Колумбия, департамент Боливар, 200–250 м над уровнем моря), где в конце 1980-х гг. проводили раскопки колумбийские археологи А. Ойюэла-Кайседо и Р. Бонзани [Oyuela-Caycedo, 1987; Oyuela-Caycedo, Bonzani, 2005]. В 1986 г. Ойюэла-Кайседо опубликовал предварительный анализ находок, который показал чередование слоев с культурными остатками и растительным углем и слоев, в которых отсутствуют какие-либо свидетельства культурной деятельности. Исходя из этого, была предложена гипотеза о временном, сезонном характере поселения в Сан-Хасинто 1 и о периодических возвращениях жителей на эту стоянку. Причиной этому могли быть периодические затопления поселения рекой. В 1986–1988 гг. археологические работы сосредоточились в основном на определении стратиграфии поселения. Радиоуглеродный анализ образцов керамики дал датировку 3750±430 г. до н. э.

В 1991–1992 гг. Ойюэла-Кайседо провел более детальное исследование поселения. Из 26 вскрытых слоев в 9 были зафиксированы следы человеческой деятельности. Слой 5 датируется более поздним заселением — между 2120±90 и 1750±80 л. н. Результаты радиоуглеродного анализа 13 образцов из остальных слоев показали даты между 5940±60 и 5190±40 л. н. [Oyuela-Caycedo, Bonzani, 2005]. В результате длительных и кропотливых исследований археологи пришли к выводу, что памятник Сан-Хасинто 1 представляет собой поселение специального назначения групп охотников-собирателей, которые ежегодно перемещались из базовых лагерей в так называемые логистические лагеря для собирания и обработки специализированных пищевых ресурсов в сухой период года. Древние обитатели Сан-Хасинто селились на отмели, которую по-

кидали с апреля по ноябрь, когда шли дожди и была высока вероятность наводнения.

Археологи обнаружили 174 кострища, из которых 112 были определены как земляные печи. Такие кострища были распространены преимущественно в архаический период во время перехода от охоты и собирательства к частичному выращиванию одомашненных растений. Найденные артефакты включали в себя керамику (одну из самых ранних на континенте), каменные орудия (145 метате, 102 манос, 93 ступки, 20 молотков), остатки фауны (в основном моллюски и черепахи, но также найдены кости игуан, кайманов, ягуаров, оленей, рыб), растительные остатки (карбонизированные семена, стебли, листья и другие части однодольных растений, относящихся к семейству злаковых).

Возникает вопрос, почему же древние обитатели сезонной саванны, мангровых лесов и прибрежных долин сменили уклад жизни с сезонных перемещений на более оседлый и когда это произошло. Одной из вероятных причин может быть изменение климата и окружающей среды (аридизация), однако данные палеоэкологии не подтверждают эту гипотезу. Стратегия мобильности и сезонной мобильности была характерна не только для многих раннеформативных обществ севера Южной Америки, но и для более поздних культур континента. Ойюэла-Кайседо в своих исследованиях поселенческих памятников и стоянок Северо-Западной Колумбии обратился к теории Льюиса Бинфорда. В статьях 1980-х гг. Бинфорд выдвинул гипотезу о том, что высокая мобильность свойственна богатой экваториальной среде и снижается в обществах, живущих в менее влажном и жарком климате [Binford, 1980]. Однако степень мобильности и ограниченности территории миграций зависит также от характера присваивающего хозяйства. Если в результате адаптации к экосистеме коллектив преимущественно занимается собирательством, то удобно организовать базовый лагерь и отправлять небольшие «экспедиционные» группы людей, которые собирают и обрабатывают определенные виды продовольствия, и потом хранить добытое на базовой стоянке. Хранение запасов в одном месте, по мнению Бинфорда, впоследствии перерастает в оседлый образ жизни. Также базовые лагеря могут быть ритуальными центрами или местом встреч нескольких логистических групп, где проводились пиры и совершались обряды. Первоначальное ритуальное значение ранних памятников тихоокеанского побережья Перу и Эквадора подтверждает данную гипотезу.

Таким образом, несмотря на наличие схожего набора «признаков неолитизации» (доместицированные растения, появление керамики, переход к оседлому образу жизни), доколумбовы культуры Южной Аме-

рики демонстрируют различные пути «неолитического перехода», связанные с выбором адаптационных стратегий.

Литература

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И. Слободин С.Б., Табаров А.В. (2015) Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования [The Settlement of A New Word: An Experience of Complex Studies]. СПб.

Vasil'ev S. A., Berezkin Ju. E., Kozincev A. G., Pejros I. I. Slobodin S. B., Tabarev A. V. (2015) Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniya [The Settlement of A New Word: An Experience of Complex Studies]. Saint Petersburg.

Кузнецов О.В. (2006) Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей [A Procedural Archeology and Ethnoarcheology of Hunters-gatherers] // Этнографическое обозрение. № 5. С. 134–149.

Kuznecov O. V. (2006) Processual'naja arheologija i jetnoarheologija ohotnikov i sobiratelej [A Procedural Archeology and Ethnoarcheology of Hunters-gatherers] // Jethnograficheskoe obozrenie. № 5. S. 134–149.

Леммен К. (2013) Различия в механизмах перехода к земледелию в лесной зоне Европы и Северной Америки [Differences of Mechanisms of Transition to Agriculture in Forestal Zone of Europe and North America] // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (55). С. 48–58.

Lemmen K. (2013) Razlichija v mehanizmah perehoda k zemledeliju v lesoj zone Evropy i Severnoj Ameriki [Differences of Mechanisms of Transition to Agriculture in Forestal Zone of Europe and North America] // Arheologija, jethnografija i antropologija Evrazii. № 3 (55). S. 48–58.

Острирова Е.С. (2011) Формирование национального самосознания в Колумбии через призму истории древних индейских культур [The Formation of National Self Identification in Colombia thru The Prism of History of Ancient Aboriginal Cultures] // Латинская Америка. № 6. С. 50–61.

Ostrirova E. S. (2011) Formirovanie nacional'nogo samosoznanija v Kolumbii cherez prizmu istorii drevnih indejskih kul'tur [The Formation of National Self Identification in Colombia thru The Prism of History of Ancient Aboriginal Cultures] // Latinskaja Amerika. № 6. S. 50–61.

Табарев А.В. (2006) Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: Учебное пособие [An Introduction to Archeology of South America. Andes and Pacific Coast. The Coursebook]. Новосибирск.

Tabarev A. V. (2006) Vvedenie v arheologiju Juzhnoj Ameriki. Andy i tihoookeanskoe poberezh'e. Uchebnoe posobie [An Introduction to Archeology of South America. Andes and Pacific Coast. The Coursebook]. Novosibirsk.

Табарев А.В., Каномата Ё. (2015) «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора) [«The Tropical Plan»: Features of Lithic Industries of the Most Ancient Cultures of Pacific Zone (An Example of Ecuadorian Coast)] // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). С. 64–76.

Tabarev A.V., Kanomata J. (2015) «Tropicheskiy paket»: osobennosti kamennyh industrij drevnejshih kul'tur tihookeanskogo bassejna (na primere poberezh'ja Ekvadora) [«The Tropical Plan»: Features of Lithic Industries of the Most Ancient Cultures of Pacific Zone (An Example of Ecuadorian Coast)] // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. № 3 (43). S. 64–76.

Binford L.R. (1980) Willow Smoke and Dog's Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation // American Antiquity. № 45 (1). P. 4–20.

Harris D.R., Hillman G.C. (2014) Foraging and farming: the evolution of plant exploitation. Routledge.

Marcos J.G. (2003) A Reassessment of the Ecuadorian Formative // Archaeology of Formative Ecuador. Dumbarton Oaks, Washington. P. 7–32.

Moore J.D. (2014) A Prehistory of South America. Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent. University Press of Colorado.

Neves E.G. (2008) Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain // The Handbook of South American Archaeology. N.Y. P. 362–368.

Oyuela-Caycedo A. (1987) Dos sitios arqueológicos con desgrasante de fibra vegetal en la serranía de San Jacinto (departamento de Bolívar) // Boletín de Arqueología. № 2 (1). P. 5–26.

Oyuela-Caycedo A., Bonzani R.M. (2005) San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia. Tuscaloosa.

Pearsall D.M. (2008) Plant Domestication and the Shift to Agriculture in the Andes // The Handbook of South American Archaeology. N.Y. P. 105–143.

Piperno D.R. (2011) The Origins of Plant Cultivation and Domestication in the New World Tropics: Patterns, Process, and New Development // Current Anthropology. № 52 (4). P. 453–470.

Piperno D. R., Pearsall D.M. (1998) The Origins of Agriculture in the Lowland Tropics. San Diego.

Price T., Bar-Yosef O. (2011) The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas: An Introduction to Supplement 4 // Current Anthropology. Vol. 52. № 52 (4). P. 163–174.

Quilter J. (2014) The Ancient Central Andes. N.Y.: Routledge.

Raymond J.S. (1998) Beginnings of sedentism in the lowlands of Northwestern South America // Recent Advances in the Archaeology of the Northern Andes. Vol. 39. P. 10–19.

Raymond J.S. (2008) The Process of Sedentism in Northwestern South America // The Handbook of South American Archaeology. N.Y. P. 79–92.

Reichel-Dolmatoff G. (1986) Arqueología de Colombia. Un texto introductorio. Bogotá.

ПОНЯТИЕ «ГАБИТУС» И СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVII в.

Сукина Людмила Борисовна

Институт программных систем «УГП имени А. К. Айламазяна»,
г. Переславль-Залесский,
Сергиево-Посадский филиал Московского педагогического
государственного университета,
г. Сергиев Посад

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, как понятие «габитус» (лат. — внешность), используемое в качестве одного из важнейших инструментов исследования в социологических теориях второй половины XX — начала XXI в., может быть применено исторической наукой в целях изучения и дескрипции типологии русского общества XVII в. Это понятие, когда его используют в контексте социальной, инкорпорированной истории, многозначно и может означать, как привычную манеру действовать, так и исторически обусловленную, но постоянно изменяющуюся социальную позицию, набор социальных практик, свойственных определенному агенту или группе агентов. Оно позволяет понять как человек (социальный агент) не только наследует общество, но и изобретает его. Работа этого конструкта в исследовательской практике исторической антропологии продемонстрирована на примере дескрипции «габитуса» вологодского гостя Г. М. Фетиева. Показано, что «хабитуализация» историко-антропологических исследований русского общества XVII в. способна выявить всю сложность и пестроту его социальной организации и приблизить к пониманию сути «словных» структур, границ, противоречий и взаимодействий той эпохи.

Ключевые слова: социология, социальная история, историческая антропология, типология общества, дескрипция, «габитус».

Социальная типология обществ прошлого всегда вызывает у историков определенные затруднения. Само использование понятия «общество» в качестве обозначения исторически сложившейся системы социальных отношений и связей, существовавшей в определенную эпоху на

территории определенной страны, нередко подвергается критике в профессиональной среде историков, если речь идет об описании и анализе социумов, функционировавших ранее конца XVIII столетия, т. е. до того, как в Европе и Северной Америке начало формироваться так называемое «гражданское общество». Однако современная социальная философия открывает историкам возможность пользоваться им (по крайней мере, до того, как будет предложено иное, вероятно, более адекватное понятие). Под «обществом», в широком смысле, она понимает «совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга» [Давыдов, 2010]. Такое толкование восходит к философии Платона и Аристотеля.

Общества прошлого как исторически обусловленные системы взаимосвязей и взаимодействий между людьми и социальными группами так или иначе обладали присущей только им структурой, которую далеко не всегда удается выявить со всей определенностью. Сложение всего, пожалуй, выстроить типологию общества, находившегося в ситуации перехода от одной формы исторического бытия к другой. Это в полной мере относится к русскому социуму XVII в., между Смутой и началом Петровских реформ.

Классовый подход не описывает его исторической специфики не только в силу своей обусловленности марксистской идеологией, но и потому, что в этот период складываются новые социальные группы, а традиционные средневековые переживают внутреннее дробление, что явно выходит за рамки устройства так называемого «феодалного» общества на основе отношения к владению земельной собственностью.

Отечественные историки все чаще обращают внимание на существующий в историографии парадокс понятий. Феномен политической организации власти в допетровской России традиционно обозначается как «сословно-представительная монархия», в то время как сословия еще не сформировались [см., напр.: Бойцов, 2013: 29–32]. Проблемными остаются не только вопрос социального анализа общества того времени, его стратификации, но и задача описания социальных особенностей и различий составляющих его групп и индивидов.

Л. А. Черная с позиций разрабатываемого ею «философско-антропологического подхода» выделяет социальные группы, соответствующие ее представлению о формирующемся в России XVII в. феномене «*homo novus*»: служилый человек, купец, зодчий, стихотворец, художник, ученый [Черная, 1999]. Но внутри этих групп мы можем выделить подгруппы, социальные различия между которыми были значительны, приближаясь к социальной пропасти (например, к купцам относились и гости,

и мелкие торговцы с посада). Да и процессы и плоды «модернизации» различными агентами внутри этих групп оценивались по-разному. Кроме того, за пределами данной стратификации остаются такие важные и многочисленные группы (или слои), как знать, духовенство, крестьянство, посадские люди, казаки и пр., которые никуда не делись и также переживали социальные и культурные трансформации «переходной эпохи». Одни из их представителей также становились «*homo novus*ами», принимая все, что предлагала им динамично меняющаяся социокультурная действительность, другие придерживались старых традиций, разными способами сопротивляясь нововведениям.

В современной познавательной ситуации, на наш взгляд, возможность наиболее адекватного описания социальной структуры общества прошлого предоставляет достаточно давно предложенное и апробированное западной социологией и историографией типологическое понятие «габитус» (от лат. *habitus* — внешность). Это понятие, когда его используют в контексте социальной, инкорпорированной истории, многозначно и может означать, как привычную манеру действовать, так и исторически обусловленную, но постоянно изменяющуюся социальную позицию, набор социальных практик, свойственных определенному агенту или группе агентов. Оно позволяет понять как человек (социальный агент) не только наследует общество, но и изобретает его.

В социально-исторической антропологии «габитус» — это конструкт, напоминающий «идеальный тип» М. Вебера. Но в отличие от веберовской «типизации» социальных агентов и групп, реконструкция «габитуса» предполагает не только отбор характерных черт моделей «человеческих типов» социума определенной страны и эпохи, но и поиск ответов на вопрос, каковы были внешние и внутренние механизмы появления и развития этих типов, установление их взаимосвязей, создающих единство исторически обусловленной социальной системы.

Мы не будем подробно останавливаться ни на толковании понятия «габитус», ни на истории его трансформации в философии и социальном знании, т. к. эти проблемы весьма основательно освещены социологами [см.: Шматко, 1998; Иванова, 2011]. Из всех известных социологических теорий, использующих понятие «габитус» как один из важнейших инструментов познания, выделим лишь наиболее соответствующие задачам нашего исследования.

Детальное обоснование функций понятия «габитус» в социальном исследовании принадлежит П. Бурдьё [Бурдьё, 1994]. Он же продемонстрировал механизм применения «габитуса» в социологии политики [Бурдьё, 1993]. «Габитус» в значении психического источника модели социального поведения «цивилизованного» человека использовался

Н. Элиасом (Н. Элиас использует содержательно близкое «габитусу» понятие «*Figuration*», переводимое на русский язык как «фигурация») [Элиас, 2001]. Это понятие применено им и в исследовании социума французского королевского двора XVII—XVIII вв. [Элиас, 2002]. В целях моделирования социальных типов российского общества XIX—XX вв. «габитус» используется в социально-исторической антропологии Н. Н. Козловой [Козлова, 1998]. В настоящей работе мы попробуем показать полезность «габитуса» для понимания организации социальной системы русского общества XVII в.

Еще не сложившееся общество трудно, если вообще возможно, подвергнуть социальному анализу, но составляющие его группы поддаются социальной дескрипции. В отсутствии сформировавшихся сословных признаков специфику социальной группы адекватно описывает ее «габитус». Н. Н. Козлова считает, что «габитус» «содействует примирению противоречия между методологическим *индивидуализмом* и методологическим *коллективизмом*, между *детерминизмом* и *волюнтаризмом*», что «делает его крайне полезным для социально-исторической антропологии» [Козлова, 1998: 39]. Как отмечал П. Бурдьё, «одна из функций понятия “габитус” состоит в указании на единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов... Габитус — это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, то есть в единый ансамбль выбора людей, благ и практик. Как и позиции, продуктом которых они являются, габитусы дифференцированы, но они также и дифференцируют. Отличающие и дистанцированные, они сами есть операторы различий: они приводят в действие различные принципы дифференциации или используют различным образом общие ее принципы» [цит. по: Шматко, 1998: 59]. У П. Бурдьё «габитусы» включают внешние привычки и модели поведения, манеры, вкусы, взгляды, политические мнения и манеру их излагать, нравственные и эстетические ценности. При этом он подчеркивал, что «...одно и то же поведение или одно и то же благо может казаться утонченным для одних, претенциозным или “вычурным” для других и вульгарным для третьих» [цит. по: Шматко, 1998: 59]. Символические различия «габитусов» образуют своего рода социальный язык, который детерминирует единство и противоречия социальных групп в обществе.

Следует подчеркнуть, что в контексте российской истории XVII в. является самой удаленной эпохой, «габитусы» агентов социальных групп которой поддаются реконструкции. Это позволяет сделать наличие и состояние письменных, вещественных и визуальных источников.

К основным детерминантам «габитусов» относят: *символический капитал* (в его экономических, политических и социальных составляющих); *позицию в отношении производства общественно значимых благ как материальных, так и нематериальных* (профессию, должность, род занятий); *тип социальных связей группы, в которую включен индивид*; *историю конкретной социальной группы*; *индивидуальную историю* (биографию) человека, чей «габитус» подлежит дескрипции.

В русском социуме XVII в., как и в современном ему европейском обществе, одна из важнейших составляющих «габитуса» — объем властных полномочий или их полное отсутствие, привилегированное, господствующее или подчиненное положение определялись близостью социальной группы и ее агентов к царю (королю). Именно они, как показал Н. Элиас, формировали определенный тип рациональности, присутствующий в социальной структуре общества только данной группе [Элиас, 2002]. С этой точки зрения богатый возок, запряженный восьмеркой лошадей, крытая парчой соболья шуба, бобровая шапка, драгоценные украшения боярина — не безумная тяга к роскоши и дикое чванство родовитого, но непросвещенного человека допетровской Руси, а проявление особой рациональности, в основе которой лежало стремление презентовать себя как достойного представителя своей группы (обладающей наиболее значительным властным капиталом и находящейся рядом с тронем), и обратить на себя внимание государя. Наоборот, рациональность купца, подчас обладавшего не меньшими материальными возможностями, но положение которого было более подчиненным и уязвимым, требовала показной скромности и смирения.

Согласно теории «габитуса», групповая рациональность формировалась не столько извне, под давлением регламентирующей силы власти, сколько изнутри — согласованием практик агентов, относящихся к одной группе. На наш взгляд, в России XVII в. эта особенность генезиса групповой рациональности отчетливо проявилась в храмовладельческой практике высших слоев общества. До 1620-х гг. прерогативой постройки ктиторовских храмов пользовалась родовитая знать (феномен Строгановых можно не учитывать как не имевший серьезных социальных последствий), но события окончания Смуты и последующие политико-экономические трансформации повлияли на «габитус» богатейшего купечества, а потом и зажиточной части посадских, быстро и успешно освоивших эту практику публичного проявления благочестия и занявших в ней социальную нишу, ранее принадлежавшую другой группе [Сукина, 2005]. При этом, насколько нам известно, ни государственная, ни церковная власть не принимала никаких официальных решений, которые могли бы привести к такой смене лидеров. Вероятно, так проявились результа-

ты конкуренции элит, условия для которой сложились к концу Смутного времени.

Габитусы агентов конкретных социальных групп были обусловлены и территориально-административным делением, и особенностями организации политической и экономической системы страны. Так, например, «габитус» гостя или представителя гостинной сотни предполагал жизнь в крупном торговом городе, имевшем в том числе международные торговые контакты. «Габитус» воеводы — значительную способность к мобильности, перемещение по территории страны на протяжении значительной части жизни (от пограничной Крапивны и сибирских форпостов в Якутске и Енисейске до относительно спокойных замосковских городов) и участие в длительных военных походах, а «габитус» посадского человека и крестьянина — длительное время быть связанным с определенным местом поселения.

Одним из важнейших показателей общественных структур, с точки зрения Н. Элиаса, является структура жилища [Элиас, 2002: 56]. По его утверждению, «окидывая мысленным взором домашнее пространство знатных господ и дам эпохи старого порядка, мы в структуре его увидим и структуру той сети отношений, в которую они включены» [Элиас, 2002: 67]. Организация жилого пространства представителей различных групп русского общества XVII в. также известна в той мере, которая позволяет оценить ее социальные аспекты. Например, агенты из родовой знати, как правило, располагали собственными дворами в Москве, одном или нескольких из городов, одной или нескольких вотчинах. Эти дворы включали в себя дом владельца, жилища слуг, хозяйственные постройки. Такая структура жилого пространства и его территориальной дислокации способствовала установлению сложных горизонтальных и вертикальных связей, как с представителями собственной социальной группы, так и с другими социальными группами (холопов, крепостных крестьян, служилых людей, столичных купцов и городских торговцев, ремесленников, зодчих и иконописцев и т. п.). Эти связи во всем их многообразии также характеризуют «габитус» русского «аристократа» XVII в.

Доступ к материальным благам также можно рассматривать как детерминацию «габитуса» русского человека XVII в. В этом отношении различия между социальными группами очевидны. Некоторые из них в эту эпоху просто не могли себе позволить модернизацию быта, заботу об индивидуальном развитии, участие в социальной конкуренции. Так, «габитус» крестьянина, деятельность которого, в основном, была подчинена задачам выживания, вряд ли предполагал активное участие в модернизационных процессах переходного времени.

Анализ составляющих символического капитала убеждает нас и в том, что агенты социальных групп, которые объединял один и тот же или близкий род занятий, в России XVII в. могли обладать разными «габитусами». Так, например, гости и представители гостиной и суконной сотен не образовывали единой социальной корпорации с мелкими торговцами, и представление о некоем общем типе «русского купца допетровского времени» не соответствует исторической реальности.

Некоторые социальные группы переживали в XVII в. буквально свое рождение. Например, в это время изобразительное искусство перестает быть преимущественно прерогативой людей духовного звания (монахов и священнослужителей) и окончательно становится довольно выгодным ремеслом. В ряды художников инкорпорируются служилые люди, посадские, небогатые купцы, крестьяне, иноземцы. Внутри корпорации возникает конкуренция, материальная и властная дифференциация (художники Оружейной палаты получают привилегию оценивать квалификацию своих собратьев по искусству, работающих вне придворных мастерских). «Габитус» художника в России XVII в. детерминируется и этим обстоятельством.

Изучение биографий людей «первого» и «второго» плана, живших в эту эпоху, может показать, как отдельные индивиды соответствовали своему «габитусу» или выходили за его рамки. Так, биографии знаменитых иконописцев Симона Ушакова или Кирилла Уланова, в значительной мере могут служить образцами «габитусов» придворного и «провинциального» художников, а биография князя И. П. Бярятинского «типична» для представителя родовитой знати [Сукина, 2015]. В то же время жизнеописание боярыни Ф. П. Морозовой — пример постепенного дрейфа конкретной индивидуальности от «габитуса» придворной аристократки к «габитусу» религиозной подвижницы самого радикального, жертвенного типа.

Чтобы показать, как теория «габитуса» работает на практике, рассмотрим сквозь ее призму вологодского гостя Гаврилу Мартыновича Фетиева (?–1683) в качестве социального агента группы богатейшего русского купечества XVII в. — гостей. Мы остановили свой выбор на этом историческом персонаже, поскольку его биография реконструирована и неплохо известна исследователям, в силу чего наши рассуждения легко поддаются верификации.

Г. М. Фетиев принадлежал к привилегированной корпорации русского купечества XVII в., но его социальный статус, как и у многих ее представителей, был не наследственным, а приобретенным. Отец Фетиева упоминается в источниках сначала как бобыль, довольно долго бродивший неизвестно где, а потом как посадский человек г. Вологды.

Гаврила Фетиев смог шагнуть вверх по социальной лестнице и сменить свой «габитус» благодаря личной энергии и ловкости. Торговля и ростовщичество принесли ему богатство, а около 1675 г. единственным из верхушки коренного вологодского купечества он получил звание гостя, дававшее полномочия «слуги государева» и право на собственную печать. «Государева служба» Фетиева заключалась в ведении сбором конских пошлинных денег на торжках и ярмарках в Вологде и Вологодском уезде, а также таможенным сбором в Архангельске [Заозерская, 1928: 198].

Гости в России XVII в. обладали значительным экономическим и политическим влиянием. Звание гостя было тем символическим капиталом, который расширял властные полномочия его носителя и приближал его ко двору государя. Сеть связей Г. М. Фетиева включала бояр Артамона Сергеевича Матвеева, Василия Васильевича Голицына, Ивана Михайловича Милославского, Ивана Тимофеевича Кондырева, царского кравчего, князя Бориса Алексеевича Голицына, окольничего Алексея Ивановича Ржевского, стольника Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова (Меньшого), думного дворянина Иева Демидовича Голохвастова. Но положение купца подразумевало довольно сложную разнообразную систему социальных отношений как вертикального, так и горизонтального характера. Среди лиц, близких Фетиеву, были упоминавшиеся в его «духовной» торговцы: армянин Егуп Григорьев, англичанин Томас Келдерман, каргополец Иван Лобанов, нижегородец Иван Путников, ярославец Алексей Денисовский и другие [Заозерская, 1928]. Дочь Г. М. Фетиева была замужем за дьяком Судного Дворцового приказа Львом Протопоповым [Заозерская, 1928: 211–212; Лисейцев и др., 2015: 189].

Социальному статусу гостя соответствовали и места проживания Фетиева. Основное место его жительства — большой торговый город Вологда. По мнению Л. А. Тимошиной, владения Г. М. Фетиев в Вологде образовывали особую слободку, находившуюся на границе Верхнего и Нижнего посадов около церкви Владимирской Богоматери и прилегающих к ней Ехаловой и Обуховой улиц [Тимошина, 1994: 131]. Здесь ему принадлежало 9 дворов. В двух из них со знаменитым яблоневым садом, «в Коровине улице», возле церкви жила семья самого купца [Заозерская, 1928: 202]. Приезжая в Москву, Г. М. Фетиев нанимал для своего проживания палаты на дворах знати, например, на дворе князя Мышецкого [Заозерская, 1928: 204]. Зимой 1683/1684 г. возвращавшемуся из Архангельска в Вологду тяжело больному гостю Фетиеву свои покои предоставил холмогорский архиепископ. В его доме Фетиев и умер [Заозерская, 1928: 198].

Дворы Фетиева в Вологде («передний» и «задний») были вполне обычны для того времени и состояли из деревянных жилых и хозяйственных построек, обнесенных забором. Обстановка хозяйских горниц показывала знакомство Г. М. Фетиева с бытом столичной знати и иноземных купцов. Наряду с традиционными для русского севера лавками и сундуками его семья пользовалась немецкой мебелью (стульями, расписными дубовыми столешницами, зеркалами, шкапулками и укладками и др.). На столах стояла в изобилии венецианская стеклянная и немецкая оловянная посуда, а в сарае ждали ездоков комфортабельные немецкие экипажи. Использовались в обиходе и другие иностранные предметы — ножи и вилки, перочницы, щипцы, ножницы, подсвечники и т. п. В обиход семьи вологодского гостя входили также иноземные ткани и одежда, привозные драгоценные украшения [Заозерская, 1928].

Среди личных вещей Фетиева, опись которых сохранилась в «духовной», традиционные русские меховые шапки и бархатные ферязи и кафтаны «на черных песках» соседствуют с замшевыми и шелковыми чулками и перчатками. В целом такой набор одежды соответствовал вкусам и привычкам русской знати и богатейшего купечества конца XVII в. Единственное, что выделяло гардероб Г. М. Фетиева — обилие одежды черного цвета, похожей на ту, что носили немецкие и английские купцы, в то время как высшие слои населения России этой эпохи предпочитали яркие цвета. Е. И. Заозерская отмечала, что в других описях имущества зажиточных торговых людей Поволжья ей не встретилось ни одной черной вещи [Заозерская, 1928: 201]. Впрочем, хранящийся в собрании Вологодского областного музея-заповедника портрет Г. М. Фетиева работы неизвестного художника конца XVII в. показывает, что изображенный на нем человек все же придерживался «дресс-кода», предписанного его социальному кругу. Поверх черного нижнего платья на Фетиеве надет кафтан охристо-оранжевого цвета, украшенный спереди золотым галуном и пуговицами.

С этого портрета на нас смотрит худощавый человек с темными глазами и смуглым лицом, обрамленным слегка вьющимися аккуратно постриженными и расчесанными черными волосами и бородой. Портрет воспроизводит тип внешности, соответствующий статусу персоны, принадлежавшей к высшему слою населения России второй половины XVII в. Этот же тип мы встречаем, например, на сохранившихся портретах боярина Артамона Сергеевича Матвеева.

Выше мы уже отмечали, что «габитус» богатейшего русского купечества XVII в. включал в себя подчеркнутое благочестие и благотворительность в пользу церкви. Значительная часть завещания Г. М. Фетиева была отведена подробной росписи вкладов в вологодские церкви и мо-

настыри, которые надлежало сделать после его смерти. Своему приходу он оставил крупную сумму на строительство нового каменного здания церкви Владимирской Богоматери «о двух шатрах» с колокольной [Заозерская, 1928: 210].

В биографии Фетиева просматривается еще одна черта, характеризующая «габитус» богатейшего русского купечества и отличающая его от других верхушечных страт населения России второй половины XVII в. Г. М. Фетиев, собиравший под влиянием дружбы с просвещенными боярами и иноземцами книги, вероятно, сам был неграмотен. По крайней мере, он это утверждал во время следствия по делу о «чернокнижии» А. С. Матвеева [Заозерская, 1928: 208–209]. Исследования Л. А. Тимошиной показывают, что гости, например, охотно покупали книги Московского Печатного двора, проявляя при этом немалую щедрость. Но книги эти предназначались, в первую очередь, для вкладов в их ктиторские церкви и для перепродажи [см., напр.: Тимошина, 2004]. Поэтому мы не можем судить по данным о количестве и репертуаре приобретенных книг о распространении образованности среди высшего купечества. Делами по ведению торговой документации занимались доверенные приказчики, для которых грамотность была обязательной.

Итак, «габитус» Г. М. Фетиева как представителя социальной группы гостей второй половины XVII в. включал большие экономические и административные возможности, владение значительной недвижимостью в крупном торговом городе, высокую территориальную мобильность, наличие многочисленных деловых и дружеских связей с представителями других высших страт и групп, организацию постоянного и временно-го проживания в престижных условиях, обладание соответствующими социальному статусу бытовыми удобствами и вещами русского и иноземного происхождения, внешний облик, отвечающий представлениям о приличии и «моде» эпохи, включающий некоторые элементы западно-европейского костюма, активное участие в религиозной жизни, благочестие и благотворительность в пользу церкви, приобретение книг для различных целей, поддержание посредством заказов церковного строительства, иконописания, книгоиздательства. В своих основных чертах «габитус» гостя совпадал с «габитусами» других социальных групп высшего слоя населения России этого времени, что облегчало возникновение и функционирование между ними горизонтальных связей. Но он имел и свои специфические особенности. «Габитус» гостя подразумевал занятия торговлей, в том числе крупными оптовыми операциями, откупам, коммерческими отношениями с иноземными государствами и их торговыми агентами, надзор над сбором рыночных и таможенных пошлин. Обладая серьезными властными полномочиями на местах, гости не

имели прямого выхода на государя и вынуждены были прибегать к посредничеству представителей других групп, располагавших этими возможностями. Зато у гостей были более тесные взаимоотношения с низшими социальными группами, что делало их своего рода «экспертами» в сфере реальной экономики и социальной жизни общества. В среде русского города середины — второй половины XVII столетия влияние гостей и их деятельности являлось наиболее заметным фактором экономического и культурного развития.

Таким образом, «хабитуализация» историко-антропологических исследований русского общества XVII в., на наш взгляд, способна не только показать всю сложность и пестроту его социальной организации, но приблизить к пониманию сути «сословных» структур, границ, противоречий и взаимодействий той эпохи. При этом первоочередной задачей является дескриптивная реконструкция «габитусов» агентов тех групп, которые в это время занимали ключевые позиции в социальной сети.

Литература

Бойцов М.А. (2013) «Сословно-представительная монархия»: ошибка в переводе? [«Class representative monarchy»: error in translation?]. По материалам конференции «Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII вв.» (Россия, Москва 7–10 октября 2013 г.). М. С. 29–32.

Bojtsov M.A. (2013) «Soslovno-predstavitel'naja monarhija»: oshibka v perevede? [«Class representative monarchy»: error in translation?]. Po materialam konferencii «Soslovnoe predstavitel'stvo v Rossii v kontekste evropejskoj istorii. Vtoraja polovina XVI — seredina XVII vv.» (Rossija, Moskva 7–10 oktjabrja 2013 g.), M. S. 29–32.

Бурдые П. (1993) Социология политики [Sociology of the policy]. М.: Социо-Логос.

Bourdieu P. (1993) Sociologija politiki [Sociology of the policy]. Moscow: Socio-Logos.

Бурдые П. (1994) Начала [Elements]. М.: Социо-Логос.

Bourdieu P. (1994) Nachala [Elements] Moscow: Socio-Logos.

Давыдов Ю.Н. (2010) Общество. Новая философская энциклопедия. [Society. New philosophical encyclopedia]. (Эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.iphras.ru/elib/2149.html> (12.08.2016).

Davydov Y.N. (2010) Obshhestvo. *Novaja filosofskaja enciklopedija* [Society. New philosophical encyclopedia]. (electronic version). Available at: <http://www.iphras.ru/elib/2149.html> (12.08.2016).

Заозерская Е.И. (1928) Вологодский гость Г.М. Фетьев (Из быта торговых людей XVII в.) [Guest from Vologda G.M. Fetiev (from the way of

life of commercial people of the 17th cent.)). Записки Государственного Русского музея. Л.: Государственный русский музей. Т. 1. С. 195–212.

Zaozerskaya E.I. (1928) Vologodskij gost' G.M. Fetiev (Iz byta torgovykh ljudej XVII v.). [Guest from Vologda G.M. Fetiev (from the way of life of commercial people of the 17th cent.)]. Zapiski Gosudarstvennogo Russkogo muzeja Leningrad: Gosudarstvennyi Russkij muzey. Vol. 1. S. 195–212.

Иванова Н.А. (2011) Понятие «габитус» и «габитуализация» в контексте социологических теорий [Concept «habitus» and «habitualisation» in the context of sociological theories]. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1(13). С. 115–129.

Ivanova N.A. (2011) Ponjatie «gabbitus» i «habitualizacija» v kontekste sociologicheskikh teorij [Concept «habitus» and «habitualisation» in the context of sociological theories]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija, no. 1(13). S. 115–129.

Козлова Н.Н. (1998) Социально-историческая антропология [Social-historical anthropology]. М.: Ключ-С.

Kozlova N.N. (1998) Social'no-istoricheskaja antropologija [Social-historical anthropology]. Moscow: Klyuch-S.

Сукина Л.Б. (2005) «Предписанное» благочестие и храмоздательство в Русском государстве XVI — первой трети XVII в. (Памятники архитектуры как источники исследования религиозной практики позднего русского Средневековья) [«Specified» piety and church building in the Russian state of the 16th — first third 17th cent. (Monuments of architecture as the sources of a study of the religious practice of Russian late middle ages)]. По материалам конференции «Человек верующий в культуре Древней Руси» (Россия, Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2005 г.). СПб.: Лема. С. 137–147.

Sukina L.B. (2005) «Predpisannoe» blagochestie i hramozdatel'stvo v Russkom gosudarstve XVI — pervoj treti XVII v. (Pamjatniki arhitektury kak istochniki issledovanija religioznoj praktiki pozdnego russkogo Srednevekov'ja) [«Specified» piety and church building in the Russian state of the 16th — first third 17th cent. (Monuments of architecture as the sources of a study of the religious practice of Russian late middle ages)]. Po materialam konferencii «Chelovek verujushhij v kul'ture Drevnej Rusi» (Rossija, Sankt-Peterburg, 5–6 dekabrja 2005 g.). Saint Petersburg: Lema. S. 137–147.

Сукина Л.Б. (2015) Иван Петрович Барятинский (1615–1701): воевода, дипломат, монах [Ivan Petrovich Baryatinskiy (1615–1701): vovode, diplomat, monk]. Cogito. Альманах истории идей. Т. 6. Foundation. С. 280–293.

Sukina L.B. (2015) Ivan Petrovich Barjatinskij (1615–1701): voevoda, diplomat, monah [Ivan Petrovich Baryatinskiy (1615–1701): voevode, diplomat, monk]. Cogito. Almanah istorii idey. Vol. 6. Foundation. S. 280–293.

Тимошина Л.А. (1994) Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. [Settling in Russian cities of the 17th cent. guests, members of guest and cloth hundreds]. Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.: Археографический центр. С. 117–151.

Timoshina L.A. (1994) Rasselenie gostej, chlenov gostinoj i sukonnoj so-ten v russkih gorodah XVII v. [Settling in Russian cities of the 17th cent. guests, members of guest and cloth hundreds]. Torgovlja i predprinimatel'stvo v feodal'noj Rossii. Moscow: Arheograficheskiy tsentr. S. 117–151.

Тимошина Л.А. (2004) Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России [Propagation of books of Moscow printed court in the middle of the 17th cent. among the highest merchants of Russia]. Патриарх Никон и его время. М.: Государственный исторический музей. С. 189–204.

Timoshina L.A. (2004) Rasprostranenie knig Moskovskogo Pечатnogo dvora v seredine XVII v. sredi vysshego kupechestva Rossii [Propagation of books of Moscow printed court in the middle of the 17th cent. among the highest merchants of Russia]. Patriarh Nikon i ego vremja. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskiy musey. S. 189–204.

Черная Л.А. (1999) Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени [Russian culture of transition period from middle ages to the new time]. М.: Языки русской культуры.

Chernaya L.A. (1999) Russkaja kul'tura perehodnogo perioda ot Srednevekov'ja k Novomu vremeni [Russian culture of transition period from middle ages to the new time]. Moscow: Yazyki russkoj kultury.

Шматко Н.А. (1998) «Габитус» в структуре социологической теории [«Habitus» in the structure of the sociological theory]. Журнал социологии и социальной антропологии. Вып. 1. № 2. С. 59–69.

Shmatko N.A. (1998) «Gabbitus» v strukture sociologicheskoy teorii [«Habitus» in the structure of the sociological theory]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. Vol. 1. № 2. S. 59–69.

Элиас Н. (2001) О процессе цивилизации [On the process of the civilization] М.; СПб.: Университетская книга.

Elias N. (2001) O processe civilizacii [On the process of the civilization] Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.

Элиас Н. (2002) Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии [Court society: Studies on sociology of king and court aristocracy]. М.: Языки славянской культуры.

Elias N. (2002) Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii ko-rolja i pridvornoj aristokratii [Court society: Studies on sociology of king and court aristocracy]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Бородкин Леонид Иосифович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В статье компьютерные модели используются в качестве инструмента проверки гипотез о характере социальных перемещений крестьянства в дореформенной России. Социальная стратификация крестьянства представлена слоями (группами), различающимися обеспеченностью лошадьми или землей — в зависимости от возможностей используемых источников (в данном случае это материалы подворных описей). Переходы между этими группами моделируются с помощью аппарата марковских цепей. Результаты применения марковских моделей в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. не только подтверждают итоги проведенных ранее (в 1960–1970-х гг.) исследований, но и дают возможности проверки гипотез о характере этого сложного социального процесса, дают новые количественные оценки его параметров.

Ключевые слова: моделирование, марковские цепи, социальная стратификация, социальная мобильность, крестьянство, дореформенная Россия.

В российской историографии опыт построения историками имитационных моделей (как в задачах реконструкции исторических процессов, так и в задачах анализа альтернатив) пока невелик. В данной статье мы используем компьютерные модели такого рода в качестве инструмента проверки гипотез о характере социальных перемещений крестьянства в дореформенной России.

Анализ социальной мобильности, характеризующейся изменением человеком (группой) своего статуса и места, занимаемого в социальной структуре общества, — одно из основных направлений исследований в современной социальной истории. Различают мобильность горизонтальную и вертикальную. Первая проходит внутри одной социальной общности, вторая выходит за ее рамки. Как отмечает Б. Н. Миронов, историки, говоря о социальной структуре, чаще всего имеют в виду то, что социологи называют социальной стратификацией (социальное неравенство в обществе, разделение последнего на неравноценные социальные группы) [Миронов, 2014: 325]. Интерпретируя соотношение этих понятий на историческом материале, Б. Н. Миронов отмечает, что социальная структура оказывает влияние на характер мобильности, а социальная

дифференциация — результат процессов социальной мобильности [Миронов, 1984: 49]. В работах историков нередко в качестве аналога категории «социальная мобильность» используют понятия «социальная динамика», «социальные перемещения». Как нам представляется, это характеризует такие исследовательские ситуации, в которых полноценное использование историком категорий «социальная структура», «социальная мобильность» затрудняется сложностью и многоаспектностью тех смыслов, которыми нагружены эти категории в социологии.

В отличие от социологических исследований социальной мобильности, где данные формируются в соответствии с поставленной задачей, в исторических исследованиях имеют дело с теми данными, которые содержатся в источниках и зачастую характеризуют социальную мобильность лишь косвенно или фрагментарно. В этой ситуации для решения задач реконструкции данных о социальной стратификации, проверки гипотез о характере процесса социальной мобильности целесообразно прибегнуть к построению математических моделей, формализующих социальные перемещения людей или групп вверх и вниз в системе социально-имущественных позиций.

Очевидно, что всякая социальная структура и стратификация являются в значительной мере условными, т. к. зависят от критериев, положенных в их основу [Миронов, 2014: 326]. Так, социальная стратификация русского крестьянства в XIX — первой четверти XX в. может определяться на основе данных об обеспеченности дворов лошадьми, землей (посевной или удобной), о доходах и т. д. Обычно используют один показатель (чаще всего — число лошадей или площадь посевных), что определяет известную условность вводимых социальных слоев (групп) крестьянства. В данной статье социальная стратификация крестьянства будет представлена слоями (группами), различающимися обеспеченностью лошадьми или землей — в зависимости от возможностей используемых источников.

О марковских моделях социальной динамики

При построении моделей динамики социальных процессов следует учитывать, что социальные перемещения в значительной мере непредсказуемы на индивидуальном уровне. Это диктует необходимость описания механизма перемещений в вероятностной форме. Важнейший класс таких стохастических моделей составляют марковские процессы, названные по имени выдающегося русского математика А. А. Маркова (1856–1922)¹.

¹ В связи с этим интересно еще раз отметить универсальность математических моделей: академик А. А. Марков ввел в рассмотрение класс случайных процессов, названных позднее марковскими цепями, в 1913 г. при изучении текста пушкинского «Евгения Онегина» [Марков, 1913].

Мы будем рассматривать однородную цепь Маркова — процесс с дискретным временем, заключающийся в переходах изучаемой системы из одного состояния в другое и обладающий следующим свойством: для каждого момента времени вероятность любого состояния системы в будущем зависит только от ее состояния в настоящем и не зависит от того, когда и каким образом система пришла в это состояние (т. е. от того, как развивался процесс в прошлом)¹. Динамика распределения вероятностей численностей групп в марковских моделях описывается разностными (для дискретных процессов) или дифференциальными (для процессов с непрерывным временем) уравнениями.

Марковские модели привлекают внимание исследователей социальной динамики по очевидной причине: они являются наиболее простыми среди моделей, учитывающих взаимосвязи различных социальных слоев или групп [см.: Предисловие О.В. Старовойтова... 1985: 6].

Модель социальной мобильности, основанная на свойствах стационарного марковского процесса с дискретным временем (марковской цепи), описывается начальным состоянием системы (т. е. численностями групп в начальный момент) и матрицей вероятностей переходов из каждой группы в каждую за один «шаг». Исходя из предположения о стабильности структуры переходов, марковская модель позволяет, отталкиваясь от начальных численностей групп, получить информацию о последующих состояниях системы. На практике вероятности переходов из каждого состояния в любое другое (а также вероятность остаться на следующем шаге в том же состоянии) аппроксимируются эмпирически подсчитанными частотами переходов.

В рассмотренных в данной статье исследованиях социальной динамики в среде русского крестьянства состояниями являются социально-имущественные группы (слои), число которых — три (бедняцкие двory, середняцкие и зажиточные). Частоты переходов между ними определяются из данных источника; они позволяют оценить приближенно вероятности перехода крестьянских хозяйств из одной группы в другую.

Если одна из первых статей, в которых социальная мобильность рассматривалась как стохастический процесс, относится к 1955 г., то с тех пор опубликованы десятки работ, посвященных моделированию динамики современных социальной процессов с помощью аппарата марковских процессов [об этих работах см.: Плотинский, 2001; Бартоломью, 1985; Ли и др., 1977; Будон, 1977; Singer, Spilerman, 1976]. В этих моделях

¹ Существует обширная литература по свойствам марковских процессов [см., напр.: Колмогоров, 1974; Кемени и др., 1987].

рассматривалась, в частности, и межпоколенная, и внутр поколенная мобильность. Первая относится к изменениям социальной группы от отца к сыну. Здесь поколение представляет естественную дискретную единицу времени, поэтому отпадает необходимость в предположениях о ее значении в годах. Внутр поколенная мобильность относится к изменениям социального статуса, которые имеют место в течение жизни отдельного индивидуума (или определенного ее интервала). Что касается исторических исследований, то первые работы, в которых изучение социальных перемещений проводилось с помощью стохастических процессов, были опубликованы в начале 1990-х гг. [Бородкин, Свищев, 1990; 1992; Borodkin, Svishchev 1991; 1992].

Накопленный нами опыт использования аппарата марковских цепей в исторических исследованиях позволяет ввести следующую классификацию задач моделирования социальной мобильности с учетом характера данных, содержащихся в исторических источниках.

1. Источник содержит лишь сведения о численности социальных групп в изучаемой совокупности, относящихся к ряду «временных срезов». Требуется по этим данным восстановить матрицу вероятностей переходов, характеризующую социальную мобильность в рассматриваемой совокупности.

2. Источник содержит данные о распределении элементов совокупности по социальным группам для двух временных срезов. Пусть имеются две (или более) матрицы частот переходов, полученных по различным выборочным данным. Эти матрицы могут давать существенно различающиеся представления о структуре переходов между социальными группами. Требуется определить, какая из имеющихся матриц в большей мере соответствует данным о численности групп.

3. При изучении социальной мобильности на большом интервале времени имеющиеся источники дают сведения о распределении элементов совокупности по группам, относящиеся к началу и концу интервала. Имеется матрица частот переходов между группами, полученная по данным начального периода. Требуется установить, был ли процесс социальных перемещений относительно однородным, стационарным на всем интервале, или структура матрицы вероятностей переходов подвергалась существенным изменениям.

4. Источник дает возможность подсчитать частоты переходов элементов совокупности между группами на начальном периоде анализируемого интервала времени. Данные о последующей динамике социальных переходов отсутствуют. Система является открытой, т. е. на каждом шаге модели одни элементы могут входить в систему, другие — выходить из нее. Требуется построить возможные (альтернатив-

ные) варианты динамики численности групп, задавая различные допустимые «сценарии» динамики «входа» и «выхода». Такая имитационная модель позволяет, в частности, оценить «чувствительность» процесса по отношению к возможным модификациям внешних условий. Существенно, что при наличии поглощающих состояний марковской цепи (соответствующих возможности выхода из системы), марковская модель позволяет оценить среднее время пребывания элементов в каждом из состояний.

Нами разработаны методы решения перечисленных задач и соответствующее программно-алгоритмическое обеспечение. Варианты моделирования социальной мобильности, указанные в пунктах 1–3, рассматриваются в данной статье при изучении динамики социальных перемещений русского крестьянства в XIX в.

* * *

Одно из основных направлений аграрной истории России XIX в. связано с изучением проблем социальных перемещений сельского населения. Первые серьезные работы по этой тематике были выполнены И. Д. Ковальченко, изучавшим подворные описи крестьянских хозяйств за различные годы первой половины XIX в. [Ковальченко, 1967; 1965]. Источник содержал сведения, которые не только раскрывали соотношение различных по своей хозяйственной состоятельности групп крестьянских дворов, но и давали возможность проследить перемещения дворов по этим группам за достаточно длительные периоды времени (в данном случае речь шла о внутривозрастной социальной мобильности). С этой целью на ЭВМ (в 1960-х гг.) был осуществлен информационный поиск по материалам подворных описей. Идентификация каждого из дворов, зафиксированных в начальной описи, во всех последующих описях, разделенных периодами в несколько лет, проводилась по именному составу семей, т. е. именам и отчествам крестьян, входящих в состав двора. Всего были обработаны данные по 2000 дворов 11 имений из различных уездов. В результате И. Д. Ковальченко были выявлены особенности социальной мобильности в разных социальных группах и типах крестьянских хозяйств (земледельческого, промыслового и т. д.) в первой половине XIX в.

В работах Б. Н. Миронова 1970-х гг. рассмотрены механизмы влияния процессов вертикальной социальной мобильности на социальную структуру крестьянства (соотношение численности социальных групп), на процессы дифференциации и нивелирования крестьянства [Миронов, 1972; 1978]. Исходя из «микродинамики» социальных перемещений, им установлена специфика социальной мобильности крестьянства раннекапиталистического типа в пореформенную эпоху и во второй по-

ловине XIX — начале XX в. Историко-сравнительные исследования показали, что если к середине XIX в. средняя группа включала порядка 50 % крестьян, то к началу XX в. эта прослойка «размылась» и составляла менее четверти всех крестьян, на долю же бедной группы приходилось около 60 % крестьян. Если в первой половине XIX в. свыше 80 % крестьян в течение жизни изменили свой социальный статус, то к началу XX в. этот показатель упал до 50 % [Миронов, 1984: 54–56].

Значительное внимание проблемам социальной мобильности крестьянства уделялось в работах эстонских историков Ю. Кахка, Х. Лиги, Х. Палли, А. Руусманна и Х. Уйбу [см. работы указанных авторов в книгах: Проблемы исторической демографии..., 1977; Проблемы развития феодализма..., 1972]. В этих работах исследовалась межпоколенная вертикальная мобильность. Так, исследуя социальные перемещения 1344 сыновей дворохозяев из имений прихода Рапла, Х. Лиги пришел к выводу, что в начале XIX в. «сыновья дворохозяина имели больше шансов подняться до статуса хозяина, чем сын батрака, бобыля или дворового: соответствующий коэффициент мобильности у первых — 0,52, а у всех остальных — 0,35» [Лиги, 1972].

Данные о социальной мобильности крестьян в эстонской деревне во второй четверти XIX в. изучали Ю. Кахк и Х. Уйбу [Кахк, Уйбу, 1977]. На основе сведений ревизских сказок 1816, 1834 и 1850 гг. ими построены таблицы межпоколенной мобильности для 1297 мужчин из прихода Сангасте (рассматривались три социальных категории: дворохозяева и члены их семей; батраки; бобыли). Результаты работы свидетельствуют о том, что в рассматриваемом периоде времени в процессе развития капиталистических отношений усиливались социальные «перегородки» внутри крестьянства. Так, 53 % людей, которые в 1816 г. являлись старшими сыновьями дворохозяев, к 1834 г. оставались в том же положении или наследовали хутора своих отцов; 11 % остались на хуторах в качестве членов хозяйской семьи и 29 % пошли в батраки. В период 1834–1850 гг. свой статус сохранили уже 60 % старших сыновей дворохозяев, и лишь 9 % пошли в батраки. Шансы же батрака стать хозяином понизились с 17 % в период 1816–1834 гг. до 8 % в 1834–1850 гг. [Кахк, Уйбу, 1977: 114].

Таковы вкратце основные результаты советской историографии изучения социальной мобильности крестьянства в дореформенной России. Анализ этого опыта позволил нам выявить вопросы, на которые трудно было бы дать ответы, исходя из применявшихся ранее методов. В конце 1980 — начале 1990-х гг. автор провел ряд исследований в данной области на базе имитационного моделирования, получивших затем продолжение [Бородкин, 1989; 1996; 2012].

Посмотрим, что может дать для исследования социальной мобильности дореформенного крестьянства использование марковских моделей.

Имитационные модели в задачах изучения социальной мобильности русского крестьянства в первой половине XIX в.

Рассмотрим сначала два вопроса, связанных с уточнением характера процесса социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. (эти вопросы в общем виде сформулированы в пунктах 2 и 3 перечня задач моделирования в предыдущем разделе статьи).

I. Обратимся к данным о социальной мобильности крестьянства в первой половине XIX в., полученным в указанной выше работе И. Д. Ковальченко [Ковальченко, 1967]. Для определения статуса каждого крестьянского двора были выделены три группы дворов по хозяйственной состоятельности — бедные, средние и зажиточные. Анализ «микродинамики» социальных перемещений крестьянских дворов, зафиксированных в материалах подворных описей, позволил собрать следующие сведения: сколько раз дворы каждой группы, указанные в начальной описи, встретились в последующих описях; сколько раз дворы каждой группы встретились в тех или иных группах; сколько дворов все время оставалось в первоначальной группе; сколько дворов, зафиксированных в первой описи, оказались в последней, и как они распределены по группам.

Эти данные с разных сторон характеризуют процесс социальных перемещений крестьянства. Так, интенсивности переходов дворов из одной группы в другую можно определять как на основе «кумулятивных» данных, так и исходя из сравнения начального и конечного состояний каждого двора. В первом случае учитывается, сколько раз дворы, зафиксированные в начальной описи в определенной группе, встретились (при проведении последующих описей) в каждой из трех групп. Так, например, данные по крестьянским дворам Сосновского имения Гагариных (Горбатовский уезд), представленные в материалах шести описей (1828, 1835, 1842, 1853, 1857, 1860 гг.), охватывают 176 дворов в первой описи, 96 из которых зафиксированы и в последней описи [Ковальченко, 1967: 360]. Если обратиться к данным по беднейшим дворам, то 114 дворов этой группы, зафиксированных в 1828 г., встретились в материалах шести описей 508 раз, из них 442 раза — в этой же группе, 59 раз — в средней и 7 раз — в зажиточной группе. Если же изучать движение дворов нижней группы по второму способу, то следует учесть, что из 114 беднейших дворов в материалах описи 1860 г. были найдены лишь 52,

распределение которых по группам было таково: 40 дворов — в нижней группе, 11 — в средней и 1 — в зажиточной. Сравнение уровней мобильности беднейших дворов, вычисленных по двум указанным способам, приводит к несколько различающимся результатам. Так, доля дворов этой группы, сохранивших свой статус, составляет 87,6% по первому способу и 76,9% — по второму.

Обратимся теперь к более представительным данным, характеризующим социальную мобильность крестьянских дворов из имений промыслово-земледельческого профиля в 20–50-х гг. XIX в. Эти данные предоставляет нам таблица 76 из монографии И. Д. Ковальченко [Ковальченко, 1967: 360], в которой содержатся сведения о движении 466 дворов различных групп, относящихся к трем имениям: уже упомянутому Сосновскому, а также к имению Голицыных — Петровскому (Звенигородского уезда) и имению Гагариных — Киясовскому (Серпуховского уезда). Описи по Петровскому имению фиксируют состояние дворов на 1824, 1828, 1834, 1854, 1857 и 1860 гг., а по Киясовскому — на 1817, 1822, 1834, 1840, 1851 и 1858 гг.

Получив сводные (по всем трем имениям) данные о движении дворов из группы в группу, построим соответствующие таблицы переходов по первому и второму способам. Табл. 1 содержит сведения о суммарном числе переходов из каждой группы в каждую, а табл. 2 — соответствующие частоты переходов, вычисленные по «накопленным» данным. Табл. 3 и 4 содержат аналогичные сведения, полученные по второму способу — путем сравнения статуса дворов, зафиксированных и в первой, и в последней описях. Значения частот в табл. 2 и 4 получены делением соответствующих чисел в табл. 1 и 3 на сумму по строке.

Таблицы 1–4

Сводные данные об интенсивности перемещений дворов из группы в группу, полученные двумя разными способами.

Данные по трем имениям за 1817–1860 гг. (6 подворных описей)

Таблица 1

Суммарные числа переходов между группами (с учетом данных по всем шести подворным переписям)

Группы дворов	I	II	III
I	798	167	23
II	277	532	76
III	135	161	185

Таблица 2

Суммарные частоты переходов между группами (с учетом данных по всем шести подворным переписям)

Группы дворов	I	II	III
I	0,81	0,17	0,02
II	0,31	0,60	0,09
III	0,28	0,33	0,39

Таблица 3

Количество переходов между группами, подсчитанное из сравнения начального и конечного состояний каждого двора (т. е. по данным только первой и последней подворных описей)

Группы дворов	I	II	III
I	77	26	1
II	59	54	6
III	36	23	8

Таблица 4

Частоты переходов между группами, подсчитанные из сравнения начального и конечного состояний каждого двора (т. е. по данным только первой и последней подворных описей)

Группы дворов	I	II	III
I	0,74	0,25	0,01
II	0,50	0,45	0,05
III	0,54	0,34	0,12

Примечание: в табл. 1–4 используются обозначения: I — беднейшая группа, II — средняя, III — зажиточная.

Сопоставление частот переходов, содержащихся в табл. 2 и 4, показывает более высокий уровень социальной мобильности, меньшую устойчивость групп (особенно средней и зажиточной) при втором способе вычисления матрицы переходов (т. е. при использовании «кумулятивного» подхода, с учетом данных по всем шести подворным переписям). Так, по данным табл. 2, большинство (60 %) дворов средней группы на протяжении 20–50-х гг. XIX в. не изменили своего статуса, а по данным табл. 4, таких дворов было менее половины (45 %). Естественно за-

даться вопросом, какая из таблиц (2 или 4) более точно характеризует социальную мобильность крестьянских дворов промыслово-земледельческих имений в указанный период времени?

Существенный аргумент в обсуждении поставленного вопроса дает использование простой марковской модели. Действительно, табл. 2 и 4 можно рассматривать в качестве эмпирического приближения соответствующих матриц вероятностей переходов. Данные о распределении по группам дворов промыслово-земледельческого и торгово-земледельческого крестьянства на начало и конец изучаемого нами периода можно также извлечь из работы И. Д. Ковальченко, в которой приводятся доверительные интервалы для доли дворов каждой группы, полученные при доверительной вероятности 0,95 [Ковальченко, 1967: 349]. Используя середины этих интервалов в качестве оценок доли дворов каждой из трех групп, получим следующие результаты (табл. 5).

Таблица 5

Распределение дворов по группам (микроданные по трем уездам)

Период	Группа дворов		
	беднейшая	средняя	зажиточная
1800–1830 гг.	37 %	44 %	19 %
1831–1860 гг.	50 %	36 %	14 %

Источник: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 349.

С помощью уравнения, задающего динамику марковской цепи, попытаемся построить ретропрогноз распределения дворов по группам во второй трети XIX в., отталкиваясь от данных о распределении дворов в первой половине XIX в.; при этом в качестве матрицы вероятностей переходов будем использовать сначала данные табл. 2, а затем табл. 4. Результаты имитационного моделирования приводятся в табл. 6¹.

¹ Поясним технику вычислений по формуле (1) на примере расчета вероятности принадлежности дворов к беднейшей группе во второй трети XIX в. Используя данные табл. 5, относящиеся к первой трети XIX в., и частоты переходов из каждой группы в беднейшую (табл. 2), получим:

$$p_i(t+1) = p_i(t)p_{11} + p_2(t)p_{12} + p_3(t)p_{13} = 37 \times 0,81 + 44 \times 0,31 + 19 \times 0,28 = 49(\%)$$

Здесь t и $t+1$ обозначают указанные периоды времени; номера групп те же, что и в табл. 2.

Таблица 6

Моделирование численности групп крестьянских дворов второй трети XIX в.

Матрица переходов	Группа дворов		
	беднейшая	средняя	зажиточная
По данным табл. 2	49 %	39 %	12 %
По данным табл. 4	60 %	36 %	4 %

Сопоставление данных табл. 5 и 6 убедительно показывает, что результаты моделирования ближе к данным о распределении дворов по группам при использовании в качестве оценок вероятностей переходов частот из табл. 2 (т. е. при использовании «кумулятивных» данных). В этом же убеждают нас и данные о доверительных интервалах, полученные И. Д. Ковальченко для процентного распределения по группам дворов рассматриваемого типа в 1831–1860 гг. В первом случае (при использовании табл. 2) результаты моделирования численности групп «покрываются» доверительными интервалами, а во втором (при использовании табл. 4) ретропрогнозы численности беднейшей и зажиточной групп выходят за границы этих интервалов (и весьма существенно)¹.

Таким образом, использование марковской модели социальных перемещений дворов промыслово-земледельческого крестьянства в центральных уездах дореформенной России дает основание отдать предпочтение одному из двух рассмотренных способов определения частот переходов, основанному на учете данных о том, сколько раз дворы, зафиксированные в начальной описи в определенной группе, встречались во всех последующих описях в каждой из трех групп. Именно этот подход к определению интенсивностей переходов крестьянских дворов из группы в группу использовал И. Д. Ковальченко для анализа социальной мобильности хозяйств рассматриваемого типа в первой половине XIX в. Итогом этого анализа явилось, в частности, выявление «вымывания» середняка в процессе расслоения, существенное превышение частоты переходов из средней группы в беднейшую над частотой переходов средних дворов в зажиточную группу, а также преобладание процес-

¹ Следует отметить, что полученный вывод о предпочтении «кумулятивной» матрицы переходов подтверждается и при использовании этой матрицы дважды подряд для моделирования перехода от первой трети XIX в. ко второй трети; такой эксперимент был проведен для того, чтобы учесть то обстоятельство, что данные табл. 2 характеризуют переходы на более коротких (в сравнении с данными табл. 4) интервалах времени.

сов перемещения зажиточных хозяйств в другие группы (особенно в среднюю) над тенденцией к сохранению этими дворами своего положения [Ковальченко, 1967: 364].

* * *

II. Рассмотрим еще один вопрос о характере процесса социальных перемещений русского крестьянства в XIX в., относящийся теперь к «макродинамике» этого процесса. Был ли процесс социальных перемещений российского крестьянства во второй половине XIX в. устойчивым, стационарным? Более конкретно, оставались ли относительно постоянными интенсивности переходов из одних социальных групп в другие, или же сдвиги в характере социальных перемещений дворов различных групп во второй половине XIX в. были существенными?

Попытаемся рассмотреть этот вопрос, используя марковскую модель. В терминах теории марковских цепей требуется установить, был ли процесс однородным, стационарным на рассматриваемом интервале времени или структура матрицы вероятностей переходов подвергалась существенным изменениям? Эмпирическую проверку этих гипотез осуществим на основе данных о социальной структуре российского крестьянства, полученных Б. Н. Мироновым в результате обобщения результатов многочисленных исследований. По этим данным, соотношение социальных групп крестьянства существенно изменилось во второй половине XIX в., в основном за счет уменьшения доли средних дворов и увеличения доли бедных (табл. 7) [Миронов, 1984: 51]. Однако, вообще говоря, эти изменения могли происходить и в результате той структуры переходов, которая сложилась в первой половине XIX в. (и, по первой гипотезе, сохранялась в течение второй половины века). Поэтому поставленный вопрос не является надуманным, искусственным.

Таблица 7

Распределение дворов по группам (обобщенные данные)

Период	Социальная группа крестьянства		
	бедная	средняя	зажиточная
1801–1860 гг.	30 %	54 %	16 %
1896–1900 гг.	59 %	23 %	18 %

Источник: Миронов Б. Н. Историк и социология. С. 51.

Б. Н. Миронов приводит также характерные данные, показывающие эволюцию крестьянских хозяйств за 20 и 35 лет в помещичьей деревне первой половины XIX в. (табл. 8) [Миронов, 1984: 53].

Таблица 8

Частоты переходов дворов между группами
(обобщенные данные)

Группы	Частоты переходов за 20 лет			Частоты переходов за 35 лет		
	I	II	III	I	II	III
I. Бедная	0,56	0,41	0,03	0,33	0,66	0,01
II. Средняя	0,24	0,66	0,10	0,26	0,62	0,12
III. Зажиточная	0,15	0,66	0,19	0,09	0,71	0,20

Источник: Миронов Б.Н. Историк и социология. С. 53.

Обозначим матрицы частот переходов за 20-летний и 35-летний периоды, представленные в табл. 8, через P^2 и P^3 , соответственно. Предположим, что процесс социальных перемещений крестьянства во второй половине XIX в. имел тот же характер, что и в первой половине; в таком случае моделью процесса может служить однородная марковская цепь, для которой вероятности переходов не зависят от времени. Исходя из этого предположения, посмотрим, какой должна была быть социальная стратификация крестьянства в конце XIX в., если считать известной эту структуру к 1860 г. (см. первую строку табл. 8).

Воспользуемся сначала матрицей P^3 , определяющей частоты переходов между социальными группами крестьянства за 35 лет. В соответствии с уравнением марковской цепи, определяющим соотношение численности групп на очередном шаге процесса, исходя из состояния на предыдущем шаге, получим следующие данные (табл. 9, 1-я строка). Для того, чтобы получить оценку численности групп в конце XIX в. на основе матрицы P^2 , надо дважды последовательно использовать уравнение марковской цепи, т. к. эта матрица определяет частоты переходов за 20 лет, а рассматриваемый интервал времени имеет вдвое большую продолжительность. В этом случае соотношение численности социальных групп крестьянства в конце XIX в. должно было быть следующим (табл. 9, строка 2).

Таблица 9

Моделирование социальной структуры крестьянства конца XIX в.

Модель	Группы		
	I	II	III
Матрица частот переходов за 35 лет	25 %	65 %	10 %
Матрица частот переходов за 20 лет	33 %	58 %	9 %

Сопоставление результатов моделирования с данными табл. 7 о соотношении численности социальных групп в конце XIX в. убедительно доказывает нестационарность процесса социальных перемещений российского крестьянства во второй половине XIX в. Даже неизбежная приближенность данных табл. 7 и 8 о социальной структуре крестьянства и ее эволюции в первой половине XIX в. не могла бы привести к таким резким различиям результатов моделирования (см. табл. 9) и данных табл. 7. Действительно, принятие гипотезы об устойчивости процесса социальных перемещений в XIX в. приводит к завышению в 2,5–3 раза численности середняцкой прослойки, занижению в 1,8–2,3 раза — беднейшей и почти вдвое — зажиточной. Результаты моделирования отвергают эту гипотезу. Очевидно, основные сдвиги в структуре социальных перемещений крестьянства в пореформенное время заключались в значительном уменьшении частот переходов из беднейшей и зажиточной групп в среднюю, а также в потере устойчивости и самого середняцкого хозяйства.

***

III. В ряде случаев использование в историко-социальных исследованиях моделей социальной мобильности, основанных на аппарате марковских цепей, сталкивается со специфическими трудностями. Речь идет о том, что источники, отражающие социальную структуру изучаемой совокупности, нередко фиксируют ее состояние неравномерно во времени.

Такие проблемы возникают и при применении марковских моделей для изучения социальной мобильности русского крестьянства первой половины XIX в. Если попытаться непосредственно сравнить матрицы переходов, полученные по подворным описям первой четверти и середины XIX в., то выяснится, что в разных имениях описи проводились в разные годы и с различными (непостоянными для каждого из имений) интервалами. Поскольку частоты переходов зависят от длительности на-

блюдения, то прямое сопоставление структуры переходов в такой ситуации не представляется возможным. Решение проблемы требует создания методики, позволяющей получать переходные матрицы в расчете на некоторый стандартный интервал времени (в нашем случае естественно говорить о годовом интервале).

В данной работе используется предложенная нами методика такого рода, имеющая целью построение марковской модели с дискретным временем, которая выявляет структуру переходов в условиях неравных интервалов времени между последовательными измерениями состояний и при наличии нескольких подсистем (в нашем случае — имений) в изучаемой системе [Бородкин, 1989; Бородкин, Лазарев, 1989; 1991].

В соответствии с этой методикой мы используем сведения из источника о численностях социальных групп, относящихся к двум (или нескольким) временным срезам. Требуется по этим данным восстановить стандартизованную (в расчете на 1 год) матрицу вероятностей переходов с учетом данных о дворах нескольких имений. Знание таких матриц вероятностей переходов за год позволяет, во-первых, анализировать изменения структуры переходов на разных интервалах времени, а во-вторых, восстановить распределения элементов по состояниям марковской цепи для каждого года из периода наблюдений¹.

Характерную ситуацию такого рода иллюстрируют данные, использовавшиеся И. Д. Ковальченко при изучении социальной мобильности крестьянских дворов из имений промыслово-землевладельческого профиля. Как отмечалось выше, анализировались сведения по крестьянским дворам Сосновского имения Гагариных (Горбатовский уезд), представленные в материалах шести описей (1828, 1835, 1842, 1853, 1857, 1860 гг.), Петровского имения Голицыных (Звенигородский уезд: 1824, 1828, 1834, 1854, 1857 и 1860 гг.) и Киясовского имения Гагариных (Серпуховской уезд: 1817, 1822, 1834, 1840, 1851 и 1858 гг.). Различия в длительности интервалов (от 3 до 20 лет) затрудняют использование однородной марковской цепи для моделирования динамики социальных перемещений «внутри» указанных интервалов. Предложенный нами алгоритм позволяет унифицировать разнородные данные, установить структуру переходов между социальными группами за один год и с учетом сведений о дворах всех имеющихся имений.

Полученная матрица вероятностей переходов позволяет смоделировать (реконструировать) данные о численности групп за каждый год на рассматриваемом интервале времени. Характер получаемых результатов

¹ Очевидно, данная методика представляет собой одно из возможных решений задачи моделирования, указанной в 1-м пункте рассмотренного выше перечня [о других вариантах реализации этой задачи см. также: Бородкин, 1990].

показывает следующий пример, отражающий различия в структуре социальных перемещений крестьянских дворов Киясовского имения в первой и второй половинах XIX в. Табл. 10 содержит матрицу вероятностей переходов за год в период между двумя описями — 1817 и 1822 гг. (цифрами I, II и III обозначены группы — бедная, средняя и зажиточная), а табл. 11 содержит такую же матрицу, рассчитанную по данным о дворах того же имения, но с использованием других «временных срезов» — 1840 и 1851 гг.¹

Сравнение табл. 10 и 11 свидетельствует об определенных изменениях характера социальной мобильности в данной совокупности. Так, к середине XIX в. заметно уменьшились значения частот переходов из бедной группы в обе остальных и из средней в зажиточную (при этом частота переходов из средней группы в бедную возросла); в то же время повысилась вероятность переходов из зажиточной группы в среднюю и бедную.

Таблица 10

Матрица вероятностей переходов за год в период между двумя описями 1817 и 1822 гг. (Киясовское имение Гагариных, Серпуховской уезд)

Группа	I	II	III
I	0,885	0,113	0,002
II	0,005	0,938	0,057
III	0,001	0,002	0,997

Таблица 11

Матрица вероятностей переходов за год в период между двумя описями 1840 и 1851 гг. (Киясовское имение Гагариных, Серпуховской уезд)

Группа	I	II	III
I	0,999	0,001	0,000
II	0,009	0,989	0,002
III	0,005	0,029	0,966

¹ Напомним интерпретацию матриц переходов: в данном случае, например, число 0,005 на пересечении первого столбца и второй строки в табл. 10 означает, что вероятность для двора из средней группы перейти в течение года в бедную группу составляла в период 1817–1822 гг. 0,5 %.

Эти наблюдения дополняют выводы, полученные выше при использовании 2-го и 3-го вариантов моделирования.

В целом же результаты применения марковских моделей в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. не только подтверждают итоги проведенных ранее (в 1960–1970-х гг.) исследований, но и дают возможности проверки гипотез о характере этого сложного социального процесса, дают новые количественные оценки его параметров.

Литература

Бартоломью Д. (1985) Стохастические модели социальных процессов [Scholastic Models of Social Processes]. М.

Bartolom'yu D. (1985) Stokhasticheskie modeli sotsial'nykh protsessov [Scholastic Models of Social Processes]. Moscow.

Бородкин Л.И. (2012) Была ли устойчивой социальной динамика русского крестьянства в XIX в.? Памяти Д. Филда [If it Was Stable The Social Dynamics of Russian Peasantry in XIXth Century? In Memory of D. Field] // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 39.

Borodkin L.I. (2012) Byla li ustojchivoj sotsial'naya dinamika russkogo krest'yanstva v XIX veke? Pamyati D. Filda [If it Was Stable The Social Dynamics of Russian Peasantry in XIXth Century? In Memory of D. Field] // Informatsionnyj byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». № 39.

Бородкин Л.И. (1989) Модели социальной мобильности в исторических исследованиях. [Models of Social Mobility in Historical Studies] // Методы социологических исследований. Тезисы III Всесоюзной конференции. М.

Borodkin L.I. (1989) Modeli sotsial'noj mobil'nosti v istoricheskikh issledovaniyakh. [Models of Social Mobility in Historical Studies] // Metody sotsiologicheskikh issledovanij Tezisy III Vsesoyuznoj konferentsii. Moscow.

Бородкин Л.И. (1990) О квазиукрупности состояний марковских цепей (методические аспекты изучения социальной мобильности) [On Quasi-Cohesiveness of Statuses of Markov's Chains (Methodological Aspects of Social Mobility Studies)]. Информатика вычислительных систем. М.

Borodkin L.I. (1990) O kvaziukrupnimosti sostoyanij markovskikh tsepej (metodicheskie aspekty izucheniya sotsial'noj mobil'nosti) [On Quasi-Cohesiveness of Statuses of Markov's Chains (Methodological Aspects of Social Mobility Studies)]. Informatika vychislitel'nykh sistem. Moscow.

Бородкин Л.И. (1996) Стохастические модели в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. [Scholastic Models in Social Mobility Studies of Russia Peasantry in XIXth Century] // Источник. Метод. Компьютер / Отв. ред. В. Н. Владимиров, С. В. Цыб. Барнаул.

Borodkin L.I. (1996) Stokhasticheskie modeli v izuchenii sotsial'nykh peremeshchenij russkogo krest'yanstva v XIX veke [Scholastic Models in Social Mobility Studies of Russia Peasantry in XIXth Century] // Istochnik. Metod. Komp'yuter / Otv. red. V.N. Vladimirov, S.V. Tsyb. Barnaul.

Бородкин Л.И., Лазарев В.В. (1989) О специфике марковских моделей социальной динамики русского крестьянства XIX в. [On Specifics of Marcov's Model de Social Dynamics of Russian Peasantry in XIXth Century] // Методы социологических исследований. Тезисы III Всесоюзной конференции. М.

Borodkin L.I., Lazarev V.V. (1989) O spetsifike markovskikh modelej sotsial'noj dinamiki russkogo krest'yanstva XIX v. [On Specifics of Marcov's Model de Social Dynamics of Russian Peasantry in XIXth Century] // Metody sotsiologicheskikh issledovanij. Tezisy III Vsesoyuznoj konferentsii. Moscow.

Бородкин Л.И., Лазарев В.В. (1991) Моделирование социальной мобильности с использованием марковских цепей: учет специфики исторических источников. [Modeling of Social Mobility with Usage of Marcov's Chains: Specifics of Historical Sources] // Комплексные методы в исторических исследованиях. М.

Borodkin L.I., Lazarev V.V. (1991) Modelirovanie sotsial'noj mobil'nosti s ispol'zovaniem markovskikh tsepej: uchet spetsifiki istoricheskikh istochnikov. [Modeling of Social Mobility with Usage of Marcov's Chains: Specifics of Historical Sources] // Kompleksnye metody v istoricheskikh issledovaniyakh. Moscow.

Бородкин Л.И., Свищев М.А. (1992) Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей. [Retro-prognostication of Social Dynamics of Pre-kolkhoz Peasantry: Usage of Imitated Models] // Россия и США на рубеже XIX–XX столетий (Математические методы в исторических исследованиях). М.

Borodkin L.I., Svishchev M.A. (1992) Retroprognozirovanie sotsial'noj dinamiki dokolkhoznoego krest'yanstva: ispol'zovanie imitatsionno-al'ternativnykh modelej. [Retro-prognostication of Social Dynamics of Pre-kolkhoz Peasantry: Usage of Imitated Models] // Rossiya i SSHA na rubezhe XIX–XX stoletij (Matematische metody v istoricheskikh issledovaniyakh). Moscow.

Бородкин Л.И., Свищев М.А. (1990) Социальная мобильность в период нэпа: к вопросу о росте капитализма из мелкого производства. [Social Mobility During New Economical Policy: On a Question of Capitalist Growth Based on Small Buisnesses] // История СССР. № 5.

Borodkin L.I., Svishchev M.A. (1990) Sotsial'naya mobil'nost' v period nepa: k voprosu o roste kapitalizma iz melkogo proizvodstva. [Social Mobility During New Economical Policy: On a Question of Capitalist Growth Based on Small Buisnesses] // Istoriya SSSR. № 5.

Будон Р. (1977) Модель анализа таблиц мобильности. [Model of Analysis of Mobility Tables] // Математика и обработка информации. М. С. 402–416.

Budon R. (1977) Model' analiza tablits mobil'nosti. [Model of Analysis of Mobility Tables] // Matematika i obrabotka informatsii. Moscow. P. 402–416.

Кахк Ю. Ю., Уйбу Х. Э. (1977) О социальной структуре и ее динамике в эстонской деревне во второй четверти XIX в. [On Social Structure and It's Dynamics in Estonian Villafe in The 2nd Cuarter of XIXth Century] // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М. С. 98–115.

Kakhk YU.YU., Ujbu KH.E. (1977) O sotsial'noj strukture i ee dinamike v estonskoj derevne vo vtoroj chetverti XIX v. [On Social Structure and It's Dynamics in Estonian Villafe in The 2nd Cuarter of XIXth Century] // Matematicheskie metody v istoriko-ekonomicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniyakh. Moscow. P. 98–115.

Кемени Дж., Снелл Дж., Кнепп А. (1987) Счетные цепи Маркова [Countable Markov's Chains]. М.: Наука.

Kemeni Dzh., Snell Dzh., Knepp A. (1987) Schetnye tsepi Markova [Countable Markov's Chains]. Moscow: Nauka.

Ковальченко И. Д. (1965) О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. [On Character and Forms of Stratification of Dependent Peasants in Russia in the First Half of XIXth Century] // Исторические записки. Т. 78. С. 85–149.

Koval'chenko I.D. (1965) O kharaktere i formakh rassloeniya pomeshchich'ikh krest'yan Rossii v pervoj polovine XIX v. [On Character and Forms of Stratification of Dependent Peasants in Russia in the First Half of XIXth Century] // Istoricheskie zapiski. Vol. 78. P. 85–149.

Ковальченко И. Д. (1967) Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. [Russian Dependent Peasantry in the First Halt of XIXth Century]. М.

Koval'chenko I.D. (1967) Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoj polovine XIX veka [Russian Dependent Peasantry in the First Halt of XIXth Century]. Moscow.

Колмогоров А. Н. (1974) Основные понятия теории вероятностей [Basic Terms of the Theory of Chances]. М.: Наука.

Kolmogorov A.N. (1974) Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostej [Basic Terms of the Theory of Chances]. Moscow: Nauka.

Ли Ц., Джадж Д., Зельнер А. (1977) Оценивание параметров марковских моделей по агрегированным временным рядам [Evaluation of Parameters of Markov's Models by Aggregated Timelines]. М.

Li TS., Dzhadzh D., Zel'ner A. (1977) Otsenivanie parametrov markovskikh modelej po agregirovannym vremennym ryadam [Evaluation of Parameters of Markov's Models by Aggregated Timelines]. Moscow.

Лиги Х. (1972) Социальная мобильность крестьян с Эстонии при феодализме. (Накануне отмены крепостного права) [Social Mobility of Estonian Peasantry During Feudalism (On the Eve of Dependency Abolition)] // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту. С. 270–280.

Ligi H. (1972) Sotsial'naya mobil'nost' krest'yan s Estonii pri feodalizme. (Nakanune otmeny krepostnogo prava) [Social Mobility of Estonian Peasantry During Feudalism (On the Eve of Dependency Abolition)] // Problemy razvitiya feodalizma i kapitalizma v stranakh Baltiki. Tartu. P. 270–280.

Марков А. А. (1913) Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь [An Example of Statistics Studie on The «Eugeniy Onegin» Text, Illustrating the Chain of Tests] // Известия Императорской академии наук.

Markov A.A. (1913) Primer statisticheskogo issledovaniya nad tekstom «Evgeniya Onegina», illyustriruyushchij svyaz' ispytaniy v tsep' [An Example of Statistics Studie on The «Eugeniy Onegin» Text, Illustrating the Chain of Tests] // Izvestiya Imperatorskoj akademii nauk.

Миронов Б. Н. (1984) Историк и социология [Historian and Sociology]. Л.

Mironov B.N. (1984) Istorik i sotsiologiya [Historian and Sociology]. Leningrad.

Миронов Б. Н. (2014) Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. [Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 Volumes]. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин.

Mironov B.N. (2014) Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu: V 3 t. [Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin.

Миронов Б. Н. (1972) Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX — начале XX в. [Social Mobility and Social Stratification in Russia Village of XIXth — Early XXth Centuries] // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту. С. 156–183.

Mironov B.N. (1972) Sotsial'naya mobil'nost' i sotsial'noe rassloenie v russkoj derevne XIX — nachale XX v. [Social Mobility and Social Stratification in Russia Village of XIXth — Early XXth Centuries] // Problemy razvitiya feodalizma i kapitalizma v stranakh Baltiki. Tartu. P. 156–183.

Миронов Б. Н. (1978) Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности [Social Stratification of Rus-

sian Peasantry from the Point of View of Social Mobility] // Проблемы аграрной истории: (XIX — 30-е гг. XX в.). Минск. Ч. 2. С. 106–115.

Mironov B.N. (1978) Sotsial'noe rassloenie russkogo krest'yanstva pod uglom zreniya sotsial'noj mobil'nosti [Social Stratification of Russian Peasantry from the Point of View of Social Mobility] // Problemy agrarnoj istorii: (XIX — 30-е gody XX v.). Minsk. Vol. 2. P. 106–115.

Плотинский Ю.М. (2001) Модели социальных процессов [Models of Social Processes]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.

Plotinskij Yu.M. (2001) Modeli sotsial'nykh protsessov [Models of Social Processes]. Izd. 2-е, pererab. i dop. Moscow.

Предисловие О.В. Староверова к книге: Бартоломео Д. Стохастические модели социальных процессов [The Preface of O. V. Staroverov to the Book of D. J. Bartholomew Scholastic Models for Social Processes]. (1985) М.

Predislovie O.V. Staroverova k knige: Bartolom'yu D. Stokhasticheskie modeli sotsial'nykh protsessov [The Preface of O. V. Staroverov to the Book of D. J. Bartholomew Scholastic Models for Social Processes]. (1985) Moscow.

Проблемы исторической демографии СССР [Problems of Historical Demography in USSR]. (1977) Таллин.

Problemy istoricheskoy demografii SSSR [Problems of Historical Demography in USSR]. (1977) Tallin.

Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики [Development Problems of Feudalism and Capitalism in Baltic States]. (1972) Тарту.

Problemy razvitiya feodalizma i kapitalizma v stranakh Baltiki [Development Problems of Feudalism and Capitalism in Baltic States]. (1972) Tartu.

Borodkin L.I., Svishchev M.A. (1991) Pre-Collectivization Peasantry Social Dynamic Retrognosis: Application of Alternative Models. Historische Sozialforschung. Vol. 16. № 2.

Singer B., Spilerman S. (1976) The representation of social processes by Markov models. American Journal of Sociology. V. 82. P. 1–51.

Borodkin L.I., Svishchev M.A. (1992) El Sector Privado de la Economia Sovietica en los 20: Modelado de los Procesos Sociales. Revista de Historia Economica. № 4.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПУТИ В СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Мионов Борис Николаевич

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Под углом зрения модернизации рассмотрен широкий круг проблем: колонизация, этническое разнообразие, этноконфессиональная политика, национальный вопрос, демографические проблемы и переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, развитие малой семьи и демократизация внутрисемейных отношений, социальная структура и социальная мобильность населения, город и деревня в процессе урбанизации и индустриализации, развитие крепостнических отношений от генезиса до падения, эволюция сельской и городской общин, городских и дворянских корпораций, менталитет различных сословий как важный фактор социальной динамики, народная культура в коллективных представлениях, эволюция российской государственности от патриархальной к конституционной монархии, становление гражданского общества и правового государства, взаимодействие общества и государства как движущая сила социальных изменений, смена типа господствующих правовых отношений в обществе и динамика преступности. По-новому трактуются такие принципиальные проблемы российской истории, как роль географической среды, возникновение и отмена крепостного права, русская сельская община, реформаторский процесс, изменение благосостояния населения, Столыпинская аграрная реформа, предпосылки и причины российской революции 1917 г. Разрушаются распространенные негативные мифы о России, предлагается принципиально новая оптимистическая концепция периода империи. В основе статьи лежит вступительное слово на презентации книги автора «Российская империя: от традиции к модерну», сделанной 27 мая 2016 г.

Ключевые слова: Российская империя, модернизация, этническое разнообразие, этноконфессиональная политика, национальный вопрос, уровень жизни, культурный капитал, социальная стратификация и социальная мобильность, демография, семья, урбанизация, крепостное право, община, государство, гражданское общество, право.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

Монография «Российская империя: от традиции к модерну» включает методологическое введение, 12 глав, посвященных важнейшим проблемам истории Российской империи (колонизации, социальной структуре, демографии, семье, урбанизации, крепостному праву, общине, государству, обществу, праву, уровню жизни, русской культуре в коллективных представлениях), которые рассмотрены в сравнительно-исторической перспективе с остальной Европой. Тринадцатая глава обобщает наблюдения 12 глав и показывает, как в процессе модернизации страны все изменялось в тесном взаимодействии между собой, ставит Россию в контекст европейского развития и демонстрирует, что в период империи происходила конвергенция России и Запада. Текст органично включает 356 таблиц и 539 иллюстраций, благодаря чему авторская концепция реализуется как триединство нарратива, статистики и иллюстраций, дополняющих друг друга.

Не имея возможности рассказать о всей книге, я остановлюсь на некоторых из важнейших проблем, рассмотренных в каждой главе.

В методологическом введении «**Концепции и парадигмы в современной историографии**» рассмотрены семь наиболее популярных в современной российской историографии концепций, сквозь призму которых изучается история России: формационная (марксистская), модернизационная, цивилизационная, мир-системная, институциональная, синергетическая, постмодернистская. Под концепцией имеется в виду система взглядов на явления в мире, в природе, в обществе; комплекс идей, связанных между собой и вытекающих одна из другой; набор путей решения выбранной задачи; способ понимания и трактовки каких-либо явлений [Миронов, I, 2014: 31–74].

В любой современной концепции есть рациональное зерно, каждая по-своему помогает понимать прошлое, каждая помогает найти в изучаемом объекте что-то новое и интересное; при аккуратном их использовании они могут быть *взаимодополняемыми*. Все их, на мой взгляд, целесообразно рассматривать не как истины или аксиомы, а принимать в качестве специфических подходов, задающих *программу и гипотезы исследования*. Каждая концепция помещает изучаемый объект в специфическую систему координат и дает определенный угол зрения, под которым изучается фактический материал. При таком *прагматическом* взгляде на концепции не нужно доказывать или оспаривать их правоту. Все их надо принимать и использовать для выдвижения гипотез, которые затем в исследовании должны проверяться. И пусть полученные результаты покажут, какая концепция или какие концепции оказались более, какие менее плодотворными или совсем бесполезными для решения конкретной задачи. Подобный подход, объединяющий те или иные

методологические концепции, которые доказали свою корректность и полезность в изучении определенных явлений, процессов и проблем, в некий комплекс концепций, пригодных для анализа, можно назвать *интегральным*. В нем нет формального, механического и беспринципного сочетания разнородных, несовместимых, противоречивых концепций. Объединяются такие, которые *взаимодополняемы, или комплементарны*. Видеть проблему с разных точек зрения, под разными ракурсами, «изнутри» и «снаружи», совмещать свидетельства инсайдера (наблюдателя изнутри) и аутсайдера (наблюдателя извне) — такой подход, находящийся в русле «прагматического поворота» в историографии, может дать интересные результаты.

Интегральный подход соответствует современному интеллектуальному тренду — вывести за грань научности стремление реконструировать ход истории в соответствии с единственно научным классическим принципом исторического исследования — рассказать, как это было. Вместо него предлагается *конструктивистский* подход к прошлому, настоящему и будущему. Согласно последнему знанию не содержатся непосредственно в «объективной действительности» и не извлекаются из нее «в ходе движения от относительной к абсолютной истине», как постулирует диалектический материализм, а конструируются познающим субъектом в виде различных моделей. Конструктивист стоит на позиции плюрализма или множественности истины; с его точки зрения корректно говорить не об истинности или ложности модели, а об ее соответствии или несоответствии той или иной научной картине мира.

В главе 1 «**Колонизация и ее последствия**» анализируется ход и результаты колонизации и географическая среда, в которой она происходила. Трактовка этих сюжетов осуществляется под углом зрения болезненных для России вопросов — территориальной экспансии, этноконфессиональных конфликтов, неудовлетворительного использования природных ресурсов [Миронов, I, 2014: 75–322].

По мнению автора, колонизация имела важные позитивные и негативные последствия, но баланс в целом оказался положительным. Без колонизации Россия осталась бы небольшой провинциальной европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологии ожидать от нее не приходилось бы, как трудно было бы рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан. Колонизация способствовала возникновению новых наций, определяла границы, создавала более развитую социальную организацию, стимулировала возникновение этнического самосознания. В конечном счете от нее выиграли все народы, вошедшие в состав империи, включая тех, которые потом из нее вышли.

Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли этого сделать вне России.

Российская империя не была ни тюрьмой народов, ни колониальной державой в европейском смысле этого слова. Важнейшим условием стабильности империи являлась гибкая этноконфессиональная политика центрального правительства, которое руководствовалось семью принципами.

1. Политика должна формулироваться всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе в соответствии с принципом *ad hoc* — смотря по обстоятельствам — и была гибкой и прагматичной.

2. Предоставление всем подданным из состава коренных народов присоединенных территорий права быть гражданскими субъектами на равных с русскими основаниях, чего не существовало в заморских европейских империях.

3. Уважение статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения, использование косвенного непрямого управления, предоставление присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам автономии в местных делах, в особенности на первых этапах интеграции.

4. Применение стратегии промежуточных, переходных институтов в ходе интеграции отдельных народов в империю.

5. Широкое сотрудничество с местными элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что в одних случаях облегчало, а в других — создавало возможность для центральной власти контролировать новую территорию.

6. Отсутствие, по большей части, правовой дискриминации в отношении других народов, что находило проявление в отсутствии правовой неполноценности по этническому или конфессиональному признакам, которые в системе имперских категорий для большинства народов совпадали или, по крайней мере, были тесно взаимосвязаны.

7. Создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских народов сравнительно с русским.

Как видим, в этноконфессиональной политике правительство придерживалось имперского этнопатернализма и мультикультурализма. Его конечной целью являлась в политическом смысле интеграция различных этносов в империю, в социально-экономическом смысле — органичное включение их в имперское экономическое, правовое и социальное пространство, выравнивание по уровню развития путем подтягивания отстающих до передовых, модернизация традиционных социумов с их специ-

фикой в хозяйстве, праве, социальных структурах. Специфически имперский характер российского политического устройства обеспечивал возможность управления многоэтническим государством, которое включало более 200 народов, находившихся на разных ступенях развития, позволил России успешно конкурировать с колониальными империями Запада и выдержать борьбу с восточными империями.

Второй сюжет — роль климата и более широко — географической среды также является ключевым в российской историографии. В постсоветское время широкое распространение получили идеи географического детерминизма, отводящие географическому фактору решающую роль в развитии России. Среди географических детерминистов, заметное место занимают Ричард Пайпс и Л. В. Милов. В основе их построений лежат два положения: (1) суровость климата, вследствие чего урожайность низка, а прибавочная стоимость мала, (2) «чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая», из-за чего времени для надлежащего выполнения сельскохозяйственных работ было недостаточно. Из этих предположений *чисто дедуктивно*, а точнее спекулятивно, выводятся экономические, социальные, политические и психологические последствия: бедность, хроническое голодание и отсталость; предпочтение коллективных форм труда и собственности, большие семьи, передельная сельская община; суровое крепостничество и жесткое самодержавие; специфическая трудовая этика, религиозность и т. д. и т. п.

Гипотеза Пайпса—Милова проверена с помощью корреляционного анализа на массовых статистических данных, относящихся к 50 губерниям Европейской России. Эта территория представляет хороший полигон для проверки гипотезы, благодаря своей обширности, разнообразию природных зон, земельных и климатических ресурсов, наличию регионов с разными культурами и институтами. Я собрал и унифицировал данные о климате, длительности вегетационного периода, возможной продолжительности полевых работ, естественном плодородии почвы, эффективности земледелия, степени распространения крепостного права и передельной общины, уровне жизни населения. Проведенный анализ не подтвердил предположений ни о недостатке у земледельцев рабочего времени, ни о решающем влиянии климата на экономику и социальные институты. На пространстве великороссийских нечерноземных губерний при ежегодной потребности в 100 рабочих днях климат давал возможность земледельцам работать более 122 дней в году, а в черноземных — более 158 дней. Более высокие урожаи на Западе в XVI—XVIII вв. объяснялись главным образом дефицитом земли, большим спросом на зерно, буржуазной трудовой этикой, использованием удобрения, лучшей, чем в России, агротехникой, а не избытком времени для выполнения сельскохозяйственных работ.

Климат мог объяснить результаты хозяйственной деятельности примерно на 25–30 %, а его влияние на социальные и политические институты не обнаружено.

В главе 2 «Социальная структура и социальная мобильность» впервые в историографии предпринята попытка проследить, как изменялась социальная структура российского общества с конца XVII в. до начала XX в. и какую роль в этом играла социальная мобильность [Миронов, I, 2014: 323–504].

В анализе использовались понятия «сословие», «класс», «стратификация» и «социальная мобильность» не в марксистской интерпретации, а так, как принято в мировой социальной науке, что позволяет более корректно анализировать социальную структуру и проводить международные сравнения. На поверхностный взгляд социальная структура населения в течение императорского периода изменилась мало: за 1719–1913 гг. доля дворянства в населении страны уменьшилась с 2 до 1,5 %, духовенства — с 1,9 до 0,5 %, крестьянства — с 89,1 до 80,1 %, военное сословие и разночинцы как официальные субсословные группы исчезли, и лишь доля городского сословия увеличилась с 3,9 до 17,6 %. Однако, *по существу, социальная структура общества подверглась двукратной глубокой трансформации*. В Московском государстве социальные группы не являлись ни сословиями, ни классами в европейском смысле этих понятий. Лишь к концу XVIII в. в России в основном сформировались сословия, которые обладали главными признаками истинного сословия: их права были закреплены в законе, являлись наследственными и безусловными; они имели свои организации и суды, пользовались правом самоуправления; обладали сословным самосознанием и менталитетом. После Великих реформ сословия стали превращаться в классы и профессиональные группы, но процесс этот к 1917 г. не завершился. Пореформенное общество было протоклассовым. Сословная парадигма не была окончательно ликвидирована фактически и психологически. Существование сословий с различными, а иногда и антагонистическими субкультурами, со значительной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации, объединенной единой культурой, единой системой ценностей, единым законом. Наличие в составе России других этносов еще более замедляло этот процесс. В результате складывание российской нации к 1917 г. не завершилось.

С точки зрения социальной мобильности российское общество не было ни закрытым, ни открытым. Сословия в большей или меньшей степени были открыты на входе и на выходе и довольно активно взаимодействовали друг с другом, хотя степень их открытости была различной. Все

виды межсословных социальных перемещений, иногда значительные по абсолютному числу, охватывали незначительную долю населения податных сословий — в XVIII — первой половине XIX в. в вертикальной социальной мобильности участвовало около 10 % каждого поколения, если принять его протяженность в 25–30 лет, что вполне согласовалось с сословным характером русского общества этой эпохи. Уровень социальной мобильности в городе был существенно выше, чем в деревне. Горизонтальная социальная мобильность, которая в абсолютных цифрах охватывала большие массы населения, при переводе их в относительные показатели оказывалась также незначительной: в 1678–1858 гг. в переселения было вовлечено до 4,7 млн человек, что составляло 2–3 % от численности каждого поколения. В пореформенную эпоху уровень межсословной социальной мобильности существенно возрос, благодаря чему открытость сословий увеличилась, что способствовало их трансформации в классы, примерно в 2 раза увеличилась и горизонтальная социальная мобильность.

Последний сюжет 2-й главы, на котором хочется остановиться, — уровень имущественного неравенства, которое вопреки бытующим в историографии и в коллективной исторической памяти, в течение всего имперского периода, 1700–1917 гг. (и наверняка в более раннее время) был умеренным и существенно меньшим, чем на Западе. Впервые в историографии мне удалось оценить уровень материального неравенства не по отдельным социальным группам, а для всего населения в целом с помощью коэффициента дифференциации доходов (показатель называется также децильным коэффициентом фондов). Он показывает, во сколько раз средний доход 10 % самых богатых превышает средний доход 10 % наименее обеспеченных граждан. Как показывает расчет, децильный коэффициент неравенства в России начала XX в. составлял примерно 6,3 и мог варьировать в границах 4–11. По мнению социологов и политологов, это социально безопасный уровень. В течение XX в. вплоть до 1990-х гг. имущественное неравенство на Западе было также выше, чем в России. В Советском Союзе в 1990 г. децильный коэффициент дифференциации равнялся 4–5 и только в постсоветской России сильно вырос. В современной России имущественное и социальное неравенство находится на недопустимом с точки зрения огромного большинства населения уровне: по оптимистическим оценкам, децильный коэффициент равен 16–17, а в столицах и крупных городах, которые обычно являются центрами протестных движений, — и того выше: в Москве, по разным оценкам, от 44–45 и выше. По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции — 6, США — 14,

России — 16, Мексике и Чили — 25, Бразилии — 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР — 147.

В главе 3 «**Демографические процессы и проблемы**» выяснено, какая модель демографического поведения господствовала в России в течение XVIII — начале XX в. и почему, во что она обходилась обществу, когда и почему начался демографический переход, кто был пионером в регулировании рождаемости среди сословий и регионов [Миронов, I, 2014: 505–644].

В России до конца периода империи господствовал традиционный тип воспроизводства населения, для которого были характерны высокие брачность, рождаемость и смертность, низкая ценность человеческой жизни, смиренность перед смертью, пассивное отношение к своему здоровью, огромное число женщин, страдающих гинекологическими заболеваниями, и очень высокая цена продолжения рода человеческого. Это был еще весьма далекий от совершенства и невероятно тяжелый для российских граждан режим воспроизводства населения. Примерно девяти женщинам из десяти приходилось по 8–10 раз рожать, что реально устранило их из общественной и культурной жизни и сводило по необходимости их существование к беременностям, уходу за детьми, из которых более половины умирало, и к тяжелой работе, поскольку среди непривилегированных сословий мужчины не могли без их помощи материально обеспечить семью. Данный режим воспроизводства населения был тяжелым и для мужчин, которые должны были добывать средства на большое число иждивенцев. Каждая трудящаяся семья несла огромные расходы на рождение и выращивание нового поколения, которые более чем наполовину оказывались бесполезными из-за громадной смертности детей. Эти полезные и бесполезные затраты задерживали экономический рост страны, препятствовали повышению благосостояния и сводили жизнь большинства трудящегося населения к работе и заботам о детях. Традиционный тип воспроизводства населения имел психологической причиной — слабое развитие индивидуальности, экономической причиной — низкий уровень благосостояния, социальной причиной — сословный строй, затруднявший социальную мобильность и увековечивавший социальное неравенство, политической причиной — отсутствие гражданского общества и прав человека, создающих легальную возможность для защиты своих интересов.

По моим наблюдениям, все сословия испытывали медленный переход от нерегулируемой рождаемости к регулируемой, от высокой смертности к низкой, от почти всеобщей брачности к ограниченному целибату. Первые признаки сознательного отношения к рождаемости и попытки применять средства, ее ограничивавшие, обнаружались во второй

трети XIX в. среди крепостных крестьян и образованной и привилегированной части общества, в более развитых западных регионах и постепенно охватили все слои населения и все районы Европейской России. Результаты оказались скромными из-за несовершенства методов контрацепции, но вполне осязаемыми. Благодаря этому в конце XIX в. Россия вступила в период демографического перехода от традиционной к современной, более эффективной с точки зрения материальных, психологических и физических затрат со стороны родителей и общества модели воспроизводства населения. Общая сумма затрат на воспроизводство населения только за период с 1851–1863 гг. по 1904–1913 гг. уменьшилась приблизительно на 23%. Это означало, что женщина стала меньше рожать, но, несмотря на это, каждое новое поколение становилось более многочисленным, причем замена одного поколения другим стала проходить с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей.

Демографический переход в России происходил по европейской модели — сначала снижалась смертность, что вызывало немедленное увеличение естественного прироста населения, которое через некоторое время приводило к снижению рождаемости. Демографический переход к 1917 г. находился на самой ранней стадии и был далек от завершения. Демографический переход был тем редким случаем в истории России, когда прогрессивные изменения происходили не по манию царя и по побуждению властей, а даже вопреки им, добровольно и стихийно, на уровне отдельного человека и отдельной семьи и потому были необратимыми. В этом смысле начало демографического перехода было знаковым событием — признаком зарождения новой активной индивидуалистской личности. Процесс ломки старых стереотипов, традиций растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1960-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения.

В главе 4 «**Семья и внутрисемейные отношения**» основное внимание обращено на выяснение доминирующих форм семейной организации, на анализ характера межличностных отношений в семье — между супругами, между родителями и детьми, между взрослыми членами, а также на воспитание молодого поколения внутри семьи [Миронов, I, 2014: 645–786].

В течение XVIII — начала XX в. у всех сословий, хотя и в разной степени, семья изменялась в направлении от составной или расширенной к малой, при этом величина семьи уменьшалась. По условиям своей жизни духовенство не знало составной семьи, в среде дворянства к началу XIX в. безраздельно утвердилась малая семья. Малая семья преобладала также и у купечества, мещанства и крестьянства в течение периода империи, од-

нако значительная часть жизни крестьян, главным образом детство и юность, проходила в рамках составной семьи, которая являлась обязательной стадией развития семьи до Великих реформ для всего крестьянства, а после нее — для его значительной части. Малая семья как главная и единственная форма организации семейной жизни пришла в город примерно на 50 лет раньше, чем в деревню, — уже к концу XIX в.

До середины XIX в. в семьях разных сословий преобладали патриархально-авторитарные отношения. Они строились на доминировании мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, на иерархизме, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в жизнь соответствующих сословных корпораций, которые имели право вмешиваться во внутрисемейные отношения. Превалирование патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало крепостнический характер социальных отношений в обществе и политический абсолютизм в государстве по той причине, что семьи монархического типа воспитывали в людях черты авторитарной личности, а такие люди, можно предполагать, становились благодатной социальной базой для политического абсолютизма и крепостничества со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями. Глубинная связь между патриархальной организацией семьи и политическим абсолютизмом — не национальная русская, а историческая особенность, типичная для всех доиндустриальных, традиционных обществ.

Замедленность демократизации внутрисемейных отношений и закрепощения женщин задерживала разрушение монархической парадигмы в массовом сознании народа, который сохранял ей верность почти до конца императорского режима, тормозила изменение политической структуры общества.

В главе 5 «Город и деревня в процессе модернизации» проводится сравнительный анализ развития города и деревни на протяжении XVII — начала XX в., чтобы выяснить, в чем заключалось своеобразие городских и сельских поселений в демографическом, административном, юридическом, социальном, экономическом и культурном отношениях и как город и деревня взаимодействовали. В результате исследования получены новые и принципиально важные выводы [Миронов, I, 2014: 787–868].

В течение четырех столетий, XVII–XX вв., российский город испытал разительные изменения. С точки зрения различий между городом и деревней можно выделить четыре периода: а) до середины XVII в.: город и деревня не были отделены друг от друга, а представляли как бы единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство; б) середина XVII в.— 1775–1785 гг.: происходило отделе-

ние города от деревни во всех аспектах; в) 1785–1860-е гг.: город отделился от деревни экономически, и их дифференциация во всех отношениях достигла своего апогея; г) 1860-е — 1917 г.: дифференциация города и деревни сменилась процессом их интеграции.

В России XVIII — первой половине XIX в. наблюдалась *деурбанизация* — процент наличного городского православного населения с 1740-х по 1860-е гг. снизился с 13 до 9. Причины: низкий естественный прирост городского населения сравнительно с сельским (вследствие более высокой смертности в городе) и слабая миграция крестьянства в города (в силу крепостного права и низкого спроса города на рабочие руки). Лишь в пореформенный период доля городского населения стала систематически расти и к 1914 г. достигла 15,3%.

В распределение городских поселений по числу жителей (большие — более 100 тыс. жителей, средние — от 20 до 100 тыс., малые — менее 20 тыс.) произошли существенные перемены. В последней четверти XVII в. в России был один средний город — Москва, все остальные были малыми, так как имели менее 15 тыс. жителей. С конца XVII в. малые города с населением до 2 тыс. жителей, а с середины XIX в. с населением менее 5 тыс. жителей либо становились средними, либо вымирали, превращаясь в села. Во второй половине XIX — начале XX в. процесс трансформации городов продолжался с еще большей интенсивностью. Малые города доживали свой век. К 1917 г. в России насчитывалось 22 больших города, а число жителей в Петербурге и Москве превысило 1 млн. Доля населения, проживавшего в больших городах, за 1722–1910 гг. возросла с 0 до 40%, в средних городах — с 2 до 37%, в малых городах, наоборот, сократилась с 98 до 23%.

Сравнение структуры занятости городского населения на 1760-е, 1790-е, 1850-е и 1897 гг. показало, что функциональная структура городов претерпела радикальные изменения: в 1760-е гг. 4,6% городов являлись административно-военными, 59% — аграрными и лишь 5,9% — торговыми (2,3%) и промышленными (3,6%). К концу XIX в. «чисто» административно-военных, аграрных, торговых и промышленных городов осталось лишь 10,8%. Зато число городов смешанного типа (в которых население распределялось более или менее равномерно между разными сферами занятости) возросло как абсолютно, так и относительно — с 20 до 89%.

Города принято также классифицировать на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Города XVIII в. были преимущественно доиндустриальными, в первой половине XIX в. — преиндустриальными, или протоиндустриальными, а на рубеже XIX–XX вв. — индустриальными. В конце XIX в. одновременно сосуществовали умирающие

доиндустриальные города, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города.

Социальный состав городского наличного населения изменялся. Доля дворян увеличивалась с 2,6 % в 1744 г. до 6,6 % в 1897 г., доля духовенства сократилась соответственно с 2,4 до 1,2 %, доля разных мелких социальных групп (разночинцев и др.) — с 13 до 2,3 %, доля военных находилась на уровне 10–12 %. Наибольший интерес представляют изменения в численности крестьян и городского сословия (мещан, купцов, ремесленников и др.). В наличном населении доля крестьян увеличивалась с 32 % в 1744 г. до 45 % в 1897 г., а доля городского сословия — с 40 до 44 %. К началу XX в. крестьяне в составе наличного городского населения стали самой многочисленной социальной группой в городе.

Несмотря на сословный характер общества, в городе наблюдался довольно высокий уровень вертикальной социальной мобильности, в которую были вовлечены все сословия, и мобильность со временем росла. Самым открытым на входе в сословие являлось дворянство, а самым закрытым — духовенство, а на выходе из сословия, наоборот — самым закрытым было дворянство, а открытым — духовенство.

Существенная перестройка городов по числу жителей и по занятиям имела следствием столь же радикальные перемены в характере труда, в образе жизни городского населения, в значении городов в жизни страны.

В главе 6 «**Крепостное право: от зенита до заката**» предлагается трактовка развития и отмены крепостнических отношений в России в русле концепции закрепощения и раскрепощения сословий, которую сформулировали, но не обосновали представители государственной школы [Миронов, II, 2015: 9–132].

На мой взгляд, крепостничество существовало в трех формах: как государственное, корпоративное или частное — в зависимости от того, кто является субъектом крепостнических отношений — государство, корпорация (посадская и сельская община, ремесленный цех и т. п.) или отдельный человек. Анализ положения различных социальных групп приводит к важному выводу: в начале XVIII в. все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общиной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством. Крепостничество, пронизывавшее в начале XVIII в. все общество снизу доверху, от крестьянской избы до императорского дворца, постепенно уступало место отношениям, основанным на личной свободе, договоре и признанных законом сословных правах.

Раскрепощение сословий началось с дворянства, освобожденного в 1762 г. Манифестом о вольности дворянства, затем к концу XVIII в. было раскрепощено духовенство и городское сословие, последним — крестьянство в три приема: в 1861 г. — от частновладельческого, в 1861–1905 гг. — от государственного, в 1906 г. — от корпоративного крепостничества. Крепостнические отношения, несмотря на всю свою жесткость, строились все-таки на законе и обычае, а не на произволе, как часто изображается, — отсюда и происхождение термина — «крепостное право», а не «крепостное бесправие».

Однако Великие реформы подорвали, а не упразднили крепостное право полностью. Под влиянием ряда факторов в пореформенной деревне сохранилось много пережитков частновладельческого и государственного крепостного права. Их изживание в общих чертах завершилось только к 1907 г., вместе с прекращением выкупных платежей, отменой подушной подати и круговой поруки. Корпоративное крепостное право в среде крестьянства в полной мере сохранялось до начала Столыпинской реформы, которую можно считать вторым раскрепощением крестьянства, и оставалось достаточно прочным вплоть до 1917 г., поскольку лишь около трети крестьянства вышли из общины. Крестьянская реформа 1861 г. не означала наступление в России капиталистической эры. Многочисленные крепостнические пережитки, потребительская природа крестьянских хозяйств, существование передельной общины, отсутствие нормального рынка рабочей силы и земли не позволяют говорить об утверждении капитализма в русской деревне даже к 1917 г.

В главе 7 «**Община и самоуправление как доминирующие формы организации социальной жизни**» по-новому анализируются сословные корпорации — сельские и городские общины, а также купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества [Миронов, II, 2015: 133–344].

Существуют две основные идеальные модели социальных организаций, сообществ и социумов — общность (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft), соответственно две модели отношений — общностные (иногда их называют общинными) и общественные. В общности господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении. В обществе доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознает полезность и ценность, которой обладает, может или будет обладать один человек для другого. Отношения в общности имеют моральную подоплеку, а в обществе — рациональную. Отношения в обществе вытекают из специфически рациональных целей, поставленных участниками, неформальность они заменяют официальной, чувство — расчетом, устную договорен-

ность — письменным договором, постоянность объединения субъектов отношений — ограниченным участием. Юридическая основа отношений в общности — обычай и традиция, в обществе — писанный закон. Экономическая основа отношений в общности — ремесло и натурально-семейное хозяйство в земледелии, в обществе — торговля и промышленность.

В императорский периода главные социальные организации населения эволюционировали в направлении от общности к обществу. Другими словами, происходила рационализация, или что то же самое модернизация, социальных отношений — и в этом состояло одно из принципиальных изменений природы российского общества императорского периода. Россия в этом смысле не отличалась от других европейских стран, которые при трансформации доиндустриального, или традиционного, общества в индустриальное, или современное, изменили господствующий тип социальности, перейдя от социальности, основанной на отношениях общинного типа к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях, или отношениях общественного типа. Ввиду того что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, к началу XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, с одной стороны, мещанское, ремесленное и купеческое общество — с другой, и дворянское общество — с третьей, представляли собой как бы три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство. Важнейшими факторами трансформации общностей в общества являлись юридическое признание их со стороны государства, приобретение официальных функций и формальной структуры; рост социальной мобильности; прогресс товарно-денежных отношений и превращение самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих; повышение грамотности, секуляризация сознания, изменение менталитета; развитие индивидуализма. Общность в форме общины долго отвечала реальным потребностям и соответствовала традиционным представлениям русских людей о правильной и справедливой организации социальной жизни, а существовавшие в общине межличностные отношения — идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь.

Если иметь в виду Россию в целом, то процесс преодоления общинности в социальной жизни в период империи зашел достаточно далеко, но он не завершился к 1917 г. В ходе Столыпинской реформы около трети крестьянства вышло из сельской общины и сделало шаг навстречу новой жизни, которая строилась на других основаниях и в которой люди руководствовались другой системой ценностей. По моему мнению, если бы не

революция 1917 г., этот процесс продолжился бы и, как обещал Столыпин, через 20 лет завершился бы в основных чертах и для крестьянства, и для страны в целом. Однако победа большевиков изменила вектор общественного развития России. Она привела к ликвидации наметившихся тенденций, к возрождению общинных отношений там, где они уже умерли, как в деревне, так и в городе. Коллективизация и социалистическая индустриализация закрепили этот успех, который, однако, оказался временным.

Наблюдения за деятельностью различных сословных корпораций и сельского, городского и дворянского самоуправления позволяют пересмотреть господствующее в историографии и коллективной исторической памяти представление о сущности самоуправления в России. Обычно отмечается податной и принудительный по преимуществу характер сословных корпораций, введенных якобы исключительно сверху в помощь коронным властям, вследствие чего и самоуправление являлось, по сути, седьмой спицей в механизме коронного управления. На самом деле *на протяжении всего императорского периода все главные сословные группы обладали правом самоуправления и реально им пользовались* — одни в большей, другие в меньшей степени. Чем дальше от центральных и провинциальных коронных властей проживали люди, тем по общему правилу большим самоуправлением они пользовались. Сословные корпорации и органы самоуправления играли главенствующую роль в местном управлении; они имели полномочия и широкую компетенцию, самостоятельно решали многие хозяйственные, юридические, административные проблемы. На самом деле государство никогда не стремилось установить полный контроль над жизнью городских и сельских общин, над дворянскими, купеческими, мещанскими, ремесленными и крестьянскими обществами, понимая недостижимость и бессмысленность этого. У государства не было достаточно сильного бюрократического аппарата не только для того, чтобы взять непосредственно в свои руки управление повседневной жизнью людей, но даже для того, чтобы эффективно контролировать деятельность органов самоуправления. Верховная власть только стремилась, во-первых, включить сословное самоуправление в систему государственного управления и, во-вторых, поставить самоуправление в рамки закона. И то и другое ей более или менее удавалось.

На всем протяжении императорского периода, как и в более раннее время, в России существовало *расщепление (разделение) властных и управленческих функций между верховной властью и ее местной администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями — с другой*. Разделенную форму власти, на мой взгляд, следует рассматривать как разумный компромисс между общест-

вом и государством, обеспечивавший общественный порядок и соблюдение сословных прав. Компромисс обуславливался соотношением сил, а поскольку оно со временем изменялось, то и соглашения о компромиссе приходилось перезаключать. Каждая реформа городского, сельского и дворянского самоуправления являлась, в сущности, новым компромиссом, который заключался обществом и государством на основе нового соотношения сил. До Великих реформ основная тенденция состояла в росте зависимости самоуправления от коронных властей. В результате Великих реформ тенденция на переплетение и слияние сменилась тенденцией на размежевание самоуправления и коронного управления. Общество стало противопоставлять себя государству, а после установления конституционного порядка в 1906 г. стало стремиться к установлению полного контроля над ним. В феврале 1917 г. общество одержало победу, но торжество продолжалось недолго. С октября 1917 г. начался новый цикл борьбы: сначала победило государство, потом общество и, наконец, в начале XXI в., появилась надежда, что между ними будет достигнут новый исторический компромисс.

В главе 8 «Государственность и государство» пересматривается утвердившийся в историографии тезис о неправовом характере российской государственности [Миронов, II, 2015: 345–686].

Проведенный анализ привел к выводу, что российская государственность в период империи сделала значительный прогресс — из абсолютной монархии начала XVIII в. она превратилась в де-юре правомерную монархию во второй четверти XIX в., в де-юре конституционную монархию в 1906 — феврале 1917 гг., в де-юре демократическую парламентскую республику в марте–октябре 1917 г. За 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла традиционное господство, до государства, которое осуществляло в основном легальное господство. В стране в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами — верховенством закона, административной юстицией и разделением властей, и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства. Каждая стадия в развитии российской государственности была необходима и целесообразна и соответствовала политическим представлениям населения определенной эпохи. Но после того когда принцип законности и правомерности управления был провозглашен официально, проведение его в жизнь, как показал опыт западноевропейских стран, требовало много времени и потому растягивалось на долгие годы.

В научной и популярной литературе, в массовом сознании широко распространено мнение, что сильное государственное вмешательство во

все сферы жизни служило главной помехой для успешного развития России, затрудняло проявление широкой общественной инициативы в политических и социальных вопросах, препятствовало модернизации и вестернизации. Приведу данные, которые показывают, что империя отнюдь не была сверхбюрократизирована. Напротив, она страдала от *недоуправления* вследствие дефицита административного ресурса, который приблизительно можно измерить числом чиновников, находившихся на государственной службе и связанных с управлением (их я буду также называть коронными чиновниками).

По числу коронных чиновников, т. е. государственных чиновников, или по степени бюрократического присутствия в повседневной жизни населения Московскую Русь и имперскую Россию, по крайней мере до середины XIX в., можно отнести к минималистскому государству — так называют в политологии государство, которое в своей политике руководствуется принципом «пусть все идет, как идет» («laissez faire, laissez passer») — иными словами, государственное вмешательство в экономику и дела общества минимально. Вот данные о изменении числа коронных чиновников в 1646–1915 гг. — за 269 лет (табл. 1).

Таблица 1

Численность чиновников (классных и канцеляристов) в Российской империи в 1646–1915 гг.

Годы	Чиновники			Чиновники, %		Население, млн	Число чиновников на 1000 человек населения		
	Класс.	Канц.	Итого	Класс.	Канц.		Класс.	Канц.	Итого
1646	887	753	1640	54	46	7,0	0,13	0,11	0,24
1698	3092	1890	4982	60	40	14,0	0,22	0,14	0,36
1726	954	2213	4550	21	49	16,3	0,14	0,14	0,28
1763	1344	4270	5614	24	76	23,5	0,06	0,18	0,24
1796	10000	—	—	—	—	38,2	0,26	—	—
1807	27500	—	—	—	—	41,3	0,67	—	—
1847	61500	35000	96500	64	36	68,1	0,90	0,52	1,42
1857	90200	32100	122300	74	26	73,8	1,22	0,44	1,66
1897	—	—	145200	—	—	126,7	—	—	1,15
1897–1900	—	—	151618	—	—	129,8	—	—	1,17
1901–1905	—	—	181502	—	—	140	—	—	1,30
1906–1910	—	—	192754	—	—	151,1	—	—	1,28

Годы	Чиновники			Чиновники, %		Население, млн	Число чиновников на 1000 человек населения		
	Класс.	Канц.	Итого	Класс.	Канц.		Класс.	Канц.	Итого
1911–1914	–	–	238 810	–	–	162,7	–	–	1,47
1914	–	–	241 932	–	–	165,7	–	–	1,46
1915	–	–	242 800	–	–	172,1	–	–	1,41

Источник: Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. С. 431.

Число чиновников увеличилось с 1,6 тыс. до 242 тыс.: в 1646 г. считывалось всего лишь 1640 чиновников, при Петре I — 4550, в конце царствования Николая I — 122 тыс. — на 74 млн населения, проживавшего на территории в 20 млн км!!! Как могла столь малочисленная бюрократия вмешиваться во все сферы повседневной жизни простых людей?!

Поскольку за эти годы территория страны увеличилась в 1,7 раза, а население — в 23,5 раза, необходимо взвесить число чиновников на население и территории. В табл. 2 показано изменение числа чиновников в России, Франции, Великобритании, Германии и Австро-Венгрии на 1000 жителей в XVI — начале XX в.

Таблица 2

Число чиновников в России, Франции, Великобритании, Германии и Австро-Венгрии на 1000 жителей в XVI — начале XX в.

	1560-е гг.	1665 г.	1750-е гг.	1800-е гг.	1910–1913 гг.
Франция	2,50	2,56	...	5,08	7,30
Великобритания	0,25	–	...	1,56	8,20
Германия	...	...	0,67	...	6,13
Австро-Венгрия	...	...	...	...	5,05
Россия	...	0,23	0,24	1,06	1,53
Франция — Россия		11,1		4,9	4,8

Источник: Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. С. 435.

По величине коронного административного аппарата Россия отставала от всех ведущих западноевропейских стран. Например, от Франции в 11 в 1665 г. и в 5 раз в XIX — начале XX в. Если мы взвесим число чиновников, кроме населения, также и на территории (табл. 2), то отставание

еще больше. Например, в 1910-е г. Россия отставала в 19 раз от Австро-Венгрии, в 43 раза от Франции и в 103 раза от Великобритании.

Слабость государственного аппарата вплоть до середины XIX в. не позволяла коронным властям осуществлять целенаправленное, рациональное, рассчитанное на перспективу реформирование страны и порождала практику управления, принимавшего во внимание текущие обстоятельства и сиюминутные насущные требования и потребности общества. Лишь с середины XIX в., когда аппарат был более или менее укомплектован достаточным числом образованных и компетентных чиновников и одновременно были созданы *также государством* эффективные органы общественного самоуправления в лице земств и городских дум, появилась реальная возможность модернизировать страну. Благодаря этому лишь за полвека страна достигла огромного прогресса, на достижение которого наиболее развитым европейским странам потребовались век-полтора.

Даже после Великих реформ, когда началось активное вмешательство государства во все сферы жизни населения, оно опиралось на органы самоуправления. Соотношение числа полицейских от короны и от крестьян (сотских и десятских) отражает распределение полицейских обязанностей между крестьянами и коронной властью. Напомню, что полицейские обязанности в то время были весьма широкими и распространялись на хозяйственную деятельность, финансы и другие сферы повседневной жизни. Данные таблицы показывают ведущую роль самоуправления в делах повседневной жизни крестьянства (см. табл. 3).

Таблица 3

Сельская полиция в 46 губерниях Европейской России 1880, 1888 и 1904 гг.

	1880 г.	1888 г.	1904 г.
Число уездов	471	471	471
Сельское население, млн	63,2	70,8	89,8
Число сельских обществ, тыс.	120,7	115,4	105,5
Территория, тыс. кв. км	4768	4768	4768
Число коронных полицейских	6866	7003	7212
Число десятских и сотских (крестьянских полицейских)	531 900	402 500	–
Число сотских и десятских на 1 коронного полицейского	77,7	57,6	...

	1880 г.	1888 г.	1904 г.
Число сельских обществ на 1 коронного полицейского	18	17	15
Число крестьян на 1 коронного полицейского, тыс.	9,2	10,1	12,5
Число кв. км на 1 коронного полицейского	696	683	663

Источник: Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 2. С. 450.

В 1880 г. на территории в 4,8 млн км с населением в 63,2 млн считывалось лишь около 7 тыс. коронных полицейских и 532 тыс. сотских и десятских — в 78 раз больше, чем коронных. Один коронный полицейский контролировал в среднем 78 десятских и сотских, 18 сельских обществ, которые включали 72 населенных пункта, 9,2 тыс. крестьян и 696 км территории. При отсутствии телефона, телеграфа, Интернета и при том, что большая часть представителей сельского самоуправления была неграмотной, очевидно, что вся нагрузка по поддержанию общественного порядка лежала на самих крестьянах.

На мой взгляд, разговоры о полицейском характере якобы сверхбюрократического российского государства в любой период его истории до 1917 г. не имеют под собой серьезного основания. В действительности коронная полиция, как и коронная администрация, была малочисленной. Она справлялась со стоящими перед ней задачами только благодаря органам самоуправления. Все другие сферы крестьянской жизни — экономика, право и суд, культура, социальные отношения, социальное обеспечение и т. д. — также управлялись главным образом самими крестьянами.

Последствия коронного недоуправления были многообразными и серьезными. Среди них особое значение имели:

1. Принцип управления «пусть все идет, как идет».
2. Сильное самоуправление.
3. Церковь как соучастник государственного управления и связующее звено между властями и народом.
4. Крепостное право и коллективная ответственность.
5. Трудности реформирования и проведения целенаправленной и рациональной правительственной политики.
6. Отсутствие взаимодействия и взаимопонимания между верхами и низами, отношения между которыми часто напоминали игру в «Испорченный телефон».

В главе 9 «Общество, государство, общественное мнение» внимание сконцентрировано на взаимодействии общества и государства и роли об-

щества и общественности в определении государственной политики [Миронов, II, 2015: 687–890].

Проведенный анализ приводит к выводу: соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, долгое время обеспечивало социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике и долгую жизнь самодержавию. Отношение верховной власти к общественности (тем социальным группам населения, общественные и сословные организации которых оказывали наиболее существенное влияние на правительственную политику) и, наоборот, общественности к верховной власти со временем изменялось. Соотношение сил между государством и общественностью изменялось параллельно с изменением силы органов государственной власти и общественного самоуправления: до 1861 г. сила коронной администрации росла, после Великих реформ — снижалась. Схематично можно сказать: до конца XVII в. власть видела в общественности помощника, советника и слугу; с начала XVIII в. и до конца 1850-х гг. общество (все население государства) являлось объектом управления и попечительства, а общественность служила как бы связующим звеном между государством и обществом. До начала XX в. власть рассматривала общественность как младшего партнера, а после Первой русской революции — как соперника и конкурента за власть. До 1880-х гг. общественность чаще всего соглашалась с ролью, которая ей отводилась. Примерно с середины 1890-х гг. общественность стала претендовать на равное партнерство с верховной властью и, не добившись этого, начала рассматривать самодержавие как своего врага. После 1906 г., разделив власть с императором, общественность взяла курс на установление своего полного господства над государством и в феврале 1917 г. добилась этого. Однако нельзя всех представителей образованного общества относить к врагам существовавшего политического строя: среди общественности имелось немало лиц и в стране действовало много добровольных ассоциаций, сотрудничавших с государственными структурами.

В момент генезиса гражданского общества в последней трети XVIII в. общественность представляла собой узкий, привилегированный слой населения. К началу XX в. она расширила свои социальные границы до всего народа, который после длительного перерыва возвратился к государственной жизни. Автор считает, что общественность всегда была в состоянии диалога с верховной властью и с большим или меньшим успехом влияла на его политику. Благодаря этому в целом, хотя и не всегда, правительство проводило сбалансированную политику. В XVIII в. Россия не превратилась наподобие Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. в страну дворянской анархии, в первой половине XIX в. не стала страной, управляе-

мой помещиками-крепостниками, а в пореформенное время не была принесена в жертву интересам дворян и крупной буржуазии. Именно соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, обеспечило социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике и долгую жизнь самодержавию. Не только инстинкт самосохранения, но взаимодействие с обществом позволяло верховной власти следовать этому курсу, т. к. случавшиеся от него отклонения наказывались и пресекались обществом.

Сотрудничеству между властью и общественностью мешало нетерпение радикального крыла интеллигенции, не умевшей и не желавшей настойчиво и терпеливо трудиться над решением «больных вопросов» и считавшей, что только самодержавие сдерживало прогресс страны. Террор, развязанный в России революционерами в 1860-е гг. и продолжавшийся до 1917 г. (от него только за 1901–1911 гг. пострадали приблизительно 17 тыс. человек; среди них около половины были государственными служащими), моральная и материальная поддержка, которую террор получал со стороны либеральной общественности (террористов прятали, финансировали, защищали на политических процессах и т. п.; либералы отказались осудить терроризм с трибуны Государственной думы), не способствовали взаимопониманию. Тем более что террористическая борьба, сопутствующая массовому движению, с ослаблением такового перерождается в преимущественно уголовное движение. Однако вина за отсутствие взаимопонимания лежала также и на правительстве, часто без достаточных оснований не доверявшего общественности. На это в 1905 г. указали Николаю II шесть патриархов российской бюрократии, полагавшие, что привлечение «общественников» во власть разумно и менее опасно, чем развитие событий по революционному сценарию.

Политическая модернизация России к 1917 г. в период империи не завершилась: общество и государство не приобрели способность разрешать любые проблемы мирным путем, с помощью компромисса находить консенсус и приспособляться к изменяющимся условиям жизни. Главная причина этого состояла в борьбе за власть. Изменение соотношения сил в пользу общественности вызвало, с одной стороны, опасение коронной бюрократии потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой — требование общественности, чтобы император и правительство поделились с ней властью пропорционально фактическому соотношению сил.

В главе 10 «**Право и суд, преступления и наказания**» я ищу ответы на чрезвычайно важные вопросы: насколько успешно выполняло свои функции уголовное и гражданское право в императорской России, спра-

ведлив ли был суд, удовлетворены ли были подсудимые его приговорами? С этой целью изучаются история судебных и пенитенциарных учреждений, процессуального и уголовного права (официального и обычного), анализируется преступность, оценивается скорость и эффективность судебных приговоров [Миронов, III, 2015: 9–166].

Приведенные в монографии данные приводят к заключению: в имперский период все отрасли официального права в России развивались параллельно в направлении установления господства закона, отделения судебной власти от административной, признания за каждым человеком, независимо от пола возраста и социального положения, равного права на судебную защиту. Понятия уголовного права постоянно совершенствовались, все глубже постигая и учитывая природу человека и отклоняющегося поведения. Развитие гражданского права увеличивало полномочия отдельного лица в сфере гражданско-правовых сделок до предельно возможной степени. Совершенствовался процесс. На смену обвинительной модели пришла розыскная, а она, в свою очередь, была заменена смешанным процессом. В отличие от распространенной в историографии точки зрения, розыскной процесс, на мой взгляд, при всех его недостатках был шагом вперед по сравнению с обвинительным процессом: именно он позволил вывести тяжкие уголовные преступления из сферы обычного права и подчинить их закону и изменить представление о преступлении как о частном деле в представление об антиобщественном деянии; огосударствление суда унифицировало правовые представления и сам суд на всей территории страны и способствовало централизации государства. Суд достиг значительного уровня справедливости уже в царствование Николая I, а после судебной реформы 1864 г. массовые жалобы на коррупцию, волокиту и вообще на несправедливость в судах прекратились. Во всех сферах жизни утверждался закон, который в ходе Великих реформ 1860–1870-х гг. одержал победу в городе и медленно, но верно вытеснял обычное право в деревне. Шаг за шагом изменения в праве приводили к росту гражданских прав населения. Свобода, однако, открывала двери не только самостоятельности и инициативе в рамках закона, но и отклоняющемуся от правовых норм поведению; и чем больше было свободы и чем быстрее увеличивались права человека, тем больше появлялось людей, отклоняющихся от общественных норм. Личная свобода, полученная в результате Великих реформ, дорого обошлась обществу — она привела почти к четырехкратному росту преступности.

До конца XVII в. все социальные группы русского общества жили в одном правовом пространстве. Но начиная с XVIII в. по мере развития нового законодательства город и деревня в правовом отношении стали расходиться и постепенно возник так называемый юридический плюрализм: в пределах

одного государства стали одновременно действовать две системы права, каждая из которых представляла собой достаточно своеобразный комплекс норм и институтов. Своей критической отметки различие между ними достигло к концу XIX в. Расхождения между официальным и обычным правом в пореформенное время, когда сельская и городская миграция быстро возрастала, стали источником когнитивных диссонансов и мотивационных противоречий в правосознании крестьян, попавших в город, и горожан, приехавших в деревню, что способствовало росту девиантного поведения, в том числе и преступности. Осознав в начале XX в. опасность крестьянской правовой обособленности, правительство решило ее ликвидировать и восстановить единое правовое пространство в России. Но до начала Первой мировой войны оставалось слишком мало времени, чтобы органически включить крестьян в общий правопорядок государства, что сказалось во время революционных событий в 1917 г.

В XIX–XX вв., как и всюду в мире, в России наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности, который шел параллельно с предоставленной человеку гражданской и политической свободой и с ослаблением контроля над ним со стороны социальных групп, в которые он входил. Обретение большинством населения с 1860-х гг. гражданской, а с 1906 г. и политической свободы привело к четырехкратному росту преступности. Издержки полученной свободы были велики, но, как показывает опыт всех стран, неизбежны. Повышение преступности происходило скачками — в годы войны, либеральных реформ и революций она резко повышалась вследствие увеличения свободы и ослабления социального контроля, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла вследствие усиления социального контроля.

В главе 11 «Уровень жизни» впервые в историографии построены индексы потребительских цен, номинального и реального жалования чиновников, офицеров, зарплаты рабочих и доходов духовенства за 200 лет [Миронов, III, 2015: 167–370]. Это позволило оценить их реальные доходы, претерпевшие в период империи вследствие галопирующей инфляции драматические изменения (табл. 4).

Таблица 4

Реальное жалование и столовые чиновников и офицеров высших, средних и низших рангов в 1764–1900-е гг. (руб. в год, в ценах 1913 г.)

Классы	1760-е гг.	1790-е гг.	1810-е гг.	1830-е гг.	1860-е гг.	1880-е гг.	1900-е гг.
Чиновники							
IV	14621	6212	1939	2190	5747	6940	10915

Классы	1760-е гг.	1790-е гг.	1810-е гг.	1830-е гг.	1860-е гг.	1880-е гг.	1900-е гг.
V–VIII	4386	1920	727	821	2759	3545	4645
IX–XIV	1570	676	230	260	580	979	1391
Среднее жалование всех чиновников	2180	943	331	374	1002	1474	2039
Индекс (1760-е гг. = 100)	100	43	15	17	46	68	94
Офицеры							
IV	7584	3233	1747	3459	3879	5636	5784
V–VIII	1808	890	724	1490	2234	2698	3712
IX–XIV	550	353	266	526	749	892	1405
Среднее жалование всех офицеров	1014	548	397	793	1119	1360	1946
Индекс (1760-е гг. = 100)	100	54	39	78	110	134	192
Различия вкладах офицеров и чиновников (офицеры = 100)							
IV	193	192	111	63	148	123	189
V–VIII	243	216	100	55	124	131	125
IX–XIV	285	192	86	49	77	110	99
Среднее жалование	215	172	83	47	90	108	105

Источник: Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 3. С. 231.

В XVII — начале XVIII в. период империи чиновники в основном «кормились от дел» (за счет «почестей», «поминок» или платы за работу от просителей). Петр I попытался ввести фиксированное жалование. Но после его смерти, вследствие финансовых трудностей, денежное жалование для большинства чиновников было отменено, произошло формальное возвращение к принципу «кормление от дел», и оно существовало до 1763 г. Екатерина II при введении денежного содержания выс-

шим чинам установила высокое жалование, средним чинам — приличное и низшим — достаточное. Благополучие, однако, продолжалось недолго. Рост цен и инфляция подрывали благосостояние, потому что жалование номинально не изменялось до 1845 г. В низшей точке, в 1810-е гг., покупательная способность жалования снизилась почти в 6 раз сравнительно с начальным уровнем. У средних и мелких чиновников не хватало средств даже для удовлетворения насущных потребностей, а у канцелярских служащих реальное жалование упало до нищенского уровня. Очевидный дефицит удовлетворялся за счет кормления от дел, которое в новых условиях приняло форму *взятки, подарков и подношений*. Они и в последней трети XVIII в. не выходили совсем из употребления, но в первой половине XIX в. снова стали нормой, правда не формально-правовой, а нормой повседневной жизни. По отзывам современников, взятки с точки зрения чиновной морали являлись обычным явлением и не встречали осуждения окружающих. Правительство, включая императора, эту печальную необходимость осознавало, чем объяснялась снисходительность в отношении к взяточникам. Во второй четверти XIX в. финансовая система укрепилась, курс рубля и цены на товары и услуги стабилизировались, падение покупательной способности жалования прекратилось. Одновременно правительство примерно раз в 20 лет стало повышать оклады.

В результате всех пертурбаций в начале XX в. годовое содержание бюрократии по своей покупательной способности приблизилось к начальному уровню 1763 г. При этом у гражданского генералитета реальное жалование понизилось на треть, у младших чиновников (военный эквивалент — обер-офицерских чинов) — на 13%, а у средних (в штаб-офицерских чинах) на 6% возросло, т. е. практически осталось на начальном уровне. Это все, что могло сделать правительство для бюрократии — на большее средства отсутствовали.

Динамика реального жалования офицеров была аналогичной с чиновниками. Существенное отличие состояло в том, что правительство быстрее и адекватнее реагировало на его снижение путем повышения окладов. Однако в 1810-е гг. и покупательная способность офицерского жалования упала почти в 3 раза. Но благодаря повышению окладов в последующие годы, в начале XX в. (1900-е гг.) жалование офицеров выросло почти в 2 раза сравнительно с уровнем 1760-х гг. Верховная власть заботилась об офицерах больше, чем о бюрократии. Она прекрасно понимала, что недовольный офицерский корпус представлял несравненно большую опасность, чем обиженная бюрократия: он мог устроить государственный переворот, понизить боеспособность армии, не поддерживать власть в случае внутренних беспорядков.

Неустойчивость реального жалования офицеров в отдельные периоды стимулировала их поиски различных видов альтернативных доходов, которые получили название «безгрешных доходов». В армии командиры подразделений, начиная с командира роты, имевшие самостоятельные хозяйственные функции (покупка лошадей и продовольствия, строительство казарм, устройство на работу солдат в частный сектор и т. п.), имели возможности выгадывать на всякого рода военно-хозяйственных операциях. В некоторых случаях подобная деятельность принимала криминальный характер, но чаще всего ограничивалось более эффективным использованием отпускаемых от казны средств, экономия от которого и шла в пользу командиров. Это было почти законным, во всяком случае, начальники смотрели на это сквозь пальцы. В конце XVIII — первой половине XIX в. считалось, что должность командира полка приносила доход, примерно равный доходу от поместья в 1000 душ. Безгрешные доходы после военной реформы 1874 г. уменьшились, но оставались значительными. К сожалению, учесть их величину невозможно.

Что касается духовенства, то его материальное положение в период империи систематически и существенно улучшалось (табл. 5). В среднем для всех категорий духовенства реальные доходы возросли в 7 раз. Доходы священнослужителей приблизились к заработкам людей умственного труда — младших офицеров и чиновников, учителей школ. Церковнослужители имели более скромный достаток, но все же, как минимум, выше среднего уровня сельского и городского населения.

Таблица 5

Заработная плата у рабочих, содержание (денежное жалование и столовые) у чиновников и офицеров и доходы духовенства в 1760–1900-е гг. (руб., в среднем в год, в ценах 1913 г.)

Показатели	1760-е гг.	1790-е гг.	1800-е гг.	1810-е гг.	1830-е гг.	1850-е гг.	1860-е гг.	1900-е гг.
Годовая заработная плата промышленного рабочего мужского пола	160	213	243	286	326	345	300	318
Годовая оплата петербургского плотника (за 240 рабочих дней)	142	188	215	253	288	305	265	281

Показатели	1760-е	1790-е	1800-е	1810-е	1830-е	1850-е	1860-е	1900-е
	гг.	гг.	гг.	гг.	гг.	гг.	гг.	гг.
Годовое жалование поручика	521	298	272	251	514	561	727	995
Годовое жалование прапорщика	416	246	226	197	360	408	455	936
Годовое жалование чиновника XII–XIII классов	1300	552	397	172	195	283	559	1390
Годовое жалование канцелярских служащих	542	236	199	86	97	132	182	307
Годовой доход священника	180	191	267	–	–	–	588	1242
Годовой доход дьякона	120	127	178	–	–	–	392	828
Годовой доход церковнослужителя	60	64	89	–	–	–	196	414

Источник: Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 3. С. 264.

Уровень жизни у различных социально-профессиональных групп в период империи изменялся по-разному и конечные итоги оказались различными. У чиновников высшая точка в оплате труда была пройдена в 1760-е гг., у рабочих — в 1850-е гг., те и другие в 1913 г. лишь вернулись к высшему уровню, который у них был прежде. Доходы крестьянства, духовенства и жалование офицеров достигли максимального уровня в начале XX в. (1900-е гг.) Двукратный рост содержания офицерам и семикратный рост доходов духовенства лишь уравнивал их с чиновниками, в то время как доходы крестьян выросли в 2 раза. Словом, правящие верхи как-то слабо, не по-марксистски, эксплуатировали крестьян и рабочих, вследствие чего различия в доходах у всех нивелировались, а не возрастали.

В целом XVIII в. отмечен понижением уровня жизни у преобладающего большинства россиян, в том числе и у крестьян, хотя оно происходило не линейно, а чередовалось с периодами роста благосостояния. Ценой снижения личного потребления, предназначенного для удовлетворения базисных потребностей большинства населения, Россия получила средства для расширения и укрепления своих границ и становления ве-

ликой державы в военно-политическом отношении. За величие пришлось заплатить высокую цену — снижением уровня жизни народа. Однако, выйдя на берега Балтийского и Черного морей, приобретя значительные территории и укрепив за собой все колонизованные прежде, Россия, несомненно, увеличила свое национальное богатство за счет природного капитала, который принес дивиденды, правда, будущим поколениям. Без статуса великой державы, без мощной армии и флота Россия не смогла бы ни приобрести, ни удержать за собой свои огромные природные ресурсы.

Период с конца XVIII в. и до начала Первой мировой войны отмечен положительной в целом динамикой уровня жизни большинства населения, включая крестьян и низшие слои горожан. Позитивная тенденция действовала как до, так и после Великих реформ и временами (в годы экономических кризисов, крупных неурожаев и войн) нарушалась. Позитивный тренд объяснялся рядом факторов: 1) возрастанием душевого производства основных продуктов питания как до, так и особенно после Великих реформ; 2) повышением доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия, особенно в пореформенное время; 3) уменьшением реальной тяжести налогов и повинностей, особенно существенным после Великих реформ (в России норма обложения была весьма умеренной — ниже, чем в большинстве развитых стран); 4) увеличением хлебных цен в условиях стабильности денежного обращения начиная с 1815 г.; 5) огромным положительным экономическим эффектом от смещения населения на юг благодаря более мягкому климату и высокому плодородию почвы, экономии на одежде, жилище и питании, прекращению набегов крымских татар, захватывавших в плен тысячи российских подданных; 6) экономической политикой правительства, способствовавшей не только интенсивному экономическому развитию России, но и повышению благосостояния народа; 7) повышением грамотности и общей культуры населения.

Важное место в монографии занимает глава 12 «Русская культура в коллективных представлениях». Центральное место в ней занимают три сюжета — массовые представления различных социальных групп на ключевые вопросы жизни, трудовая этика и культурный капитал [Миронов, III, 2015: 371–590]. Остановлюсь на третьей проблеме.

Есть разные измерители величины человеческого капитала, наиболее простой — уровень грамотности. В табл. 6 показана динамика грамотности россиян от X — середины XIII в. до настоящего. Как видим, в течение почти восьми столетий, с X до конца XVIII в., грамотность выросла всего на 3% — с 1 до 4%. В XIX в. грамотность стала расти быстрее. Но к 1917 г. составила лишь 43% — 58% у мужчин и 29% у женщин.

На Западе грамотность и уровень образования до середины XX в. были значительно выше.

Таблица 6

Развитие грамотности в России в XIII–XX вв.
(% грамотных в возрасте 10 лет и старше)

Период	Сельское население			Городское население			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
X — середина XIII в.	2–3	—	1–1,5	12–13	—	6–7	2–3	—	1–1,5
Конец XVII в.	4	—	2	13–14	—	8–9	4–5	—	2–2,5
1797 г.	5	2	3,5	21	5	13	6	2	4
1847 г.	15	8	11	45	24	35	18	9	13
1897 г.	35,5	12,5	23,8	66,1	45,7	57,0	40,3	16,6	28,4
1917 г.	—	—	—	—	—	—	58	29	43
1920 г.	52,4	25,2	37,8	80,7	66,7	73,5	57,6	32,3	44,1
1926 г.	67,3	35,4	50,6	88,0	73,9	80,9	71,5	42,7	56,6
1939 г.	91,6	76,8	84,0	97,1	90,7	93,8	93,5	81,6	87,4
1959 г.	99,1	97,5	98,2	99,5	98,1	98,7	99,3	97,8	98,5
1970 г.	99,6	99,4	99,5	99,9	99,8	99,8	99,8	99,7	99,7
1979 г.	99,6	99,5	99,6	99,9	99,9	99,9	99,8	99,8	99,8
2002 г.	99,4	98,3	98,8	99,9	99,6	99,7	99,7	99,3	99,5
2010 г.	—	—	—	—	—	—	99,8	99,6	99,7

Источник: Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 3. С. 488.

Приведенные данные о грамотности отражают динамику умения читать и писать, но не показывают изменение уровня знаний: подавляющее число грамотных до 1926 г. обладало элементарной грамотностью, а с конца 1920-х гг. значительное, а с 1970 г. преобладающее число людей имело полное и неполное среднее образование и значительное число — высшее. При сравнении данных о грамотности за разные годы мы по необходимости уравниваем тех, кто умел только читать, с теми, кто приобрел более обширные знания и навыки в начальной, средней и высшей

школе. Поэтому для более адекватной оценки изменений в человеческом капитале используем более эластичный показатель — среднее число лет обучения каждого гражданина (табл. 7).

Таблица 7

Среднее число лет обучения одного человека в возрасте 10 лет и старше за счет всех видов образования в 1797–2010 гг.

1797 г.	1807 г.	1817 г.	1827 г.	1837 г.	1847 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.
0,127	0,148	0,179	0,222	0,270	0,320	0,367	0,435	0,516	0,592	0,762
1907 г.	1917 г.	1927 г.	1937 г.	1947 г.	1957 г.	1967 г.	1977 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
0,930	1,112	1,502	3,376	5,442	6,048	6,974	7,861	8,833	9,770	10,100

Источник: Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 3. С. 489.

Основываясь на приведенных данных, можно сказать, что в 1797 г. средний россиянин провел за партой 46 дней, в 2010 г.— 3686 дней или в 80 раз больше времени, чем 300 лет назад и, следовательно, объем его знаний тоже увеличился примерно в 80 раз.

Безграмотность подавляющего большинства населения страны, существовавшая в течение нескольких веков, имела серьезные последствия. Обычно они сводятся к тому, что безграмотность, закрывая доступ к книге и любой печатной продукции, препятствовала человеку приобщиться к сокровищнице мысли и знания, созданной человечеством. Но это слишком узкий взгляд. Грамотность и как умение читать и писать, и как сумма знаний оказывает более существенное воздействие на личность, ее внутренний мир, самосознание и познавательные процессы.

Само по себе развитие навыков чтения, письма и счета повышает на порядок умственные способности человека, в особенности ребенка, обладающего пластичной психикой и способностью легко усваивать новые образцы мышления. Без освоения навыков чтения, письма и счета способность абстрактно мыслить вовсе не появляется. Абстрактное мышление и способности совершать формальные логические операции приобретаются не тотчас после того, как человек научится читать, писать и считать, а после длительного школьного обучения. Именно образование делает мышление более богатым, содержательным, общим, более абстрактным, дисциплинированным и застрахованным от ошибок.

Известный швейцарский психолог Жан Пиаже (1896—1980) установил, что современный европеец в своем интеллектуальном, или когнитивном, развитии проходит четыре качественно различные стадии. Они последовательно сменяют друг друга, и каждая из них опирается на достижения предыдущих: 1) сенсомоторная стадия, 2) дооперационная стадия, 3) стадия конкретных операций, 4) стадия формальных операций. Только на четвертой стадии человек овладевает абстрактным мышлением, благодаря чему может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях — что могло бы быть. Но четвертая стадия появляется не стихийно, а в результате продолжительного и систематического школьного обучения. Она вовсе не появляется или появляется в ограниченной степени у людей бесписьменных культур, в медленно развивающихся традиционных обществах и у неграмотных и малограмотных людей письменных цивилизаций. Например, в США даже в последней трети XX в. до 30 % людей не достигали стадии формальных операций.

Появление абстрактного мышления, в свою очередь, развивает такие умения человека, как самоконтроль и саморегуляция, способность размышлять о мыслительных процессах своих и других людей, заниматься самоанализом и самокритикой, анализировать свои поступки в прошлом, связывать их с реальностью настоящего и мысленно переноситься в собственное будущее, рассуждать на высоком моральном уровне. Социальные психологи установили: малообразованные люди легче поддаются внушению и манипулированию. Малообразованный человек легче подчиняется авторитетам; мыслит стереотипами; навязываемые ему стереотипы усваивает бессознательно, без размышления и очень прочно. Благодаря этому сообщество малограмотных людей, с одной стороны, твердо поддерживает традиции и существующий общественный порядок, с другой — легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что повышает вероятность манипулирования. Это классически проявилось во время революции 1917 г.

В начале XX в. образованные люди, имевшие дело с малограмотными рабочими и крестьянами, отмечали конкретно-образный стиль их мышления, низкую способность к обобщениям и абстрактному мышлению. Например, малограмотные понимали самодержавие как производол администрации, а не как государственное устройство; их патриотизм воплощался не в идеале русской нации или российского государства, а в конкретном понимании «родины» как родного и знакомого места, по которому они испытывали ностальгические чувства. Нередко революционеры включали в прошения, петиции и указы рабочих, солдат и крестьян политические требования, которые они либо вовсе не пони-

мали, либо не видели в них революционного характера. Например, в петицию 9 января 1905 г., с которой петербургские рабочие шли к царю, Георгий А. Гапон под давлением социал-демократов и эсеров без проблем включил политические требования, в принципе исключавшие саму возможность принятия петиции царем — созыв Учредительного собрания, политические свободы и даже отделение церкви от государства, о чем рабочие не имели понятия.

Исторический взгляд на познавательные процессы, внутренний мир и самосознание позволяет многое понять в поведении крестьян и рабочих, в том числе в политическом поведении, что сделано в специальном разделе книги.

В главе 13 «Итоги развития России в период империи» подводятся итоги всему исследованию, проводится сравнение развития Запада и России, устанавливается преемственность между имперской и советской модернизацией [Миронов, III, 2015: 591—710].

По моему мнению, в России в императорский период в целом успешно происходила модернизация: во-первых, люди приобретали личные и гражданские права, человек становился автономным от коллектива — будь то семья, община или другая корпорация и как бы самодостаточным, иными словами, приобрел ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей; во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей; в-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость и самодостаточность, все больше включались в большое общество и систему государственного управления; в четвертых, корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления; в-пятых, по мере постепенного признания субъективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления — государство становилось правовым; в-шестых, наблюдались экономический рост и повышение уровня жизни. Словом, суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в том, что происходил генезис личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства на фоне роста эффективности производства и благосостояния населения. В ходе ее городские и сельские обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались из подданных в граждан.

Итоги социального развития имперской период свидетельствуют о том, что в социальном, культурном, экономическом и политическом от-

ношениях Россия в принципе изменялась в тех же направлениях, как и другие европейские страны. Конвергенция — главная тенденция развития Европы в XVIII—XX вв., в последние десятилетия XX в. трансформировалась в глобализацию мирового масштаба, в которую Россия была также вовлечена. Это не должно вызывать удивления. Основы российской государственности, общественного быта и культуры имеют европейское происхождение: они были заложены в Киевский период и связаны с византийским наследством, принятием христианства, приходом письменности. И в исторической перспективе Россия переживала почти все те же процессы, развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием. Россия — страна другого часового пояса. Такая интерпретация ее истории адекватнее и политически корректнее передает суть ее «оставания» от западноевропейских стран, где солнце христианской цивилизации взошло на несколько столетий раньше, чем в России. Существующие в литературе образы России и Запада — это идеальные типы, а не подлинные Россия и Запад. Реальные Россия и Запад весьма отдаленно похожи на их идеальные типы — как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию.

Часто говорят, что история никого не учит, потому что люди не хотят учиться у истории. Сомневаюсь в правильности этой максимы. На мой взгляд, уроки истории тщательно изучаются, их знают и используют. К сожалению, ситуации никогда в точности не повторяются, поэтому мало историю знать, надо извлекать уроки и умело применять полученные знания к новым обстоятельствам. В «Заключении» [Миронов, III, 2015: 711–748] я попытался сформулировать, чему может научить нас история имперской России.

Монография включает также статистическое приложение «Основные показатели развития России сравнительно с другими странами в XIX—XX вв.» [Миронов, III, 2015: 749–801], хронологию основных событий социальной истории России периода империи [Миронов, III, 2015: 807–840], список использованных источников, указатель имен, предметный указатель, список таблиц и иллюстраций.

Литература

Миронов Б.Н. (2014–2015) Российская империя: от традиции к модерну. [Russian Empire: from tradition to modernity] СПб.: Дм. Буланин. Т. 1–3.

Mironov B.N. (2014–2015) Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. SPb.: Dm. Bulanin. T. 1–3.

The Russian Empire on the Way to Modernity (by Mironov B.N.).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА в 1920-е гг.¹

Долгова Евгения Андреевна

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. В статье исследуется проблема дифференциации отечественного научного сообщества в 1920-е гг. Автор рассматривает действующее в условиях отмены ученых степеней и званий деление ученых на квалификационные на разряды и категории, обращается к анализу различия их социально-бытовых условий жизни. В результате делается вывод, что научное сообщество в 1920-е гг. представляло собой иерархическую систему. Безусловную важность при определении позиции в ней имел дореволюционный авторитет ученого и его положение в системе научных взаимосвязей. При этом именно на эту группу распространялись юридически закрепленные льготы и привилегии научных работников и именно эти научные работники — при определенном взаимодействии с властью, наличии контактов и знакомств во властных структурах — имели возможность их реализовать. С другой стороны, в условиях упразднения системы дореволюционных степеней и званий возможность занятия статусной позиции появилась у вновь выдвинувшихся научных работников, порой даже не обладающих соответствующими квалификационными характеристиками. Не попавшие же в квоты высших разрядов и категорий научные работники по факту не могли воспользоваться ни декларируемыми привилегиями и льготами, ни дополнительными финансовыми преимуществами.

Ключевые слова: история науки, научное сообщество, социальный статус, привилегии, дифференцированный доступ.

1920-е гг. в истории науки нередко рассматриваются как период социальных и экономических лишений, особенно тяжким бременем легших на представителей научного сообщества, часть из которых попала под категорию «бывших». Но если в период Гражданской войны и Военного коммунизма эта точка зрения находит документальное обоснование, кроме, на наш взгляд, несколько преувеличенного субъективного внимания исследователей исключительно к судьбам ученых², то применительно к периоду НЭПа она должна быть скорректирована. Докумен-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, а2 № 16-31-01079.

² Необходимо учитывать, что положение ученых не было исключительным. О трудностях жизни в период Гражданской войны и Военного коммунизма, например, см.: [Ходяков, 2000].

ты показывают иную картину, а именно — с одной стороны, роста социального и экономического статуса ученых по сравнению с другими группами населения; с другой стороны — расслоения и размежевания в самой научной среде.

Расслоение научного сообщества в годы Гражданской войны и Военного коммунизма оказалось тесно увязано с принципом экономического и бытового дифференцирования ученых. Так, еще 19 февраля 1919 г. было издано постановление Совета Комиссаров СКСО о предоставлении 100 петроградским ученым т. н. «красноармейского пайка». Выбрать 100 кандидатур для получения лишнего довольствия предлагалось «совещанию ученых деятелей всех отраслей» под руководством президента Российской Академии наук А. П. Карпинского [Организация науки..., 1968: 339; ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 37. Л. 77–81 об.]. С конца декабря 1919 г. (после принятия декрета «Об улучшении положения научных специалистов») список оказался расширен до 500 фамилий научных работников [Организация науки..., 1968: 340]. С мая 1920 г. число пайков было увеличено до 2000 [Там же, 341]. 6 декабря 1921 г. был издан декрет СНК «Об улучшении быта ученых», согласно которому «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению» увеличилось до 7000 человек». К концу 1922 г. общее число академических пайков достигло 15 594, кроме самих ученых он был распространен на членов их семей [Там же, 345].

Для того чтобы упорядочить систему академического обеспечения, с декабря 1921 г. научных работников разделили на 5 разрядов: к 5-му разряду относились «ученые мирового значения, а равно крупнейшие представители данной науки», к 4-му — «выдающиеся ученые, являющиеся инициаторами или виднейшими представителями в России крупных ученых направлений и школ и могущие указать ряд самостоятельных научных работников как своих учеников», к 3-му — «крупные ученые с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных работ, могущие руководить подготовкой научных специалистов»; к 2-му — «самостоятельные преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений, вполне подготовленные к выполняемой ими работе, имеющие научные и научно-учебные труды»; к 1-му — «начинающие молодые ученые, имеющие научный стаж в виде хотя бы одной совершенно самостоятельной научной работы» [Год работы..., 1922: 104]. Разумеется, и распределение благ между квалификационными разрядами было различным. Так, наиболее показательна разница по денежному обеспечению: например, за 1922 г. в Петрограде «одному лицу» было выдано: 1-го разряда — 28 500 денежных знаков, 2-го — 42 750 денежных знаков, 3-го —

71 250 денежных знаков, 4-го — 127 500 денежных знаков, 5-го — 171 250 денежных знаков [Краткий обзор..., 1923: 9]. В мае 1923 г. денежная часть академического обеспечения была повышена до следующих размеров: 1-й разряд — 300 руб., 2-й разряд — 450 руб., 3-й разряд — 750 руб., 4-й разряд — 1250 руб., 5-й разряд — 1500 руб. [ЦГА СПб. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 434. Л. 14].

Следует отметить, что система ограничений на получение дополнительного академического обеспечения, вероятно, стала ответом на экстенсивное «разбухание» штатов научно-исследовательских учреждений в годы Гражданской войны, когда в условиях отмены научных степеней и званий на получение «научного пайка» мог претендовать практически любой грамотный [Колчинский, 2003: 405]. Однако не удалось избежать и огрехов. Как отмечает Э. И. Колчинский, «за исключением I категории, куда были отнесены начинающие научные работники, и V, где числились академики, принадлежность к другим определялась достаточно субъективно. В одной группе могли быть и выдающиеся ученые, и крупные администраторы, и просто ловкие карьеристы и пройдохи» [Там же, 418]. Отмечался и региональный дисбаланс — конкуренция в Петрограде, где по Уставу Императорской академии наук должны были проживать академики, была выше; с другой стороны, по воспоминаниям В. П. Семенова-Тян-Шанского, «Москва и провинция из кожи вон лезли, чтобы повышать всеми правдами и неправдами категорию своих научных работников» [Семенов-Тян-Шанский, 1992: 411]. Однако цифры немного корректируют эмоции личных воспоминаний. По данным Э. И. Колчинского, научный паек в Петрограде получали 2500, в Москве — 1930, во всех остальных городах — только 631 человек [Колчинский, 2003: 419], а по обнаруженной нами в фонде С. Ф. Платонова справке ПетроКУБУ «о количестве ученых, зачисленных в разряды» их число только в Петрограде составило около 2800: к 5-му разряду было отнесено 29 ученых Петрограда при норме в 25, к 4-му — 95 ученых при норме в 90, к 3-му — 496 ученых при норме в 500; к 2-му — 1325 ученых при норме в 1500; к 2-му — 866 ученых при норме в 600 [ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1051. Л. 1]. В Москве, вероятнее всего, наблюдалась схожая картина. Составители списков блюли интересы вверенных им местных научных работников и нередко шли на превышение контрольных цифр, однако осуществлялось это за счет квот других регионов (это подтверждают и цифры О. А. Хабибрахмановой применительно к Казани [Хабибрахманова, 2010: 121]). Региональные отличия наблюдались, например, и в том, что научные работники Москвы и Ленинграда сверх продовольственного пайка получали также дополнительное вещевое довольствие (1 зимнее пальто, 1 шапка, 3 смены белья, отрез на костюм).

Важно отметить еще один фактор — ни при распределении научных работников по разрядам местными комиссиями по улучшению быта ученых, ни при утверждении списков разрядов в Москве — не учитывалась ни социальное происхождение научного работника, ни его членство в партии, ни даже лояльность новой власти. Акцент делался (пусть даже формально) исключительно на квалификационном соответствии ученого. Для получения академического обеспечения ему предлагалось заполнить анкету — так называемый опросный лист, в котором необходимо было, кроме основных анкетных данных (фамилия, имя, отчество, место и дата рождения, образование), представить информацию о месте работы и занимаемой должности, информацию о своей научной деятельности, напечатанные книги и учебники, направления основных научных исследований.

Как считает Ш. Фитцпатрик, до 1929 г. вмешательство партийных и советских органов во внутреннюю деятельность ЦеКУБУ было минимальным [Fitzpatrick, 1992]. Вопрос об исключении «идеологически чуждых» научных работников из состава ЦеКУБУ с опозданием был поставлен лишь в 1930 г. Так, А. Я. Эстрин в статье в издании «Научный работник» отмечал: «Вплоть до февраля 1929 г. продолжают числиться в списках ЦеКУБУ махровые контрреволюционеры, высланные или эмигрировавшие за границу, например: Кизеветтер, Мякотин, Виппер, Франк, Лосский, Прокопович, Водовозов, Бердяев и др., причем большинство из них эмигрировало, было выслано или подвергалось тем или иным репрессиям еще начиная с 1922 г.» [Эстрин, 1930: 58, 60]. Это частное суждение более позднего времени подтверждают и результаты анкетирования руководителя Бюро по евгенике КЕПС Ю. А. Филипченко, проведенного им через Дом ученых в 1920–1921 гг. среди научных работников Петрограда IV и V разрядов. Результаты демографического обследования «выдающихся ученых» показывают, что их сословное происхождение было, мягко говоря, не вполне благонадежным: из 50 человек, ответивших на вопросы анкеты, дворянами (потомственными и личными) были 22, из духовного звания происходили 13, из купеческого звания — 3, из мещан — 5, из крестьян — 7 [Филипченко, 1922: 27]. О неблагонадежном в социальном отношении составе научного сообщества в 1920–1930-е гг. свидетельствуют и другие источники [Долгова, 2017].

Как показывают документы, при зачислении в квалификационные разряды действовала и система поручительства ученых друг за друга. Для зачисления в высокий разряд требовались отзывы о научной работе 2–3 других крупных специалистов. Кроме того, и сам научный работник мог при поддержке других представителей научного сообщества инициировать свой перевод из одного разряда в другой — так, историк Н. И. Ка-

реев сначала был отнесен к 4-му разряду по научной квалификации [ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4922. Л. 5], а в 1925 г. по собственному ходатайству был переведен в 5-й разряд; отзывы о его научной работе подготовили С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и Н. П. Лихачев [Там же. Д. 1039. Л. 25–26об.; Д. 2957. Л. 3].

В указанный период от попадания в ту или иную категорию зависело очень много, порой даже жизнь самого ученого и близких ему людей. Однако конкуренция способствовала расслоению научного сообщества, вела к потере корпоративного духа. Историк, архивист Г. А. Князев констатировал в эти годы: «Ученым дали паек. Ссор не оберешься. Костькинута, кругом грызня» [Князев, 1991: 179]. Одновременно некоторое улучшение положения ученых, активно пропагандируемое в прессе [Болотин], вызывало недовольство иных слоев. «Начальство не любит Дом ученых, считая его “белогвардейской организацией”, — жаловался М. Горький в письме В. Г. Короленко в 1921 г. — Рабочие ворчат, что их оббедают “буржуазные саботажники”» [Горький, 1998: 112].

Выплаты академического пайка ЦеКУБУ всем 5 разрядам научных работников продолжались до 1923 г., когда он оказался заменен академическим денежным обеспечением при сильно сокращенном финансировании [Сергиевский, 1925: 175]. 6 февраля 1923 г. было принято специальное постановление о снятии с академического обеспечения отдельных научных работников первых трех разрядов, в бюджете которых оно «играло незначительную роль» (критерием стал заработок научных работников в декабре 1922 г. не выше 1650 рублей в год) и о перераспределении освободившихся средств в пользу молодых ученых [Организация науки..., 1968: 354]. Важно подчеркнуть, что это перераспределение не затронуло 4-й и 5-й разряд научных работников, — их квоты не были урезаны. Более того, со следующего, 1924 г., получать академическое обеспечение продолжили только 4-й и 5-й разряды, для разрядов ниже 4-го оно и вовсе было отменено. Но и из числа научных работников 4-го и 5-го разрядов планировалось оставить 300 человек при жестком условии «считать эту цифру твердой, не подлежащей увеличению» с суммой академического обеспечения 86 и 60 рублей [Там же, 359] (по факту квота все равно оказалась превышена на 50 человек [Научный работник, 1925: 149]). В 1929 г. академическое обеспечение было отменено и для 4-го, и для 5-го разрядов.

Отмена академического обеспечения сильно ударила по научным работникам ниже 4-го разряда [Сергиевский, 1925: 169–179], — с одной стороны, в финансовом отношении (взамен им была предложена система выдачи однократных пособий «при острой нуждаемости» [Научный работник, 1925: 150]); с другой стороны — в статусном: по факту три разряда

на какое-то время оказались объединены в один. Лишь с 1926 г. ситуация была скорректирована и произошло перераспределение научного сообщества на три группы (не отразившееся на возвращении академического обеспечения): группу начинающих, основную группу и группу заслуженных ученых. В 1928 г. это деление было зафиксировано в документации Экспертной комиссии ЦеКУБУ и Секции научных работников введением взамен «разрядов» новых «категорий»: «А» — группа «выдающихся и заслуженных ученых», «Б» — группа «научных работников, имеющих научный стаж, по крайней мере, в виде одной самостоятельной работы», «В» — группа «начинающих ученые, ведущих самостоятельную научно-преподавательскую или научно-исследовательскую работу в вузах и научных учреждениях, в том случае, если эта работа является для них основной; научные сотрудники и лица, подготовляющиеся к научной деятельности под руководством ученых специалистов из группы «А» и «Б» [Научные кадры, 1930; ГА РФ. Ф. 5462. Оп. 7. Д. 393; Оп. 8. Д. 185]. Согласно статистической разработке картина распределения научных сил в 1928 г. выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение научных работников по группам наук в связи с категориями: 1928

Группы наук	Всего научных работников	Из них		
		А	Б	В
ИТОГО	14 805	487	5106	9212
Точные науки	4663	211	1661	2791
Гуманитарные	4386	140	1496	2750
Прикладные	2629	73	931	1625
Медицинские	3127	63	1018	2046

Источник: Расчеты автора на основе: Научные кадры РСФСР. М., 1930. С. 14.

Таблица 1 показывает, что работники группы «А» составили 3,3% от общего числа зарегистрированных научных работников (больше всего среди них было представителей точных наук), работники группы «Б» — 34,5%, работники группы «В» — 62,2%. При этом наибольший удельный вес ученые группы «А» занимали в группе точных наук (4,5% от общего

числа научных работников — представителей точных дисциплин), за ними следовали представители гуманитарных наук (соответственно 3,2%), прикладных (соответственно 2,7%) и, наконец, медицинских наук (2%). Удельный вес научных работников группы «Б» колебался незначительно — от 35,6% среди представителей точных наук до 32,6% — среди медицинских. Так же ситуация обстояла и с представителями группы «В» — они составляли 65,4% в группе медицинских наук и 59,9% в группе точных наук. Таким образом, мы не можем говорить о том, что перераспределение ученых носило решительный характер: самая защищенная в социально-экономическом отношении группа «А» оставалась малочисленной.

Четкое деление ученых на разряды и категории дополнялось дробностью дифференциации в соответствии с принятой бюджетной тарификацией. Утвержденный в 1922 г. тариф для ученых, в основу которого была положена 17-разрядная тарификация рабочих, разделил всех научных работников на три большие группы и выстроил свою иерархию: ученые-специалисты научных учреждений и преподаватели вузов оплачивались по 17–15-му разрядам, вторая группа — научные работники (15–14-й разряд) и научно-технические сотрудники и высококвалифицированные техники (по 12–10-му разрядам) [Ильюхов, 2010: 329–371]. Таким образом, формально положение работников высшей школы¹ было несколько выше работников научно-исследовательских положений. Но, безусловно, статус ученого зависел не только от его положения в тарифной сетке, но и от организации (порой даже лаборатории — например, И. П. Павлова), в которой он трудился, от специальности, которую он представлял.

Дифференциация научного сообщества находила отражение в степени реализации ими учеными социальных льгот и привилегий [Ананов, 1928; Трудовые права..., 1932]. Проиллюстрируем ее на примере остро стоявшего в 1920–1930-е гг. жилищного вопроса.

В 1922 г. согласно утвержденному 16 января декрету СНК у научных работников появилось право на дополнительную комнату для научных занятий сверх общегражданской нормы жилищной площади; право на самоуплотнение в случае наличия в занимаемых ими квартирах свободных помещений; гарантия невыселения в административном порядке, а только по суду и т. д. Однако важно отметить тот факт, что эта льгота защищала прежде всего права ученых, обеспеченных жилплощадью до

¹ Здесь следует отметить и ряд учебных заведений, находившихся на особых условиях финансирования. Так, например, ответственные работники Института красной профессуры тарифицировались по 17-му разряду с надбавкой 50%, такой же оклад получали и слушатели [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 319. Л. 40].

революции. Закон предусматривал лишь сохранение за квартиросъемщиком уже имевшихся у него излишков жилплощади или предоставление добавочной площади по мере ее поступления в жилфонд, настаивать же на получении дополнительной комнаты не имеющий ее «в резерве» научный работник не мог. Тем не менее этот факт — защищенности ученых в жилищном вопросе — нашел отражение даже в сатирической литературе того времени, — в повести М. Н. Булгакова «Собачье сердце» (1925) профессор Ф. Ф. Преображенский объясняет представителям «нового домоуправления», что «проживает и работает один в семи комнатах» и «желал бы иметь восьмую — для библиотеки».

Жилищные льготы строго соблюдались до 1924 г. С 1924 г. в жилищном вопросе наступило резкое ухудшение, прежде всего в отношении слабозащищенных групп научных работников, проживающих на служебной жилплощади. Постановление Президиума ВЦИК от 9 января 1924 г. разрешило выселять их в административном порядке из домов-коммун и домов, закрепленных за учреждениями и предприятиями (в т. ч. Институтами красной профессуры), причем при выселении научным работникам не предоставлялось ни другого помещения, ни перевозочных средств, как это было установлено в отношении индустриальных рабочих, студентов, состоящих на госстипендии, и др.

Одновременно была предпринята попытка ограничения льгот на «самоуплотнение». Особенно тяжелым оказалось положение научных работников в Москве, где районные отделения Московского управления недвижимым имуществом, а за ними некоторые народные суды, начали игнорировать «безусловное» право на самоуплотнение, заявляя, что права эти устарели [Организация науки, 1968: 357–358]. Однако в итоге льготы были подтверждены декретами ВЦИК и СНК «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников», принятых 31 июля 1924 г. и 13 апреля 1925 г., тогда же ЦеКУБУ и местным КУБУ было также разрешено выдавать научным работникам удостоверения, подтверждающие их льготы в жилищном отношении. В то же время «лишняя» комната, используемая как библиотека, лаборатория или кабинет, все время находилась под угрозой — под контролем подобные квартиры держали представители жилых товариществ и нередко требовали даже от владельца, обладавшего высоким социальным статусом, вселения третьих лиц из «моральных соображений», — так историк Н. И. Кареев отмечал как тягостную обязанность — постоянно «добывать удостоверения на новый год в том, что имею право на лишнюю комнату в своей квартире» [НИОР РГБ. Ф. 369. Д. 41. Л. 10.]. Кроме того, право на дополнительную площадь облагалось довольно высоким нало-

гом — для его уплаты порой приходилось брать квартирантов [ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3. Т. 1. Л. 5 об., 54 об., 64].

По факту, право для научных работников на лишнюю комнату или 20 квадратных метров сверх общегражданской нормы жилищной площади — постулируемая, но трудно реализуемая на практике (особенно в Москве и Петрограде/Ленинграде) норма советского законодательства 1920-х гг. [Тайцлин, 1927: 38]. Важно отметить, что возможности реализации этой льготы зависели напрямую от положения научного работника в статусной иерархии научного сообщества, его обеспеченности жилплощадью до революции, а также, как показывают документы, наличия неформальных контактов во властных структурах¹.

Таким образом, научное сообщество в 1920-е гг. представляло собой сложноорганизованную, но, безусловно, иерархическую систему. Безусловную важность при определении позиции в ней имел дореволюционный авторитет ученого и его положение в системе научных взаимосвязей. В основном высоким статусом, закрепленным в принадлежности к высшим разрядам и категориям, оказались наделены ученые, заслужившие свой научный авторитет до революции (имеется в виду оценка научным сообществом их научных трудов, имеющийся внутринаучный административный ресурс), пусть даже они происходили из «чуждых» союзу рабочих и крестьян социальных слоев и даже не были вполне лояльны к новой власти. При этом именно на эту группу распространялись юридически закрепленные льготы и привилегии научных работников и именно эти научные работники — при определенном взаимодействии с властью, наличии контактов и знакомств во властных структурах — имели возможность их реализовать. С другой стороны, в условиях упразднения системы дореволюционных степеней и званий возможность занятия статусной позиции в структуре 17-разрядной тарификации появилась у вновь выдвинувшихся научных работников, порой даже не обладающих соответствующими квалификационными характеристиками. Не попавшие же в квоты высших разрядов и категорий научные работники по факту не могли воспользоваться ни декларируемыми привилегиями и льготами, ни дополнительными финансовыми преимуществами.

¹ Примером может служить сцена из повести М. Н. Булгакова «Собачье сердце» (1925 г.), когда представители «нового домоуправления» (председатель Швондер) пытаются напомнить о социальной ответственности профессору Ф. Ф. Преображенскому. Для нас интересно решение этого конфликта — уверенный звонок профессора Ф. Ф. Преображенского одному из своих высокопоставленных пациентов. Иной пример, уже не из литературы, — история с изъятием семейного имени Аносово у семьи Кареевых, для решения которого потребовался «неформальный» выход на А. С. Енукидзе.

Литература

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. (2014) Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920) [Theses of Historians and Legislative Norms (1860–1920)] // Российская история. № 2. С. 77–90.

Alevras N.N., Grishina N.V. (2014) Dissertacii istorikov i zakonodatel'nye normy (1860–1920) [Theses of Historians and Legislative Norms (1860–1920)] // Rossijskaya istoriya. № 2. S. 77–90.

Ананов И.Н. (1928) Правовое положение научных работников [The legal status of academics]. М.: Вопросы труда.

Ananov I.N. (1928) Pravovoe polozhenie nauchnyh rabotnikov [The legal status of academics]. М.: Voprosy truda.

Болотин А. (1920) Как будет улучшено положение ученых [How will the position of scientists be improved?] // Красная газета. 1920. 15 января.

Bolotin A. (1920) Kak budet uluchsheno polozhenie uchenyh [How will the position of scientists be improved?] // Krasnaya gazeta. 1920. 15 yanvarya.

Борисова Л.В. (2005) Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.) [Labor relations in Soviet Russia (1918–1924)]. М.: Собрание.

Borisova L.V. (2005) Trudovye otnosheniya v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.) [Labor relations in Soviet Russia (1918–1924)]. М.: Sbranie.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 319. Л. 40.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 2307. Op. 10. D. 319. L. 40.

Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК (ЦеКУБУ) [The year of work of the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists in the Council of People's Commissars]. (1922) М.: Б.и.

God raboty Central'noj komissii po uluchsheniyu byta uchenyh pri SNK (CeKUBU) [The year of work of the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists in the Council of People's Commissars]. (1922) М.: B.i.

Горький М. (1998) Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко [Unpublished correspondence with Bogdanov, Lenin, Stalin, Zinoviev, Kamenev, Korolenko]. М.: Б.и.

Gor'kij M. (1998) Neizdannaya perepiska s Bogdanovym, Leniny, Staliny, Zinov'evym, Kamenevym, Korolenko [Unpublished correspondence with Bogdanov, Lenin, Stalin, Zinoviev, Kamenev, Korolenko]. М.: B.i.

«Горячешный и триумфальный город...»: Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: документы и материалы [Petrograd: from «War

Communism» to NEP: documents and materials] / Сост., авт. предисл. и коммент. М. В. Ходяков. СПб., 2000.

«Gorjacheshnyj i triumfal'nyj gorod...»: Petrograd: ot «voennogo kommunizma» k NJePu: dokumenty i materialy / sost., avt. predisl. i komment. M. V. Hodjakov. SPb., 2000.

Долгова Е.А. (2016) «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. [«I ask about going abroad...»: about the plans of P.A. Sorokin in 1922] Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН. С. 254–271.

Dolgova E.A. (2016) «Nachinayu hodatajstvo o vyezde za rubezh...»: o planah P.A. Sorokina v 1922 g. [«I ask about going abroad...»: about the plans of P.A. Sorokin in 1922] Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: lyudi, trudy, institucii, arhivy / otv. red. P.A. Tribunskij. М.: IRI RAN. S. 254–271.

Долгова Е.А. (2017) Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.: статусы, привилегии, партийность [Conflict vs cooperation in Soviet science of the 1930s: statuses, privileges, partisanship] // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. № 1. С. 19–27.

Dolgova E.A. (2017) Konflikt vs sotrudnichestvo v sovetskoj nauke 1930h gg.: statusy, privilegii, partijnost' [Conflict vs cooperation in Soviet science of the 1930s: statuses, privileges, partisanship] // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. № 1. S. 19–27.

Долгова Е.А. (2017) Была ли наука коммунистической? Из статистики научных кадров 1929–1937 гг. [Was science communist? From the statistics of scientific personnel of 1929–1937] // Социология науки и технологий. № 1. С. 113–123.

Dolgova E.A. (2017) Byla li nauka kommunisticheskoj? Iz statistiki nauchnyh kadrov 1929–1937 gg. [Was science communist? From the statistics of scientific personnel of 1929–1937] // Sociologiya nauki i tekhnologij. № 1. S. 113–123.

Ильяхов А.А. (2010) Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. [How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the sphere of labor remuneration in 1917–1941.] М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина.

Il'yuhov A.A. (2010) Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg. [How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the sphere of labor remuneration in 1917–1941] М.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN); Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. El'cina.

Князев Г.А. (1991) Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. [From the notebook of the Russian intellectual during the war and the revolution of 1915–1922] // Русское прошлое. Кн. 5. С. 148–222.

Knyazev G.A. (1991) Iz zapisnoj knizhki russkogo intelligenta za vremya vojny i revolyucii 1915–1922 gg. [From the notebook of the Russian intellectual during the war and the revolution of 1915–1922] // Russkoe proshloe. Кн. 5. С. 148–222.

Колчинский Э.И. (2003) Наука и Гражданская война в России [Science and the Civil War in Russia] // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 357–440.

Kolchinskij E.I. (2003) Nauka i Grazhdanskaya vojna v Rossii [Science and the Civil War in Russia] // Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki. SPb., 2003. S. 357–440.

Краткий обзор организации ПетроКУБУ и ее деятельности за трехлетний период: 12 января 1920 г.— 12 января 1923 г. (1923) [A brief overview of the PetroKUBU organization and its activities over a three-year period: January 12, 1920 — January 12, 1923]. Пг.: Б.и.

Kratkij obzor organizacii PetroKUBU i ee deyatel'nosti za trekhletnij period: 12 yanvarya 1920 g.— 12 yanvarya 1923 g. (1923) [A brief overview of the PetroKUBU organization and its activities over a three-year period: January 12, 1920 — January 12, 1923]. Pg.: B.i.

Научный работник [The scientists]. (1925). № 3.

Nauchnyj rabotnik [The scientists]. (1925). № 3.

Научные кадры РСФСР [The Scientific Staff]. (1930). М.

Nauchnye kadry RSFSR [The Scientific Staff]. (1930). M.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Ф. 369. Д. 41.

Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 369. D. 41.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1051.

Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 585. Op. 1. D. 1051.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4922.

Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 585. Op. 1. D. 4922.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1039.

Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 585. Op. 1. D. 1039.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2957.

Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 585. Op. 1. D. 2957.

Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сборник документов. [The organization of science in the early years of Soviet power (1917–1925): a collection of documents] (1968). Л.: Наука.

Organizaciya nauki v pervye gody sovetskoj vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov. [The organization of science in the early years of Soviet power (1917–1925): a collection of documents] (1968). L.: Nauka.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. (1992) Фрагменты воспоминаний [Fragments of memories] / Подгот. Ф. Благовещенский // Звенья: исторический альманах. Вып. 2. С. 395–423.

Semenov-Tyan-Shanskij V.P. (?) Fragmenty vospominanij [Fragments of memories] / podgot. F. Blagoveshchenskij // Zven'ya: istoricheskij al'manah. Вып. 2. С. 395–423.

Сергиевский Ю.В. (1925) Материальное положение научных работников [The material position of scientists] // Научный работник. № 1. С. 169–179.

Sergievskij YU.V. (1925) Material'noe polozhenie nauchnyh rabotnikov [The material position of scientists] // Nauchnyj rabotnik. № 1. S. 169–179.

Тайцлин И.С. (1927) Жилищные права и условия научных работников [Household rights and conditions of scientific workers] // Научный работник. № 1. Январь. С. 38–49.

Tajclin I.S. (1927) Zhilishchnye prava i usloviya nauchnyh rabotnikov [Household rights and conditions of scientific workers] // Nauchnyj rabotnik. № 1. Yanvar'. S. 38–49.

Трудовые права научного работника: систематический сборник законодательных и ведомственных материалов [Labor rights of a scientific worker: a systematic collection of legislative and departmental materials] (1932) / Сост. В. П. Чекменев. М.: ГИСЗ.

Trudovye prava nauchnogo rabotnika: sistematičeskij sbornik zakonodatel'nyh i vedomstvennyh materialov [Labor rights of a scientific worker: a systematic collection of legislative and departmental materials] (1932) / sost. V.P. Chekmenev. M.: GISZ.

Филипченко Ю.А. (1922) Наши выдающиеся ученые [Our outstanding scientists] // Известия Бюро по Евгенике. 1922. № 1. С. 22–38.

Filipchenko YU.A. (1922) Nashi vydayushchiesya uchenye [Our outstanding scientists] // Izvestiya Byuro po Evgenike. 1922. № 1. S. 22–38.

Хабибрахманова О.А. (2010) Научная интеллигенция 20–30-х гг. XX в.: изменение состава, трансформация идентичности [The scientific intelligentsia of the 1920–1930s: changing composition, transforming identity] // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. Гуманитарные науки. С. 122–129.

Habibrahmanova O.A. (2010) Nauchnaya intelligenciya 20–30h gg XX v.: izmenenie sostava, transformaciya identichnosti [The scientific intelligentsia of the 1920–1930s: changing composition, transforming identity] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Tom 152. Kn. 3. CH. 2. Gumanitarnye nauki. S. 122–129.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга [Central State Archives of St. Petersburg]. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 37.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga [Central State Archives of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 37.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга [Central State Archives of St. Petersburg]. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 434.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga [Central State Archives of St. Petersburg]. F. 2995. Op. 1. D. 434.

Центральный исторический архив Москвы [Central Historical Archive of Moscow]. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3. Т. 1.

Central'nyj istoricheskij arhiv Moskvy [Central Historical Archive of Moscow]. F. 2202. Op. 3. D. 3. T. 1.

Эстрин Я.М. (1930) За коренную реорганизацию ЦекУБУ [For the radical reorganization of the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists] // Научный работник. 1930. № 3. С. 56–63.

Ehstrin YA.M. (1930) Za korennuyu reorganizaciju CeKUBU [For the radical reorganization of the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists] // Nauchnyj rabotnik. 1930. № 3. S. 56–63.

Fitzpatrick S. (1992) The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, London.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

ПРОБЛЕМА ЧУЖЕРОДНОСТИ ВЛАСТИ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ)

Мухин Олег Николаевич

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск

Аннотация. В статье формулируется проблема чужеродности власти в раннесредневековых государствах Европы. Предпринимается попытка объяснить востребованность инакового опыта и потребность в «очуждении» носителей власти в обществах изучаемого периода. Обосновывается перспективность применения для изучения поставленной проблемы междисциплинарной технологии, основанной на использовании наработок психологии и социологии, имеющих единым фокусом бессознательное. Делается вывод о том, что чуждость власти является сущностной чертой политической культуры в Европе раннего Средневековья.

Ключевые слова: власть, Западная Европа, раннее Средневековье, междисциплинарность.

В свое время Сергей Сергеевич Аверинцев со свойственной ему проницательностью подметил, что любому из выделенных им трех типов власти в средневековой Европе (ксенократия, бюрократия и теократия) свойственна одна общая черта — «внешность», «инаковость», «чуждость» «по отношению к органической жизни общества» [Аверинцев, 1976: 20]. Конечно, в самой очевидной форме эта «чуждость» проявляется в рамках ксенократии и представлена в раннем Средневековье в виде «варвара-завоевателя» на Западе и «инородца-высочки» в Византии [Аверинцев, 1976: 20]. Однако и в рамках теократии инаковость налично — здесь держатель власти считается присланным «как бы из некоего внемирного места» и его власть базируется на «онтологической трансцендентности» высшего авторитета. Менее очевидна «внешность» бюрократии, однако, по мысли С. С. Аверинцева, она существует, хотя и носит, так сказать, вторичный характер — «держатель бюрократических полномочий» «послан» от «автократора», того самого проводника

«онтологической трансцендентности», кому в идеале должна принадлежать вся его преданность, и при том «бюрократу» «не рекомендуется иметь человеческие привязанности» [Аверинцев, 1976: 20].

Далее мыслитель обращается к центральной для его исследования теме религиозной культуры раннего Средневековья, оставив высказанную им мысль без специального рассмотрения. Стоит, однако, обратить более пристальное внимание на эту проблему, которая может быть определена как «проблема чужеродности власти», работа над которой в русле междисциплинарного подхода открывает важные перспективы в приближении к пониманию феномена власти как такового.

Из рассуждений С. С. Аверинцева становится ясно, и это легко подтвердить конкретным историческим материалом, что чужеродность является, по крайней мере в Средние века, неотъемлемой чертой властного авторитета. Легко убедиться, что большинство раннесредневековых государств созданы вследствие завоевания (все варварские королевства на территории бывшей Римской империи), либо инфильтрации инородных элементов (самый яркий пример — Киевская Русь). Можно посчитать, что это историческая случайность, примета переходного периода. Однако целый ряд фактов и явлений средневековой политической жизни наталкивает нас на мысль о том, что чужеродность была востребована и тогда, когда фактических ее свидетельств не было, либо они канули в Лету.

Во-первых, помимо инородного вторжения, чужеродность могла формироваться в ходе приобретения местной элитой внешнего опыта. Так, в Скандинавии, принадлежащей, согласно теории синтеза варварского и римского укладов, к безсинтезной зоне [Корсунский, 1963], носителями чуждого опыта стали викинги. Г. С. Лебедев описал особый, свойственный эпохе становления скандинавских государств, тип конунга-викинга. Принадлежащие к этому типу конунги (Олав, Эймунд, Свейн, Инги в Швеции, Свейн Вилобородый, Кнуд Великий, Хардакнут, Свейн Эстридссен в Дании, Харальд Серый Плащ, Олав Трюггвасон, Олав Харальдссон (Святой), Харальд Хардрод в Норвегии) «утверждаются на престоле после бурной молодости, прошедшей в далеких походах», им «нередко приходится последовательно менять ряд социальных позиций: от раба (Олав Святой) — к наемному воину, предводителю дружины, вассальному правителю; они успевают побывать при дворах разных правителей — от ладожского ярла до киевского великого князя и византийского кесаря (Хардрод) — в точности, как викинги» [Лебедев, 1983: 47]. То есть речь идет о «коллекционировании» как социального, так и культурного опыта.

Конечно, в данном случае в глаза бросаются сугубо практические, лежащие на поверхности мотивы. Опираясь на яркие иллюстрации из текстов саг, Г. С. Лебедев демонстрирует процессы уничтожения опира-

шимися на верную дружину конунгами-викингами традиционных устоев, мешавших появлению государства: они ставят своих дружинников на административные посты в обход родовой знати, представители которой зачастую уничтожаются (включая, при необходимости, королевских родственников), такая же участь постигает колдунов и языческих жрецов [Лебедев, 1983: 48–49]. Однако возникают два вопроса, тесно связанные друг с другом — почему именно конунги-«выходцы из-за моря» наиболее успешно выполняют эту роль «реформаторов» и по какой причине общество соглашается с их действиями (несмотря на имевшие место вспышки сопротивления)?

Последний вопрос актуален и для континентальных варварских королевств, где местное романское население зачастую (как это было, например, в Галлии — вспомним римлян королевских сотрапезников «Салической правды» [Семенов, 1950: 42]) охотно шло на сотрудничество с завоевателями. Не менее показательный пример дает нам южнославянский регион. В. К. Ронин отмечает, что в начале IX в. ободриты, нижнепаннонские славяне и хорваты признали сюзеренитет Каролингов [Ронин, 1987: 90]. В результате славянская знать получает внешний опыт, участвуя в походах франков в качестве вассалов: «Связь с императором стала в глазах племенной элиты альтернативной основой ее могущества, средством “освобождения” ее от традиций политического полновластия “народа”» [Ронин, 1987: 92]. «Именно решение князя и знати, **добытое зачастую извне** (выделено мной. — О. М.), считается окончательным и определяющим» [Ронин, 1987: 92]. Стоит вспомнить и легенду о призвании варягов на Русь, необходимость которого возникла, как следует из контекста сообщения летописца, из-за неспособности местной элиты поддерживать мир и порядок¹.

Вопросы далеко не праздные. Повсеместное торжество чужеродности на политическом пространстве раннесредневековой Европы требует объяснения, причем искать его следует в том числе с помощью методов психологии.

Механизм востребованности чужеродного влияния позволяет прояснить теория установки, разработанная тбилисской школой Д. Узнадзе. В понимании сторонников этой школы установка есть готовность субъекта действовать в определенной ситуации определенным образом²,

¹ В лето 6370. «Изьгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вста родъ на родъ, и быша в них усобице, и воевати начаша сами на ся. И реша сами в себе: “Поищем себе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву”. И идоша за море къ варягомъ, к руси» [Адрианова-Перетц, 1996: 13].

² Установка — готовность индивида к определенной форме реагирования, то есть это опосредующее звено в системе «стимул—реакция» [Прангишвили, 1978: 89–90]. Будучи

причем установки постоянно корректируются благодаря обратной связи с действительностью. При разрушении традиционных устоев в эпоху раннего Средневековья (а процесс этот имел место как в рамках Римской империи, находившейся в состоянии затяжного системного кризиса рабовладельческого уклада, так и у германских и славянских народов, расстававшихся в ходе переселений с привычным родоплеменным устройством) фиксированные установки, отвечающие за автоматическое воспроизводство психических и физических реакций, разрушаются. Их место с необходимостью должны занять новые. И в данном случае в наиболее выгодном положении оказываются те люди или слои (чаще всего военные вожди и их дружины), которые обладают наибольшим количеством актуально-ментальных установок, приобретаемых при столкновении с новым опытом. Этот дополнительный опыт и становится базисом властного авторитета в глазах общества, находящегося в состоянии повышенного невротизма¹ и жаждущего выхода из него. Идентичность таких носителей власти приобретает более сложный, комбинированный характер, делая их более приспособленными к условиям быстро меняющегося мира раннего Средневековья.

При этом, помимо богатого сугубо практического опыта, приобретаемого в странствиях и битвах, важную роль играет и символический капитал, в терминологии П. Бурдьё — престиж, репутация, имя [Бурдьё, 1993: 56] (как это отчетливо видно в случае южнославянской элиты). Как поясняет французский социолог, в борьбе за навязывание легитимного стиля видения социального мира агенты² располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т. е. тому признанию, которое они получают от группы [Бурдьё, 1993: 71]. Именно капитал (помимо символического — экономический, культурный, социальный), являя собой власть над социальным полем, и, соответственно, определяет шансы на выигрыш в данном поле [Бурдьё, 1993: 56–57]. Таким образом,

носителем определенных неудовлетворенных потребностей, установка управляет ими, как бы заставляя личность извлекать из себя свои «старые знания — весь прошлый опыт, который теперь выступает как готовые формы (шаблоны) деятельности, через которые, при наличии актуальной установки, пробивают себе дорогу бессознательные психические образования личности» [Шерозия, 1978: 52].

¹ Невротизм, в понимании К. Хорни, есть психологическое состояние, определяющей чертой которого является тревожность, то есть несоразмерная, в отличие от страха, реакция на опасность [Хорни, 2000: 36]. Традиционно, а тем более архаическому обществу в целом свойственен более высокий уровень невротизма в связи со сниженной способностью его представителей к рационализации проявлений окружающей действительности. Переходные же эпохи, характеризующиеся разрушением привычных устоев, способствуют еще большему обострению тревожности.

² Понятием «социальный агент» П. Бурдьё обозначает «общественную» составляющую личности, дополняющую другую — «биологического индивида» [Бурдьё, 1993, 35].

человек, набирающий более сложный социально-психологический опыт, обладает более выигрышным габитусом, который П. Бурдьё определяет как совокупность черт, приобретаемых индивидом, диспозиции, которыми он располагает, свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, опыта [Бурдьё, 1993: 47].

Еще более показательна в русле рассматриваемой проблематики традиция генетических мифов, конечно, не являвшихся изобретением Средневековья (вспомним легенду об основании Рима потомками Энея, троянского царевича), но весьма востребованная в эту эпоху. В. К. Ронин отмечает, что представления о происхождении «от какого-либо “царственного” народа древности», создавшего великую и могучую державу» были распространены среди тех варварских племен, «которые тесно соприкоснулись с традициями античной культуры» [Ронин, 1989: 63]. Бургунды, например, считали себя потомками римлян, франки — троянцев, что опять-таки роднило их с римлянами. В. К. Ронин обращает внимание на психологическую подоплеку этого явления на этапе становления нового государства: «В подобных представлениях отражались притязания на преемственность политического “ранга” народа-завоевателя и на легитимацию его власти над покоренной страной и ее обитателями», и, таким образом, эти легенды «психологически облегчали интеграцию в составе новообразовавшихся государств» [Ронин, 1989: 63] (то есть в их основе — необходимость самоутверждения, идентификации при соприкосновении с более высокой античной культурой). В данном случае, казалось бы, речь идет о смягчении эффекта «чужеродности», однако не следует забывать о сосуществовании в варварских королевствах зачастую нескольких, на современный взгляд, трудносочетаемых, пластов идентификации, что в значительной мере усложняет ситуацию. Те же франки считали, что основатель их первой королевской династии Мервей рожден от соития его матери с морским чудовищем, причем подобным генеалогическим экскурсам не мешала и христианизация.

Сходную ситуацию мы находим и в Англии, где существовала традиция выведения бриттов и их вождей от потомков Брута [Мельникова, 2011: 111], прибывших из Италии, при этом генеалогии германских правителей возводились к Одину (как и в Скандинавии!) (причем после

¹ См. сравнительную генеалогическую таблицу в: [Лебедев, 2005: 209–210]. Как видно из таблицы, только в Норвегии отсутствуют мифологические королевские предки, в Швеции родоначальником первой династии значится Один, в Дании — Риг, еще один из асов (другое имя — Хеймдалль). Интересно, что, согласно Снорри Стурлуссону, сами асы переселились на север Европы из Азии [Мельникова, 2011: 111], т. е. чужеродность королевской власти, таким образом, возводится, по крайней мере, во вторую, а то и третью (в случае Англии, где германцы являлись чужаками-пришельцами) степень.

принятия христианства предводитель небесных дружин остается среди королевских предков, сам становясь потомком нового родоначальника — Ноя [Chaney, 1970: 41]). В данном случае мы видим продолжение глубинных пластов традиции, как германской, так и библейской. П. Бурдьё напоминает, что в архаических обществах одна из простейших форм политической власти заключалась во власти почти магической: называть или вызывать к существованию при помощи номинации, т. е. функции разъяснения, работы по производству символического [Бурдьё, 1993: 67]. То есть речь идет о реминисценциях образа царя-жреца, который со временем адсорбируется христианской традицией через практику помазания королей.

Таким образом, как на уровне «высокой», книжной, культуры, так и на уровне народного восприятия, чужеродный образ власти оформляется в виде устойчивых мифов. При этом существовала, видимо, определенная разница. В первом случае предпринимались усилия для снижения межкультурного напряжения путем сложного синтеза трех традиций — римской, христианской и варварской. Во втором же педалируется упрощенная архаическая версия сакрального, т. е. чудесного происхождения власти (вряд ли для галлоримлян имела существенное значение мервингская легенда).

Достаточно ли для понимания сути генетических мифов объяснения, приводимого В. К. Рониным? В описанных случаях, казалось бы, да. Однако позднее бытование таких мифов заставляет в очередной раз задуматься. Замечательный пример: в Речи Посполитой, где власть изначально была местной, уже в XV в. был создан генетический миф, теория сарматизма, согласно которой представители польской знати являлись потомками завоевателей — сарматов, а низы — местных племен (готов, гепидов или хамов) [см.: Якубский, 1987]. Трудно сказать, насколько столь позднее появление такого мифа способствовало упрочению власти шляхты, скорее лишь ее самоутверждению. Таким образом, речь идет о психологическом механизме компенсации невротизма, вызываемого в авторитарном обществе в среде элиты и связанного с неотрефлексированными страхами по отношению к подданным. При этом форма компенсации, выбранная отчасти бессознательно, но в дальнейшем рационализированная, представляется далеко неслучайной.

Аналогичная ситуация существовала и в России. С XVI в. здесь, наряду с легендами о чудесном происхождении великокняжеских, а затем и царских регалий, утверждается также представление о генеалогической связи династии Рюриковичей с римским императором Августом. Обе легенды должны были способствовать повышению авторитета рос-

сийских монархов как внутри страны, так и на внешнеполитической арене¹.

И снова следует отбросить подозрения в том, что мы наблюдаем некую региональную специфику. В средневековой Франции, наряду с устойчивыми сакрализованными представлениями о природе королевской власти (фактически, удвоенными, так как, помимо веры в освящающую роль помазания, они включали и поверье о целительной силе королевского прикосновения [см. об этом: Блок, 1998]), бытовала легенда, связанная с именем Карла Великого. Согласно этой легенде, Карл являлся носителем чуждого опыта: из-за преследований старших братьев он в детстве бежал в Испанию к сарацинам, где служил посыльным у короля, затем тайно обвенчался с его дочерью, обратив ее в христианство, и после ряда героических свершений вернулся во Францию, где и воцарился с триумфом. Эта же легенда сообщает, что смерть императора — лишь сон, от которого он проснется, когда будет нужен своей стране, и это якобы уже случилось, когда Карл восставал из мертвых для участия в крестовом походе [Кэмпбелл, 1987: 314–315]. То есть, несмотря на высокий «реалистический» авторитет Карла как одного из величайших королей Средневековья, возродителя империи, этот авторитет требовал дополнительного легендарного обоснования, причем совершенно неслучайно выстроенного с помощью приписывания ему инакового опыта. То есть, как мы видим, общей как для языческих, так и для христианских обществ традиции обоснования властного авторитета его божественным происхождением часто было недостаточно.

В приведенной легенде Карлу Великому приписывается, по сути, опыт мифического героя, странствовавшего в «чужом мире». Американский специалист в области сравнительной мифологии Дж. Кэмпбэлл в своей теории мономифа, впитавшей в себя идеи психоанализа, и, в первую очередь, представления о коллективном бессознательном К. Г. Юнга, пришел к выводу, что в человеческом сознании авторитет так или иначе связан с чуждым опытом — все мифологические герои и правители проходят через период странствий в ином, часто загробном мире [Кэмпбелл, 1987]. В кратком изложении концепция выглядит следующим

¹ Хорошо известно, что не только правящая династия, но и знатнейшие роды российской элиты любили возводить свое происхождение к иностранным корням (польским, литовским, татарским), благо основания для этого часто действительно были. Недаром первыми по знатности являлись, наряду с Рюриковичами, Гедиминовичи, потомки великого князя Литовского (Голицыны, Трубецкие, Хованские, Куракины и др.). Показательна в этом смысле и попытка «светлейшего князя» А. Д. Меншикова выставить себя сыном пусть обедневшего, но польского или литовского шляхтича, что выразилось в том числе в появлении официальных и полуофициальных документов, удостоверявших эту версию [Устрялов, 1862: 211–212].

образом: «Герой идет на риск, оставляя привычный ему мир во имя области сверхъестественных чудес, там он встречается со сказочными силами и побеждает их, а затем возвращается из этих таинственных приключений, наделенный силой оказывать благотворное влияние на своих последователей» [Козлов, Майков, 2007].

Как же при взгляде на внешний мир как на вместилище зла, свойственном архаическому и традиционному обществу¹, не только человек, побывавший в нем, но и принесенный им оттуда опыт становится объектом почитания или, по крайней мере, притяжения? Только ли через страх перед неизвестным? Дж. Кэмпбелл рассматривает эту ситуацию с позиций психоанализа: путешествие мифического героя, сопряженное со смертельными опасностями, символизирует духовную инициацию человека, высвобождение из рамок обыденного сознания и мировосприятия и переход к истинному знанию. Именно обладание трансцендентным знанием и сверхнормальными способностями, вернее, конечно, вера в их наличие у избранных, оправдывает в глазах подданных полномочия людей и сил, властьпредержащих.

Необходимость такого оправдания также требует объяснения. Р. Кайуа в своей работе «Человек и сакральное» рассуждает следующим образом, отталкиваясь от представлений об имманентно присущем ментальности традиционного общества бинарном членении мироздания: так как между правителем и народом существуют отношения, требующие равновесия (как и любые другие), но характеризующиеся явственным численным несоответствием, то позиция правителя уравнивается «качественными» отличиями: «престиж одного человека или привилегии меньшинства уравнивают собой влияние множества» [Кайуа, 2003: 216].

В результате отчуждение власти идет двумя встречными путями: с одной стороны, сами носители для упрочения своих позиций склонны поощрять, распространять, а то и творить свои мифологизированные образы, с другой — именно подданные, массовое сознание, является той питательной средой, где эти мифы творятся, распространяются и поддерживаются, «нанизываясь», так сказать, на общую ось единой нефиксированной установки (понятие из арсенала школы Д. Узнадзе, перекликающееся с понятиями коллективного бессознательного и исторической памяти), имеющей в данном случае вид инициационного странствия мифологического героя. Э. Фромм, в русле своей концепции бегства от свободы, поясняет: люди имеют тягу к подчинению опреде-

¹ Ср., например, в скандинавской мифологии понятия Мидгарта — культурного среднего мира людей, и Утгарта — окружающего мира хаоса и чудовищ, где боги и герои совершали подвиги, служащие основой их авторитета и почитания.

ленной упорядочивающей социальной силой, которая освобождает их от значительной части ответственности [Фромм, 1990]. При этом можно представить, что в этой ситуации требуется определенная форма рационализации такой тяги к подчинению — и здесь на помощь приходят мифологические представления о чудесных свойствах или необычном происхождении сил, властьпредержащих. Собственно, речь идет о харизме, которую М. Вебер описывает как «качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Оно рассматривается как посланное богом или как образец» [Вебер, 1988: 139]. При этом следует уточнить, что помимо харизматического типа господства, который немецкий социолог противопоставляет традиционному и легитимному как революционный и экстраординарный по своей сути, можно говорить о харизме как черте власти как таковой. Недаром М. Вебер выделяет три вида харизмы — личную (полностью соответствующую приведенному определению), родовую (уже приводившийся пример харизмы Меровингов) и должностную (или овеществленную), которая покоится на представлении о возможности перенесения изначально магического качества харизмы с помощью ритуального средства, примененного ее носителем, на других людей (коронация и помазание) [Вебер, б. г.]. Совокупность этих понятий дает нам ключ для объяснения проблемы чуждости.

Как население, так и правители варварских королевств, политических новообразований, появившихся в короткий срок не столько на руинах античного мира, сколько на базе синтеза римского и варварского укладов, нуждались в убедительном обосновании нового политического порядка. Двоичность истоков новой государственности требовала конструирования комбинированной идентичности: для романского населения варварские завоеватели были в самом буквальном смысле чужаками — отсюда генетические мифы, связывавшие германцев с Римом. Как отмечает В. К. Ронин, во Франкском королевстве даже представители древних именитых родов, гордившихся своим происхождением, через некоторое время отождествляют себя с завоевателями, считая Франкию своей родиной [Ронин, 1989: 71].

Сами новые властители для обоснования своих полномочий в глазах соплеменников, не забывших времен «военной демократии», обращаются к авторитету мифологизированной фигуры первопредка — харизматического основателя династии (им может быть языческий бог или мифическое существо, как в случае с Меровингами). Языческие верования сочетаются с христианской доктриной, принятие которой опять-таки помога-

ет сближению королей с покоренным населением и способствует символическому отчуждению от варваров (недаром именно короли и князья выступают в качестве крестителей подданных-язычников как в Европе, так и на Руси). Далее, с укреплением государственности, «очуждение» власти формализуется — харизма королевской власти передается через помазание и коронацию. Подданные впитывают все эти нововведения (не всегда, конечно, легко и пассивно), т. к. сами нуждаются, по причинам психологическим, в «остранении» своих повелителей.

Таким образом, особость или обособленность власти объясняется ее харизматичностью, которая, в свою очередь, может базироваться на иномирных (сакральных) основаниях или на инокультурности ее носителей. При этом чаще всего два основания харизмы сочетаются, т. к. легче приписать сакральные черты «пришельцу», нежели «автохтону».

Итак, анализ особенностей раннесредневековых властных отношений сквозь призму проблемы чужеродности власти позволяет сделать вывод о том, что чуждость, инаковость носителей последней являлась неотъемлемой, сущностной чертой их авторитета. Применение наработок психологии и социологии позволяет прояснить причины этого явления.

Литература

Аверинцев С.С. (1976) Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. [The fate of the European cultural tradition in the era of transition from Antiquity to the Middle Ages]. Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука. С. 17–64.

Averintsev S.S. (1976) Sud'by evropeyskoy kul'turnoy traditsii v epokhu perekhoda ot antichnosti k srednevekov'u [The fate of the European cultural tradition in the era of transition from Antiquity to the Middle Ages]. Iz istorii kul'tury srednih vekov i Vozrojdiya. Moscow: Nauka. S. 17–64.

Блок М. (1998) Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии [The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England]. М.: Языки русской культуры.

Bloch M. (1998) Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavleniy o verh'tstestvennom haraktere korolevskoy vlasti, rasprostrannennyh preimuschestvenno vo Frantsii i Anglii [The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England]. Moscow: Yazyki russkoi kultury.

Бурдьё П. (1993) Социология политики [Sociology of politics]. М.: Социо-Логос.

Bourdieu P. (1993) Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos.

Вебер М. Типы господства [Domination types]. (2012) Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (accessed 6.02.2012).

Weber M. Tipy gospodstva. (2012) Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (accessed 6.02.2012).

Вебер М. (1988) Харизматическое господство [Charismatic domination]. Социологические исследования. № 5. С. 139–147.

Weber M. Harizmaticheskoye gospodstvo. Sociologicheskie issledovaniya. № 5. P. 139–147.

Каййа Р. (2003) Человек и сакральное [Man and the sacred]. М.: У.Н.Р. С. 141–294.

Caillouis R. (2003) Chelovek i sakral'noye [Man and the sacred]. Moscow: U.N.P. P. 141–294.

Козлов В., Майков В. (2007) Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Т. 1. [Transpersonal project: psychology, anthropology, spiritual traditions. Vol. 1]. Режим доступа: <http://www.zi-kozlov.ru/books/transpersonalproject> (accessed 22.04.2016).

Kozlov V., Maykov V. (2007) Transpersonal'niy proekt: psihologiya, antropologiya, dukhovniye traditsii. T. 1 [Transpersonal project: psychology, anthropology, spiritual traditions. Vol. 1]. Available at: <http://www.zi-kozlov.ru/books/transpersonalproject> (accessed 22.04.2016).

Корсунский А.Р. (1963) Образование раннефеодального государства в Западной Европе [Formation of early feudal state in Western Europe]. М.: Изд-во МГУ.

Korsunsky A.R. (1963) Obrazovaniye rannefeodalnogo gosudarstva v Zapadnoy Evrope [Formation of early feudal state in Western Europe]. Moscow: Izd-vo MGU.

Кэмпбелл Дж. (1987) Тысячеликий герой [Hero with a Thousand Faces]. М.: Ваклер, Refl-book, АСТ.

Campbell J. (1987) Tysachelikiy geroy [Hero with a Thousand Faces]. Moscow: Vakler, Refl-book, AST.

Лебедев Г.С. (1983) Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) [The konungs-vikings (the characterization of the type of feudal leader in Scandinavia)]. Политические деятели античности, Средневековья и Нового времени. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 44–53.

Lebedev G.S. (1983) Konungi-vikingi (k harakteristike tipa rannefeodal'nogo deyatelya v Skandinavii) [The konungs-vikings (the characterization of the type of feudal leader in Scandinavia)]. Politicheskije deyatelyi antichnosti, srednevekovya i novogo vremeni. Leningrad: Izd-vo LGU. P. 44–53.

Лебедев Г.С. (2005) Эпоха викингов в Северной Европе. [The Vikings era in Northern Europe and in Russia]. СПб.: Евразия.

Lebedev G.S. (2005) Epokha vikingov v Severnoy Evrope [The Vikings era in Northern Europe and in Russia]. St. Petersburg: Evrazia.

Мельникова Е.А. (2011) Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтнической знати. [The origin of the ruling dynasty in the medieval historiography. Legitimization of otherethnicity nobility]. Древняя Русь и Скандинавия. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 109–114.

Melnikova E.A. (2011) Proishozhdenie pravuyashey dinastii v rannesrednevekovoy istoriografii. Legitimizatsiya inoetnichnoy znati [The origin of the ruling dynasty in the medieval historiography. Legitimization of otherethnicity nobility]. Drevnyaya Rus' i Skandaviya. Moscow: Russkiy fond soдействия obrazovaniyu i nauke. P. 109–114.

Адрианова-Перетц В.П. (1996) Повесть временных лет [Tale of Bygone Years]. СПб.: Наука.

Adrianova-Peretz V.P. (1996) Povest' vremennih let [Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka.

Прангишвили А.С. (1978) К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д. Узнадзе [On the problem of the unconscious in the light of the setting theory: School of D. Uznadze]. Бессознательное. Природа, функции, методы, исследования. Тбилиси: Mezniereba. Т. 1. С. 84–94.

Prangishvili A.S. (1978) K probleme bessoznatel'nogo v svete teorii ustanovki: shkola D. Uznadze [On the problem of the unconscious in the light of the setting theory: School of D. Uznadze]. Bessoznatel'noye. Priroda, funktsii, metody issledovaniya. Tbilisi: Mezniereba. Vol. 1. P. 84–94.

Ронин В.К. (1987) Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII — начале IX в. [The political organization of the Slavs in Central Europe and its relations with its western neighbors in the VII — the beginning of the IX c.]. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука. С. 83–97.

Ronin V.K. (1987) Politicheskaya organizatsiya slaviyan Tsentral'noy Evropy i ih otnosheniya s zapadnimi sosediyami v VII — nachale IX v. [The political organization of the Slavs in Central Europe and its relations with its western neighbors in the VII — the beginning of the IX c.]. Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nih slaviyanskih gosudarstv i narodnostey. Moscow: Nauka. P. 83–97.

Ронин В.К. (1989) Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания [Franks, Visigoths, Lombards in the VI–VIII centuries: political aspects of self-awareness]. Одиссей. М.: Наука. С. 60–76.

Ronin V.K. (1989) Franki, vestgoty, langobardy v VI–VIII vv.: politicheskiye aspekty samosoznaniya [Franks, Visigoths, Lombards in the VI–VIII centuries: political aspects of self-awareness]. Odisey. Moscow: Nauka. P. 60–76.

Семенов В.Ф. (1950) Салическая правда [Lex Salica]. Ученые записки МГПИ. Т. LXII. М.: Изд-во МГПИ.

Semenov V.F. (1950) Salicheskaya pravda [Lex Salica]. Ucheniye zapiski MGPI. Vol. LXII. Moscow: Izd-vo MGPI.

Устрялов Н. (1863) История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. [The history of the reign of Peter the Great]. СПб.: Типография 2-го отделения Его Императорского Величества канцелярии.

Ustryalov N. (1863) Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago. Vol. 4. Pt. 1. [The history of the reign of Peter the Great] St. Petersburg: Tipografija 2-go otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii.

Фромм Э. (1990) Бегство от свободы [Escape from Freedom]. М.: Прогресс.

Fromm E. (1990) Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. Moscow: Progress.

Хорни К. (2000) Невротическая личность нашего времени. Самоанализ [Neurotic personality of our time. Introspection]. М.: Прогресс.

Horney K. (2000) Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeny. Samoanaliz [Neurotic personality of our time. Introspection]. Moscow: Progress.

Шерозия А.Е. (1978) Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки [Psychoanalysis and the theory of unconscious psychological setting]. Бессознательное. Природа, функции, методы, исследования. Тбилиси: Mezniereba. Т. 1. С. 37–64.

Sherozia A.E. (1978) Psikhoanaliz i teoriya neosoznavaemoy psihologicheskoy ustanovki [Psychoanalysis and the theory of unconscious psychological setting]. Bessoznatel'noye. Priroda, funktsii, metody issledovaniya. Tbilisi: Mezniereba. Vol. 1. P. 37–64.

Якубский В.А. (1987) Сарматизм: функция генетического мифа в дворянском обществе Речи Посполитой [Sarmatism: the function of the genetic myth in the noble society of the Rzeczpospolita]. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 169–184.

Yakubsky V.A. (1987) Sarmatism: funktsiya geneticheskogo mifa v dvoryanskom obschestve Rechi Pospolitoj [Sarmatism: the function of the genetic myth in the noble society of the Rzeczpospolita]. Problemy sotsial'noy istorii i kul'turi srednih vekov. Leningrad: Izd-vo LGU. P. 169–184.

Chaney W. (1970) The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Berkley and Los-Angeles: Universiti of California Press.

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Калашников Михаил Васильевич

Саратовский государственный технический университет
имени Ю.А. Гагарина,
г. Саратов

Аннотация. В статье исследуются идеи, понятия и риторика эпохи Великих реформ в критическом дискурсе русского общественного сознания конца XIX — начала XX в. В рамках исследования использован метод историко-семантического анализа, главный постулат которого гласит: естественный язык — это изменяющаяся во времени знаковая система семантически организованного общественного сознания. Делается вывод, что уже в 1880-е гг. идеи и понятия 1860-х гг. потускнели, потеряли свою ясность и превратились в набор симулякров, пустых знаков; ключевое же понятие эпохи 1860-х гг. — понятие «либерализм» — к началу XX в. лишилось своего онтологического и проективного статуса. События 1917 г. в русском общественном сознании оказались не связаны с либеральным наследием эпохи Великих реформ: проект будущего возникал только из понятия «социализм». Вместе с тем наследие 1860-х гг. продолжало существовать как часть русского общественного сознания.

Ключевые слова: историко-семантический анализ, модернизм, общественное сознание, позитивизм (реализм), понятие «идеал», понятие «либерализм», понятие «социализм», симулякр, эпоха Великих реформ.

Люди, идеи и понятия 1860-х гг., уйдя в прошлое, так и остались непобежденными. В чем их сила? Почему вновь и вновь слышится сакральное: оглядываясь назад, «мы видим ясно...»?

В 1869 г. Н. В. Шелгунов, задаваясь вопросом: «Отчего так сильны люди шестидесятых годов?», писал: «Только потому, что для них не было нерешенных вопросов, что с готовым выводом для них не могло быть сомнений; в этом секрет всякой смелости и силы. Сила — в уверенности, в непогрешимости вывода и потому в твердом убеждении. Вот тот всеограшающий меч...» [Шелгунов, 1974: 106].

Позитивистская ясность и атеистическая вера в прогресс, столь характерные для умонастроения эпохи 1860-х гг., по своей силе сопостави-

мы с религиозным чувством. А их адепты воспринимались как новые пророки. Но если не создана новая церковь, а символы веры догматизируются, то адепты нового учения со временем превращаются в сектантов. Паства же разбредается по новым приходам...

К концу 1870-х гг. в русском общественном сознании происходит фрагментация понятия «либерализм» — ключевого понятия эпохи Великих реформ. Не оформившись инструментально-терминологически в 1860-е гг., оно распадается и дробится россыпью отдельных значений в зависимости от контекста словоупотребления. Это порождало ощущение онтологической неустойчивости и распада явлений социальной реальности описываемых этим понятием и свидетельствовало о том, что понятие «либерализм» к этому времени утратило свой проективный потенциал и перестало оказывать влияние на формирование социально-онтологического образа будущего в русском общественном сознании [см.: Калашников, 2012].

1 марта 1881 г. стало тем событием, которое оказало значительное влияние на понятийно-смысловую сферу русского общественного сознания. Спустя восемь лет, оценивая период от «рокового» 1861 г. до «ужасного» 1881 г., К. Н. Леонтьев писал: «...“бездна” (цареубийство. — М. К.), зиявшая давно в дали <...> разверзлась даже и перед слабыми умственными очами бессознательных и “добрых” наших либералов. И они наконец-то в ужасе отступили» [Леонтьев, 2010: 883]. На смену сциентистскому позитивизму и атеистическому реализму приходят метафизика и мистика. На рубеже 1901–1902 гг. А. А. Блок писал о 1880-х гг.: «Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой» [Блок, 1963: 29].

Бывший каракозовец П. Ф. Николаев заявил в середине 1880-х гг.: мы попали в «омерзительную помойную яму, без воздуха и просвета, в это царство торжествующей свиньи, именуемое 80-ми годами...». В этой перспективе только что отбывшему каторгу и ссылку П. Ф. Николаеву период 1860-х гг. представлялся «золотым веком русского общества», который, однако, виделся ему «как <...> весьма туманный и весьма проблематический» [Николаев, 1977: 411].

Схожие настроения и чувства господствовали в это время не только в оппозиционной среде. 9 декабря 1884 г. монархически настроенный А. А. Голенищев-Кутузов в «Санкт-Петербургских ведомостях» опубликовал статью с характерным названием: «Так жить нельзя». Отметив, что «всякое внутреннее содержание жизни исчезло», он констатировал: «Горька отрицания шестидесятых и семидесятых годов после страшного кризиса 1 марта стала утихать, и сквозь редящийся туман умственной

смуты все яснее выступает картина разрушений и опустошений, произведенных во внутреннем складе общества этою горячкою. Старые идеалы поруганы и забыты; новые не созданы...» [Поэты 1880..., 1972: 665–666].

В 1880-е гг. идеи и понятия 1860-х гг. тускнеют и теряют свою ясность. Риторика уходящей эпохи превращается в набор симулякров. Слова, имевшие в качестве означающих абстрактные понятия, утрачивают определенность своих значений. В 1905 г. литературный критик Ф. И. Маковский писал: «...»идеи правды и простоты», ставшие в 60-х годах, по выражению [Г.И.] Успенского, “необходимостью для общества”, превратились в 80-х гг. для денежной среды во “вздорный бред угасших дней”, выражаясь языком г. Лохвицкой» [Маковский, 2008: 156].

К концу 1880-х гг. не только в «денежной среде» риторика 1860-х гг. стала восприниматься как «вздорный бред», а шестидесятники — как тени из прошлого. В 1888 г. молодой А. П. Чехов пишет рассказ «Именины». Сам он оценивал свой рассказ как «жизненный и <...> с “направлением”» [Чехов, 1975: 2: 336] и просил издателей «...не вычеркивать в <...> рассказе ни одной строки» [Чехов, 1976: 3; 10]. Настолько важным было для А. П. Чехова стремление выразить свою позицию в отношении недавнего прошлого, которое, по его мнению, мешает настоящему.

Шестидесятника, сохранившего в конце 1880-х гг. верность идеалам своего времени, А. П. Чехов изобразил так: «...пожилой, но еще не поседевший человек в крылатке и в порыжелой шляпе, с желтым, полинявшим лицом. <...> Говорит он всегда длинно, монотонно и с претензией на литературность. Почему-то он называет себя человеком шестидесятих годов (таких полинявших субъектов, монополизирующих шестидесятих годов, в каждом городе и уезде имеется по одному). <...> всегда неизменно говорит он об идеалах, об эмансипации женщин, о прогрессе, о темных силах, о науке, о литературе, декламирует с чувством стихи, в которых встречаются часто слова заря, закат, факел, рокот <...> На правах человека шестидесятих годов он грустит о светлом прошлом и отрицает настоящее. <...> Язык его вычурен и изыскан. Так, будущее называет он грядущим, молодых людей — молодою силой или подрастающим поколением, мужиков — народной нивою и т. п. Не говорит он в сущности ничего дурного и, вероятно, всегда искренен, но почему-то всякий раз, едва он откроет рот и своим замогильным тенорком заведет речь об эмансипации или идеалах, как от всей его фигуры начинает веять старым, заброшенным погребом» [Чехов, 1985: 7; 547–548].

Сотрудник редакции «Северного вестника» шестидесятник А. Н. Плещеев, прочитав «Именины», не понял автора и искренне возмутился. 6 октября 1888 г. он с недоумением пишет А. П. Чехову: «...в Ва-

шем рассказе Вы смеетесь <...> над человеком 60-х годов, застывшим в идеях этой эпохи, — за что собственно? Вы сами прибавляете, что он искренен и что дурного он ничего не говорит» [Чехов, 1976: 3; 324].

А. П. Чехов, для которого выражение его позиции носило принципиальный характер, в письме от 9 октября 1888 г. так ответил А. Н. Плещееву: «Что же касается человека 60-х годов, то в изображении его я старался быть осторожен и краток <...> Я щадил его. Это полинявшая, не деятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; <...> Это не шарлатан, а дурачок, который верует в то, что бормочет, но мало или совсем не понимает того, о чем бормочет. Он глуп, глух, бессердечен. <...> он во имя 60-х годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее, которого не видит; <...> Он скучен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик». Далее А. П. Чехов делает небольшой реверанс явно в сторону самого А. Н. Плещеева: «Шестидесятих годов — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его значит опозлять его». Но при этом твердо заявляет: «Нет, не вычеркну я <...> этого гуся, который мне надоел! <...> Когда я изображаю подобных субъектов или говорю о них, то не думаю ни о консерватизме, ни о либерализме, а об их глупости и претензиях» [Чехов, 1976: 3; 19]. Заметим, что в отдельном издании «Именин» в 1893 г. А. П. Чехов, явно под давлением «либеральной общестственности», убрал характеристику «человека 60-х годов».

Тот же А. П. Чехов 24 декабря 1890 г. писал А. С. Суворину: «...если бы мне предложили на выбор что-нибудь из двух: “идеалы” ли знаменитых шестидесятих годов или самую плохую земскую больницу настоящего, то я, не задумываясь, взял бы вторую» [Чехов, 1976: 4; 148–149]. А. П. Чехов не случайно поставил слово *идеалы* в кавычки. «Идеал», «идеалы» — одно из ключевых понятий эпохи 1860-х годов. К. И. Чуковский в мемуарах, спустя много лет, писал: «...к началу девяностых годов из слова “идеал” уже окончательно выветрилось его прежнее боевое значение, которое было присуще ему в шестидесятих и семидесятих годах, и в пору моей юности оно уже стало абстракцией, лишенной какого бы то ни было реального смысла» [Чуковский, 1963: 90].

К началу 1890-х гг. в русском общественном сознании возобладал на время ситуативный консерватизм, сам порождавший, ввиду отсутствия внятной проективности, ощущение безвременья. Эпоха безвременья, т. е. настоящее без будущего, в свою очередь, порождала ощущение онтологического хаоса. Ностальгируя по атмосфере спокойной силы, независимого достоинства и взаимного уважения, характерной, по его мнению, для эпохи 1830–1840 гг., Б. Н. Чичерин 8 августа 1890 г. писал Л. Н. Толстому: «На старости лет единственное удовольствие, которое я еще испытываю, состоит в чтении старых писем и записок.

Становится грустно и завидно. Несмотря на безумный гнет сверху и на крепостное право, были нормальные люди и нормальные отношения. Все это потонуло в том хаосе понятий, в котором мы кружимся, как в омуте во время половодья, да еще при ледяном северном ветре!» [Чичерин, 1928: 303].

Изменение отношения нового поколения к наследию 1860-х гг. одним из первых резюмировал В. В. Розанов. 7 июля 1891 г. в «Московских ведомостях» он констатировал: «Факт, что дети, взращенные “людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой “правды”, нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно, — есть факт одинаково для всех поразительный, вносящий много боли в нашу внутреннюю жизнь и, без сомнения, одною силою своею, своим значением имеющий определить характер по крайней мере ближайшего будущего» [Розанов, 1996: 159].

Через неделю там же выходит вторая статья В. В. Розанова, в которой «главным недостатком “наследства 60–70-х годов”» он назвал «...грубость мысли, способной лишь к поверхностным наблюдениям и заключениям...». Следствием этого, по мнению В. В. Розанова, «...была неверность их (шестидесятников. — М. К.) воззрений, как на окружающую природу, так и на самого человека. <...> он считался этим поколением простым продолжением физической природы <...> Его дух, его идеи и верования, его стремления в истории — все это считалось только производным от его физических данных...» [Розанов, 1996: 177].

20 июля 1892 г., уточняя свои выводы, В. В. Розанов подверг критике методологическое основание идейного наследия 1860-х гг. В частности, он писал: «Я заметил, что главный недостаток людей шестидесятых годов заключался в слабой вдумчивости, в отсутствии какой-либо сложности, какого-либо узора в их мышлении» [Розанов, 1996: 194]. 17 октября 1892 г. все в тех же «Московских ведомостях» В. В. Розанов определяет 1860–1870-е гг. как «сухие и тощие», когда у людей были «”простые и ясные мысли”, какими довольствовались то время» [Розанов, 1996: 205].

В начале 1890-х гг. для А. П. Чехова идеи 1860-х гг. — это «чужие лоскутья». 25 ноября 1892 г. он пишет А. С. Суворину: «...я умен по крайней мере настолько, чтобы <...> не прикрывать своей пустоты чужими лоскутьями вроде идей 60-х годов...» [Чехов, 1977: 5, 134].

Отказ от наследия недавнего прошлого затронул даже такую далекую на первый взгляд от идейных разногласий сферу, как музыка. 29 сентября 1891 г. А. К. Глазунов писал музыкальному критику С. Н. Кругликову о музыке последнего времени: «Все то, что было ново, талантливо в 60-х и 70-х годах, теперь <...> пародируется...» [Глазунов, 1958: 169].

В это время казалось, что эпоха 1860-х гг. стремительно уходит в прошлое. 13 августа 1892 г. в тифлисской газете «Новое обозрение» Г. М. Туманов, разбирая рассказ А. П. Чехова «Соседи», писал: «момент для обличения представителей 60-х гг. выбран неудачно», так как люди 1860-х гг. «...почти отжили свой век, не пользуются ни в каких сферах каким бы то ни было влиянием» [Чехов, 1985: 8; 445]. Еще более определенно 31 июня 1893 г. высказался В. В. Розанов: «60–70-е годы почти уже умерли в своем *точном* и *ограниченном* смысле; не так уже смотрим мы на дела их и речи, многое растеряли из них и не особенно дорожим оставшимся; еще всплеск исторической волны, и все будет залито там...» [Розанов, 1996: 282]. (Выделено в публикации. — М. К.)

Совершенно в унисон с А. П. Чеховым и В. В. Розановым в середине 1890-х гг. выступил и В. И. Ленин. В 1894 г. в статье «Что такое дружба народа и как они воюют против социал-демократов» он писал: «...в эпоху 60-х годов <...> Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д. — те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. <...> либеральная и радикальная “интеллигенция” <...> изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п. <...> любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом» [Ленин, 1967: 294].

У нового поколения сам образ мемориализовавшихся шестидесятников вызывал антипатию. В 1895 г. молодой И. А. Бунин пишет рассказ «На даче». Эпизодический персонаж рассказа, адвокат Викентьев, крайне несимпатичен автору. Это «...человек небольшого роста, кругленький, с маленькими ногами и руками. Называя себя “верным шестидесятником”, он небрежно повязывал галстук, не стриг своих серых, мягких волос и часто развязно закидывал их назад. Матовое его лицо было молодо и неприятно» [Бунин, 2006: 371].

А. П. Чехов остро чувствовал несовпадение звонкой фразы 1860-х гг. и окружающей реальности, порождавшее ощущение беспринципности и аморализма произносящих эти фразы людей. В дневниковых записях 1897 г. А. П. Чехов замечает: «19-го февр. обед в “Континентале” в память великой реформы. Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера, — это значит лгать святому духу» [Чехов, 1987: 17; 225].

Центральная риторическая фигура либерального дискурса в рамках наследия 1860-х гг. — выражение «увенчать здание реформ». То есть логическим завершением Великих реформ должны были стать конституция и введение представительного правления. В 1890-х гг. в рамках критического дискурса подобная риторика вызывала неприязнь и раздражение. «Игра в свои собственные конституционные мечты — политический онанизм», — замечает в записной книжке 1890-х гг. В.О. Ключевский. О либеральной риторике шестидесятников в целом он пренебрежительно пишет: «П. и К° — жвачные умы [18]60-х годов, пережевывающие случайно попавшую в рот либеральную жвачку, уже утратившую всякую питательность. Раз усвоенный образ мыслей из убеждения ума превратился в дурную привычку мозга»¹ [Ключевский, 1990: 386–387].

Не менее критично воспринимал либералов-шестидесятников и М. Горький. Летом 1896 г. в разделе «фельетон» «Нижегородского листка» он публикует этюд «Открытие». Михаил Иванович, главный герой этюда, — человек неопределенной профессии, однако, живущий с женой как обеспеченные и «вполне порядочные буржуа». Накануне они были «в гостях у журналиста Худатова, и там, как всегда <...> поднимали и решали разные вопросы. Общий тон разговоров был либеральный, — пишет М. Горький, — а Михаил Иванович, человек иного настроения <...> Он думает, что это либерализм профессионалистов, либерализм по привычке и по обязанности, — нечто старое, узкое и поросшее плесенью традиции, сквозь которую в него не проникает дух новых веяний <...> Его раздражают и вызывают в нем чувство иронии эти давно знакомые речи, эти ссылки на авторитеты, довольно-таки поношенные, и на книги, порядочно уже устаревшие». Аня, жена Михаила Ивановича, также раздражена вчерашним визитом. «Эти их мысли, их речи, — говорит она мужу, — которые даже я, не слушая их, слышала уже более пятидесяти раз <...> зачем все это? Какой во всем этом смысл? Какое значение, результат, пользу, красоту имеют эти либеральные собрания, на которых говорят так много и всегда так мало скажут?» [Горький, 1949: 2; 317, 325].

Вспоминая весной 1929 г. конец 1890-х гг., А. Белый писал: «Не удалось попытки прожить под знаменами позитивизма, либерализма <...> от этих знамен в конце века несло на меня мертвой затхлостью; все действительное бежало от сих знамен: и вправо, и влево; средняя линия одно-

¹ Р.А. Киреева, комментируя это высказывание В.О. Ключевского, замечает: «П. — Вероятно, речь идет о К.П. Победоносцеве». Мы предполагаем, что т.к. ниже в этой же записной книжке отмечено: «Пыпин — дворник либералов — подмечает, что они насорят и напакостят в печати» [Ключевский, 1990: 502, 410], вполне понятно, что В.О. Ключевский, когда писал о «либеральной жвачке», имел в виду А.Н. Пыпина, двоюродного брата Н.Г. Чернышевского, и ему подобных шестидесятников, а не К.П. Победоносцева.

линейного прогресса по Спенсеру — редела: усиливались где-то сбоку от средней лежащие обитатели пессимизма, анархического нигилизма, ницшеанства, марксизма, революционного народничества; спасались даже... в “мистику” <...> Убегало все, имеющее хоть искру жизни: от эдакой жизни!» [Белый, 1989: 120].

В русском общественном сознании рубежа XIX–XX вв. понятие «либерализм», ключевое понятие эпохи 1860-х гг., начинает ассоциироваться с понятием «мещанство», непременным атрибутом которого в представлении современников было преклонение перед наследием Великих реформ. Образ либерала-мещанина рисовался крайне сниженным. В записной книжке 1891–1904 гг. А.П. Чехов свои наблюдения отразил так: «Когда этот либерал, пообедав без сюртука, шел к себе в спальню и я увидел на его спине помочи, то было так понятно, что этот либерал — обыватель, безнадёжный мещанин» [Чехов, 1987: 17; 104]. Совершенно в том же духе говорит об этом явлении один из героев очерка М. Горького «Мужик», написанного в 1899 г., В.И. Сурков, помощник присяжного поверенного: «Когда российский порядочный человек начинает развивать свое мирозерцание — его речь имеет вкус деревянного масла с мухами. <...> Деревянное масло — это порядочность, мухи — убеждения либеральных людей. Вот почему русские порядочные люди скверно пахнут... <...> Все порядочные люди — это идейные мещане... Порядочность — мещанский идеал. Порядочный человек образуется из платонического почтения к великим реформам и скрытой боязни будочника... Порядочный человек обязан склеивать себе убеждения из передовых статей либеральных газет, и хотя такие убеждения не отличаются прочностью, но шелестят, как шелковые... <...> Эпоху великих реформ он уважает искренно потому, что без великих реформ ему на земле было бы совершенно нечего делать. <...> Преобладающее настроение порядочного человека скромно-кислое... <...> Он не прочь получить небольшую конституцию или хотя бы маленький орден. Всю жизнь хвалит англичан за их умение быть культурными и искренно любит ростбиф...» [Горький, 1950: 4; 370–373].

В самом начале XX в. историк живописи А.Н. Бенуа писал: «В наше время <...> Все, что было молодого и свежего, ринулось в объятия мистики, старики же обдали молодежь за это презрением и до сих пор стойко продолжают защищать заветы материализма и либерализма середины XIX века». То есть идейное наследие эпохи Великих реформ. По мнению А.Н. Бенуа, «...даже реализм — это детище XIX века — приобрел за последнее время совершенно особую окраску <...> Из грубого, тенденциозного натурализма он снова превратился в любовное, проникновенное и непосредственное изучение жизни» [Бенуа, 1995: 344].

Несмотря на то, что эпоха 1860-х гг. ушла в прошлое, ее адепты присвоили себе право обладания истиной в последней инстанции. «Либеральная жандармерия», как ее называли современники, не прощала никого и строго карала за посягательство на «великое наследие». Осенью 1900 г. П. Б. Струве писал: «В настоящее время, <...> даже самая умеренная по форме и основательная по существу критика идей, пущенных в оборот в достопамятную эпоху 60-х годов, считается святотатственной...» [Струве, 2008: 67].

Вместе с тем на рубеже XX в. Б. Н. Чичерин констатировал: «...Россия вступает в двадцатый век. Что стало с тем подъемом духа, с теми великими надеждами, с которыми она встретила преобразования Царя-Освободителя? Все это разлетелось в прах» [Чичерин, 1900: 160].

Адепты наследия 1860-х гг. подвергались критике со стороны различных политических сил. Публицист-черносотенец В. Л. Величко в начале 1903 г. совершенно справедливо писал: «В одном из наших буржуазно-либеральных журналов было употреблено выражение “традиции 60-х годов”, причем во главе этого понятия ставился пресловутый “правовой порядок”. Автор этой фразы неточно понимает слово “традиция”: традицией нельзя назвать упорную приверженность отвлеченным формулам, проявляемую, вдобавок, людьми, оторванными от исторической почвы: традиции с неба не падают по прихоти законодателя или кучки публицистов, и не десятилетиями мерится время развития всего того, что заслуживает названия традиций!» [Величко, 2010: 183]. (Выделено в публикации. — М. К.)

4 февраля 1904 г. умер Б. Н. Чичерин, а незадолго перед этим, 17 января, на сцене МХТ состоялась премьера комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». Либеральные идеи в пьесе транслирует брат главной героини Л. А. Гаев — «аристократ», помещик-шут, сама фамилия которого, вероятно, образована от слова гаер — шут¹. В первом действии пятидесятилетний резонерствующий шут Л. А. Гаев, обращаясь к столетнему книжному шкафу, произносит пафосную, насыщенную либеральной риторикой речь: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, — декламирует Л. А. Гаев, — которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (*сквозь слезы*) (Ремарка А. П. Чехова. — М. К.) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас

¹ «Гаер <...> шут в народных играх, который смеши людей пошлыми приемами, рожами, ломаньем; <...>. Гаеров, ему принадлежащий» [Даль, 1995: 340]. (Выделено в публикации. — М. К.)

идеалы добра и общественного самосознания» [Чехов, 1986: 13; 206–208.].

Для непонятливых зрителей и читателей в конце первого действия Л. А. Гаев говорит своей племяннице Ане: «И сегодня я речь говорил перед шкапом... так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо». Глупо и неуместно было не только то, как он это сделал, но и то, что он говорил. Сам Л. А. Гаев характеризует себя так: «Я человек восьмидесятых годов... Не хвалят это время, но все же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни». В устах резонерствующего шута-аристократа, по замыслу А. П. Чехова, это должно было восприниматься, по меньшей мере, комично. В совокупности все это дает ощущение сентиментальной лживости либеральной риторики.

В речи Л. А. Гаева перед столетним книжным шкафом А. П. Чехов пародировал либеральную риторику эпохи Великих реформ, ощущавшуюся в начале XX в. как пустое и не имеющее цены фразерство, как россыпь симулякров, пустых знаков. Характерно, что известный юрист А. Ф. Кони, ученик Б. Н. Чичерина по Московскому университету, в письмах учителю в конце XIX — начале XX в. использовал именно эту риторику. «Тридцать четыре года назад, — писал он 15 ноября 1898 г. Б. Н. Чичерину, — слушал я Вас в университете и в Ваших словах почерпал идеал правды и справедливости...». 12 февраля 1901 г. А. Ф. Кони вновь писал Б. Н. Чичерину: «...Вы не можете не чувствовать той любви, которую я питаю к Вам, как живому насадителю во мне и носителю “даже до сего дни” лучших идеалов человека и гражданина» [Кони, 1969: 144, 172].

Однако в начале XX в. единственным прибежищем «светлых идеалов добра и справедливости», «веры в лучшее будущее», «идеалов добра и общественного самосознания» становится столетний книжный шкаф, стоящий в «комнате, которая до сих пор называется детской» в когда-то «богатом и уютном» господском доме. Собственно в этом и состоит смысл чеховской иронии. Заметим, что в конце XIX — начале XX в. А. П. Чехов был одним из самых последовательных и непримиримых противников «великого наследия» Его мироощущение резко диссонировало с «высоким стилем» 1860-х гг.

28 января 1904 г. умер последний пастырь эпохи великих реформ Н. К. Михайловский. В статье на смерть «пророка», наполненной пафосом и риторикой 1860-х гг., А. В. Амфитеатров эпически писал: «Отошел в вечность бесспорный вождь и глава всей прогрессивной русской журналистики и последний сильный пророк позитивизма, приявший дух и знамя его от старших богатырей шестидесятых годов. <...> Михайловский ни на миг не выпустил древка из рук, ни на пядь не отступил с дав-

ней, буйными боями завоеванной позиции. <...> пусть для многих он слыл уже либеральным старовером! <...> Имя Михайловского стало на Руси символом литературной порядочности, а его авторитетное благословение — паспортом на принадлежность к передовому полку русского прогресса. <...> Он так долго поднимал вверх свое знамя, что наконец <...> слился с ним в один образ и стал сам знамя... “Человек — знамя!”...». Сравнивая Михайловского с Моисеем, А. В. Амфитеатров писал: «Синай шестидесятих годов <...> прошептал Михайловскому лучшие тайные слова своего идейного завета и отправил его в мир проповедовать воспринятую мудрость» [Амфитеатров, 1909: 175–176, 178, 181–182].

На смерть Н. К. Михайловского и Б. Н. Чичерина большой статьей откликнулся Н. А. Бердяев. «Оба они были точно высечены из цельного куска гранита, с твердостью <...> пронесли они свою веру через всю жизнь, крепко вросли в свою почву и искренно презирали все колеблющееся и мятущееся, все несогласное с их раз навсегда установившимися убеждениями». Если Б. Н. Чичерин, забытый еще при жизни, оставался для широкой публики в тени прошлого, то «со смертью Михайловского, — по мнению Н. А. Бердяева, — как бы сошла со сцены целая эпоха в истории нашей интеллигенции, оторвалась от нас дорогая по воспоминаниям частица нашего существа, нашей интеллигентской природы» [Бердяев, 1989: 179, 191].

Современная критика обвиняла хранителей «великого наследия» 1860-х гг. именно в том, что они ставили в заслугу Н. К. Михайловскому и Б. Н. Чичерину. Летом 1904 г. З. Н. Гиппиус писала: «...нет сомнения, что нашим так называемым “либералам” в высшей степени и главным образом чужд дух свободы. Они тщательно сохраняют, охраняют, консервируют себя, свои мысли и убеждения многие годы, не допуская ни малейшей в них перемены, не желая считаться ни с чем. Мысли эти, вернее, форма их, для них свята, как буква закона. И к нарушителям охраняемой ими *формы* они относятся с беспощадной и суровой нетерпимостью. Как древние евреи, они не желают знать, что “законом не спасается никакая тварь”, что “мы живем не законом, а благодатью”, т. е. “духом Господним, который и есть свобода”. <...> Закон либералов называется “свободой”, и от этого он несколько не меньше *закон*» [Гиппиус, 2003: 109]. (Выделено в тексте. — М. К.)

В то время как уходили титаны либеральной эпохи 1860-х гг., в русском общественном сознании в условиях нарастающей революции все большую популярность завоевывал социализм. В декабре 1905 г. С. Л. Франк писал: «...социализм, будучи прямым выводом из либерально-демократических идей свободы и равенства, прибавляет к ним лишь

одну принципиально новую идею — идею *солидарности* или *братства*. <...> Эта идея уже завладела умами всех, стала уже аксиомой современного общественно-морального сознания» [Франк, 1990: 71–72]. (Выделено в тексте. — М. К.)

Ключевое понятие эпохи 1860-х гг. — понятие «либерализм» в русском общественном сознании начала XX в. окончательно утрачивает свой онтологический статус. В начале XX в. в сознании современников оно прочно ассоциировалось с ушедшей в прошлое эпохой Великих реформ. Само понятие «либеральные реформы» означало не более чем славное прошлое. Весной 1907 г. А. А. Блок писал: «...ветхая одежда блаженной памяти русского “либерализма”, необходимого когда-то, соответствовавшего духу “эпохи великих реформ”, но не довольно радикального в наше время, когда сама подлость начинает либеральничать» [Блок, 1999: 59].

Стилистика и риторика эпохи Великих реформ были тесно связаны с реализмом (позитивизмом). В начале XX в. позитивизм воспринимается уже как анахронизм. Метафизика и идеализм, мистика и символизм, модернизм, футуризм овладевают умами современников.

В 1905–1907 гг. происходят изменения не только в политической сфере, но и в сфере искусства. А. Белый вспоминал: «1907 год — ознаменован победою модернизма <...> до 1907 года мы — отщепенцы; читатели наши — оторванцы разных классов, несколько десятков эстетов...» [Белый, 1990: 172].

К концу 1900-х гг. наследие эпохи 1860-х гг. окончательно уходит в прошлое. Современность заговорила не только другим языком, но и в другой стилистике. В 1908 г. Е. Аничков писал: «Мы чувствуем слог XVIII столетия. Теперь, что они уходят в глубь прошлого, мы чувствуем слог и шестидесятих годов» [Аничков, 1908: 65].

Различие форм остро чувствовали символисты. Эллис (Л. Л. Кобылинский) весной 1909 г. писал: «Не случайна и форма (самая внешняя) книг: в них видна идейная эпоха <...> Не случайно эпоха 60-х годов была эпохой журналов; журналов на плохой, непременно плохой, бумаге, с безобразным шрифтом, но обязательно журналов. “Все равно как, лишь было бы что” — девиз эпохи требовал этого. “Все равно что, лишь бы во имя” — был ее второй девиз. <...> Эпоха *эстетизма* сказалась установлением большей связи между содержанием и формой книги, чем когда-либо прежде. Обложка стала девизом, лозунгом, иногда более знаменем, чем добрая половина книги. <...> каждая внешняя черточка нового стиля книг заговорила: “все равно что, лишь было бы как!” Это значит, что новая эпоха созрела!» [Эллис, 2000: 122–123]. (Выделено в тексте. — М. К.)

Модернизм охватывает все идейные направления. В 1909 г. публицист социал-демократ А. Н. Потресов отмечает: «...в переживаемый нами момент симбиоз модернизма с политикой не является отнюдь “одиозной” привилегией либерализма <...> в своем распространительном движении модернизм <...> идет гораздо дальше в глубь демократии, совершая опустошения в сердцах и умах той среды, которая определяется обычно неопределенной кличкой левее “ка-де” и даже проникая туда, где, казалось бы, всего меньше места такому симбиозу. Мы имеем в виду “модернизацию” тех кругов и той части повременной печати, для которой марксизм продолжает еще быть руководящим учением». По мнению А. Н. Потресова «...послереволюционный развал сделал модернизм всеинтеллигентской, обще-демократической болезнью» [Потресов, 1909: 306, 325].

В русском общественном сознании начала XX в. язык эпохи Великих реформ воспринимается как анахронизм. На театральной сцене конца 1900 гг. либеральная риторика 1860-х гг. становится объектом пародирования. То, что еще недавно могло восприниматься как святотатство, стало вызывать смех. «Пародия на социальный тип — в начале века, — пишет Л. И. Тихвинская, — постоянная мишень для шуток: стародавний либерал, упивающийся потоком своего либерального красноречия, социально-исторический анахронизм, давно уже пустая форма» [Тихвинская, 2005: 286].

Как раз те качества, которые подвергались пародированию и осмеянию модернистами, у адептов 1860-х гг. вызвали одобрение. А. В. Амфитеатров в 1910 г. писал о достоинствах князя, актера и драматурга А. И. Южина-Сумбатова: «...представитель не слишком яркого, но стойкого и убежденного либерализма мысли и слова, автор гуманный, типичный интеллигент, с программой, ясно и определенно различающей общественное добро и зло по наследственным программам шестидесятих годов» [Амфитеатров, 1910:].

Однако уходящая натура не собиралась уходить сама. 1911-й — год юбилея отмены крепостного права, центральной реформы 1860-х гг. Подготовка к этому юбилею и череда торжеств на время реанимируют в общественном сознании интерес к эпохе. С января 1911 г. стал издаваться ежемесячный журнал «Современник». Это издание активно поддержал последний мастодонт ушедшей эпохи М. А. Антонович. В своем «Письме в редакцию» как истинный западник он писал: новый «Современник» должен быть «по духу и характеру» «Современником» 1860-х гг., тем более что ныне «воскресли и заговорили старое самохвальство и старинная кичливость святой Руси» [Пустильник, 1988: 482].

Подводя итоги 1911 г., К. И. Чуковский отмечал: «К шестидесятым годам, к героической своей эпохе заметно влечется теперь интеллигенция! Годовщина освобождения крестьян <...> тоже властно повела нас <...> к тем же шестидесятым годам. <...> это возобновление порванных связей со своими отцами и дедами, духовное этих отцов воскрешение. Ныне — ренессанс <...> возвращение к старому наследию отцов находит себе сильную поддержку в тех новых общественных группах, которые с такой быстротой начинают впервые приобщаться к русской культурной жизни, — в “полуинтеллигентах”, — как неточно и почти оскорбительно называются они у нас, в тех новосозданных слоях интеллигенции, которые образуются из народных низов» [Чуковский, 2012: 7; 555—556].

То, что показалось К. И. Чуковскому возрождением, было скорее ростом, хотя и значительным, ученического интереса к наследию 1860-х гг. как к части «обязательной программы» для нового слоя «полуинтеллигенции» («образованщины»), знакомство которого с русской культурой начиналось в период юбилейных тожеств. Тем более что на фоне сложностей модернизма наследие недавней эпохи выглядело простым и понятным.

В середине 1914 г. В. В. Розанов как бы подводит итог начавшемуся движению в сторону наследия 1860-х гг. И на основе собственных ощущений делает ряд выводов. Несмотря на кажущуюся субъективность, эти выводы, на наш взгляд, вполне релевантны для характеристики места и роли эпохи 1860-х гг. в русском общественном сознании кануна Первой мировой войны.

15 мая 1914 г. в подневных записях В. В. Розанов, как всегда парадоксально, замечает: «Конечно, и до настоящего времени продолжают, в сущности, 60-е годы. Они продолжают уже потому, что ничто после них не хлестнуло по русской душе с равной силою; не хлестнуло и не выхлестнуло их из души. <...> до сих пор, в сущности, *тон* всей литературы есть тон 60-х годов. Тон и темы, все содержание. Государственные думы — это 60-е годы. Революция 1905—1906 не прибавила йоты идейной к 60-м годам. У нас, в сущности, была одна революция, эти “60-е годы”: и она была так огромна, что выдерживает совершенно параллель и сравнение с французской революцией от появления Вольтера и Руссо до смерти Робеспьера. Европейские эпизоды 1830 и 1848 годов <...> не имеют, конечно, ни малейшей силы и величины сравнительно с эпохой “Современника”, Чернышевского и Добролюбова, Писарева и Михайловского. <...> 60-е годы были глубоко русскою эпохой; может быть — единственною чисто русскою. <...> ...в 60-е годы мы сбросили с себя и Византию и Европу...». 11 августа 1914 г. В. В. Розанов записывает:

«...тоска моя, отчего 60-е годы не проходят как “дым”, как “роса павшая”, — отчего и через полвека эта “роса” все “глаза ест» [Розанов, 1997: 341, 343–344, 483].

В годы войны наследие 1860-х гг. из сферы политического окончательно перемещается в образовательное пространство, в школьные классы. В январе 1915 г. В.Ф. Эрн, имея в виду критику неославянофильства А. Кизеветтером, пишет: «Гимназические аккорды меланхолических излияний шестидесятников не вызывают желаний их разбирать. Гимназии созданы для того, чтобы их кончать, и работы засидевшихся гимназистов могут серьезно интересовать лишь гг. педагогов» [Эрн, 1991: 360].

Накануне революции в январе 1917 г. Н. А. Бердяев критически оценивает адептов наследия 1860-х гг.: «Средняя мысль, мнящая себя интеллигентной, доходит до состояния полного бессмыслия. <...> Когда мысль делается статической, она костенеет и умирает. У многих наших передовых западников мысль остановилась на 60-х годах, они — охранители этой старой мысли, они остановились на стадии самого элементарного просветительства <...> В области мысли люди эти <...> консерваторы и охранители; они тянут назад, к рассудочному просветительству, они <...> враждебны всякому горению мысли» [Бердяев, 2007: 89]. Схожие настроения после встречи с иконой анархизма П. А. Кропоткиным испытал К. И. Чуковский. 31 июля 1917 г. он записывает в дневнике: «...я ушел с чувством недоумения и обиды. <...> Туповатым и ограниченным шестидесятником пахло на меня» [Чуковский, 2013: 11; 218].

События 1917 г. в русском общественном сознании оказались никак не связаны с понятием «либерализм», ключевым понятием 1860-х гг. Проект будущего в русском общественном сознании к этому времени утратил связь с либеральным наследием эпохи Великих реформ и возникал только из понятия «социализм». В первой половине 1917 г. С. М. Котляревский, характеризуя научное наследие М. М. Ковалевского, писал о нем: «...социализму, не как отвлеченной доктрине, а как общему уклону в развитии социальных и хозяйственных отношений, по его взгляду, принадлежит большое будущее» [Котляревский, 1917: 126]. Когда С. М. Котляревский писал эти строки, будущее уже стучалось в его дверь.

Из идейного наследия эпохи 1860-х гг. советская власть приняла только «революционных демократов», построив их в новую социалистическую традицию. В искусстве реализм шестидесятников, хоть и не сразу, был объявлен новой классической традицией, которой должна следовать пролетарская культура. В 1920-х гг. «...ведущие критики-марксисты считали наиболее желательным для нового советского искусства продолжение традиций социального реализма 60-х годов XIX в.» [Сорокина, 2010: 246]. Уже в начале 1924 г. ознакомившись с третьим номером аль-

манаха «Круг» Е. И. Замятин почувствовал, как «внезапно и густо запахло нафталином 60-х годов» [Замятин, 2004: 147–148].

Язык как семантически организованная знаковая система общественного сознания является единым во всей своей множественности и единственным трансцендентальным означающим в отношении сознания отдельного человека. Общественное сознание прошлого всегда с помощью языка осуществляет свою власть над современностью. В этом проявляется археократия языка. Язык — это коллективная память. И в этом отношении наследие 1860-х гг. продолжает существовать как часть русского общественного сознания.

Литература

Амфитеатров А. В. (1909) Курганы. 2-е изд., доп. [The Mounds. 2nd edition]. СПб.: Общественная польза.

Amfiteatrov A. V. (1909) Kurgany. 2-е izd., dop. [The Mounds. 2nd edition]. St Petersburg: Obshhestvennaja pol'za.

Амфитеатров А. В. (1910) Маски Мельпомены [Melpomena's Masks]. М.: А. Д. Друтман.

Amfiteatrov A. V. (1910) Maski Mel'pomeny [Melpomena's Masks]. Moscow: A. D. Drutman.

Аничков Е. (1908) Традиция и стилизация [Tradition and Stylization] // «Театр». Книга о новом театре: Сборник статей. СПб.: Шиповник. С. 43–66.

Anichkov E. (1908) Tradicija i stilizacija [Tradition and Stylization] // «Teatr». Kniga o novom teatre: Sbornik statej. St. Petersburg: Shipovnik. P. 43–66.

Белый А. (1990) Между двух революций [Between Two Revolutions]. М.: Худож. лит.

Belyj A. (1990) Mezhdvu dvuh revoljucij [Between Two Revolutions]. Moscow: Hudozh. lit.

Белый А. (1989) На рубеже двух столетий [On the Edge of Two Centuries]. М.: Худож. лит.

Belyj A. (1989) Na rubezhe dvuh stoletij [On the Edge of Two Centuries]. Moscow: Hudozh. lit.

Бердяев Н. А. (1989) Типы религиозной мысли в России [Types of Religious Thought in Russia]. Собрание сочинений. Т. 3. П.: YMCA-press.

Berdjaev N. A. (1989) Tipy religioznoj mysli v Rossii [Types of Religious Thought in Russia]. Sbornik sochinenij. T. 3. P.: YMCA-press.

Бердяев Н. А. (2007) Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 [The Fall of Holy Russian Kingdom: Journalism of 1914–1922]. М.: Астрель.

Berdjaev N.A. (2007) Padenie svjashhennogo russkogo carstva: Publicistika 1914–1922 [The Fall of Holy Russian Kingdom: Journalism of 1914–1922]. Moscow: Astrel'.

Бенуа А.Н. (1995) История русской живописи в XIX в. [History of Russian Painting in XIXth Century]. М.: Республика.

Benua A.N. (1995) Istorija ruskoj zhivopisi v XIX veke [History of Russian Painting in XIXth Century]. Moscow: Respublika.

Блок А.А. (1963) Набросок статьи о русской поэзии [The Sketch of an Article on Russian Poetry]. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние. Т. 7. С. 21–37.

Blok A.A. (1963) Nabrosok stat'i o ruskoj poezii [The Sketch of an Article on Russian Poetry]. Blok A.A. Sobranie sochinenij: v 8 t. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. Leningr. otd-nie. Vol. 7. P. 21–37.

Блок А.А. (1999) О реалистах [About Realists]. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука. Т. 7. С. 43–61.

Blok A.A. (1999) O realistah [About Realists]. Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. Moscow: Nauka. Vol. 7. P. 43–61.

Величко В.Л. (2010) Русские речи [Russian Speeches]. М.: Институт русской цивилизации.

Velichko V.L. (2010) Russkie rechi [Russian Speeches]. Moscow: Institut ruskoj civilizacii.

Гиппиус З.Н. (2003) Согласным критикам [For Concordant Critics]. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. М.: Русская книга. Т. 7. С. 107–111.

Gippius Z.N. (2003) Soglasnym kritikam [For Concordant Critics]. Gippius Z.N. Sobranie sochinenij. Moscow: Russkaja kniga. Vol. 7. P. 107–111.

Глазунов А.К. (1958) Письма, статьи, воспоминания: Избранное [Letters, Articles, Memories: The Selected]. М.: Музгиз.

Glazunov A.K. (1958) Pis'ma, stat'i, vospominanija: Izbrannoe [Letters, Articles, Memories: The Selected]. Moscow: Muzgiz.

Горький М. (1949–1955) Собрание сочинений: В 30 т. [Collected Works in 30 Vol.] М.: Гос. изд-во худож. лит. Т. 1–30.

Gor'kij M. (1949–1955) Sobranie sochinenij: v 30 t. [Collected Works in 30 Vol.] Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit. Vol. 1–30.

Даль В. (1995) Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vol.]. М.: ТЕРРА. Т. 1.

Dal' V. (1995) Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vol.]. Moscow: TERRA. Vol. 1.

Замятин Е.И. (2004) Собрание сочинений: В 5 т. [Collected Works in 5 vol.] М.: Русская книга. Т. 3.

Zamjatin E.I. (2004) Sobranie sochinenij: v 5 t. [Collected Works in 5 vol.] M.: Russkaja kniga. Vol. 3.

Калашников М.В. (2012) Понятие *либерализм* в русском общественном сознании XIX в. [The Term *Liberalism* in Russian Public Mind of XIXth Century]. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение. Т. 1. С. 464–513.

Kalashnikov M.V. (2012) Ponjatie liberalizm v rusском obshhestvennom soznanii XIX veka [The Term Liberalism in Russian Public Mind of XIXth Century]. «Ponjatija o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda: v 2 t. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1. P. 464–513.

Ключевский В.О. (1990) Сочинения: В 9 т. [Works in 9 Vol.] М.: Мысль. Т. 9.

Kljuchevskij V.O. (1990) Sochinenija: v 9 t. [Works in 9 Vol.] Moscow: Mysl'. Vol. 9.

Кони А.Ф. (1969) Собрание сочинений: В 8 т. [Collected Works in 8 vol.]. М.: Юридическая литература. Т. 8: Письма.

Koni A.F. (1969) Sobranie sochinenij: v 8 t. [Collected Works in 8 vol.]. Moscow: Juridicheskaja literatura. Vol. 8: Pis'ma.

Котляревский С.М. (1917) М. Ковалевский и его научное наследие [M. Kovalevsky and His Scientific Legacy]. М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. Пг.: Артистическое заведение т-ва А. Ф. Маркс. С. 121–135.

Kotljarevskij S.M. (1917) M. Kovalevskij i ego nauchnoe nasledie [M. Kovalevsky and His Scientific Legacy]. M. M. Kovalevskij. Uchenyj, gosudarstvennyj i obshhestvennyj dejatel' i grazhdanin: Sb. st. Petrograd: Artisticheskoe zavedenie t-va A. F. Marks. P. 121–135.

Ленин В.И. (1967) Полное собрание сочинений [Complete Set of Works]. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 1.

Lenin V.I. (1967) Polnoe sobranie sochinenij [Complete Set of Works]. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. Moscow: Politizdat. Vol. 1.

Леонтьев К.Н. (2010) Славянофильство и грядущие судьбы России [The Slavophilism and Forthcoming Fates of Russia]. М.: Ин-т русской цивилизации.

Leont'ev K.N. (2010) Slavjanofil'stvo i grjadushhie sud'by Rossii [The Slavophilism and Forthcoming Fates of Russia]. Moscow: In-t ruskoj civilizacii.

Маковский Ф.И. (2008) Что такое русское декадентство [What Russian Decadance Is]. З. Н. Гиппиус: pro et contra. СПб.: РХГА. С. 152–170.

Маковский Ф.И. (2008) Chto takoe russkoe dekadentstvo [What Russian Decadance Is]. Z. N. Gippius: pro et contra. St. Petersburg: RHGA. P. 152–170.

Николаев П.Ф. (1977) Очерк развития социально-революционного движения в России [The Sketch on Development of Social-Revolutionary Movement in Russia]. Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. М.: Наука. С. 405–428.

Nikolaev P.F. (1977) Oчерk razvitija social'no-revoljucionnogo dvizhenija v Rossii [The Sketch on Development of Social-Revolutionary Movement in Russia]. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 87: Iz istorii russkoj literatury i obshhestvennoj mysli 1860–1890 gg. Moscow: Nauka. P. 405–428.

Потресов А.Н. (1909) Лейтмотивы современного хаоса [Keytones of the Modern Chaos]. На рубеже (К характеристике современных исканий): Критический сборник. СПб.: Наше время. С. 302–327.

Potresov A.N. (1909) Lejtmotivy sovremennogo haosa [Keytones of the Modern Chaos]. Na rubezhe (K harakteristike sovremennyh iskanij): Kriticheskij sbornik. St. Petersburg: Nashe vremja. P. 302–327.

Поэты 1880–1890-х гг. [Poets of 1880–1890's] (1972). Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние.

Poety 1880–1890-h godov [Poets of 1880–1890's] (1972). Leningrad: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie.

Пустильник Л.С. (1988) Журнал «Современник» по документам Департамента полиции [The «Sovremennik» Journal in Papers of Police Department]. Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX в. Неизданная переписка. М.: Наука. С. 477–485.

Pustil'nik L.S. (1988) Zhurnal «Sovremennik» po dokumentam Departamenta policii [The «Sovremennik» Journal in Papers of Police Department]. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 95: Gor'kij i russkaja zhurnalistika nachala XX veka. Neizdannaja perepiska. Moscow: Nauka. P. 477–485.

Розанов В.В. (1996) Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях [Collected Works. The Legend of Great Inquisitor F.M. Dostoevsky. Literature Sketches. About Writing and Writers]. М.: Республика.

Rozanov V.V. (1996) Sobranie sochinenij. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Lit. ocherki. O pisatel'stve i pisateljah [Collected Works. The Legend of the Great Inquisitor F.M. Dostoevsky. Literature Sketches. About Writing and Writers]. Moscow: Respublika.

Розанов В.В. (1997) Собрание сочинений. Когда начальство ушло... [Collected Works. When Authority Gone...]. М.: Республика.

Rozanov V.V. (1997) Sobranie sochinenij. Kogda nachal'stvo ushlo... [Collected Works. When Authority Gone...]. Moscow: Respublika.

Сорокина И. (2010) Концепции литературного процесса в советской критике [Concepts of Literature Process in Soviet Critics]. В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х гг. М.: ИМЛИ РАН. С. 230–289.

Sorokina I. (2010) Konceptii literaturnogo processa v sovetskoj kritike [Concepts of Literature Process in Soviet Critics]. V poiskah novoj ideologii: Sociokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo processa 1920–1930-h godov. Moscow: IMLI RAN, 2010. P. 230–289.

Струве П.Б. (2008) Предисловие Петра Струве [The Preface by Peter Struve]. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель. С. 13–73.

Struve P.B. (2008) Predislovie Petra Struve [The Preface by Peter Struve]. Berdjaev N.A. Sub'ektivizm i individualizm v obshhestvennoj filosofii. Kriticheskij jetjud o N. K. Mihajlovskom. Moscow: Astrel'. P. 13–73.

Тихвинская Л.И. (2005) Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917 [Everyday Life of Stage Bohem of the «Silver Age»: Cabarets and Miniature Theaters in Russia. 1908–1917]. М.: Молодая гвардия.

Tihvinskaja L.I. (2005) Povsednevnaia zhizn' teatral'noj bogemy Serebrjanogo veka: Kabare i teatry miniatjur v Rossii. 1908–1917 [Everyday Life of Stage Bohem of the «Silver Age»: Cabarets and Miniature Theaters in Russia. 1908–1917]. Moscow: Molodaja gvardija.

Франк С.Л. (1990) Сочинения [Works]. М.: Правда.

Frank S.L. (1990) Sochinenija [Works]. Moscow: Pravda.

Шелгунов Н.В. (1974) Литературная критика [Literature Critics]. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние.

Shelgunov N.V. (1974) Literaturnaja kritika [Literature Critics]. Leningrad: Hudozh. lit. Leningr. otd-nie.

Чехов А.П. (1974–1983) Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. [Complete Set of Works and Letters in 30 Vol. Letters in 12 vol.]. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука.

Chehov A.P. (1974–1983) Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. [Complete Set of Works and Letters in 30 Vol. Letters in 12 Vol.]. AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka.

Чехов А.П. (1983–1988) Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. [Complete Set of Works and Letters in 30 Vol. Works in 18 vol.]. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука.

Chehov A.P. (1983–1988) Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochinenija: v 18 t. [Complete Set of Works and Letters in 30 Vol. Works in 18 vol.]. AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka.

Чичерин Б.Н. (1928) Письма Б.Н. Чичерина [Letters of B. N. Chicherin]. Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л.: Государственное издательство.

Chicherin B.N. (1928) Pis'ma B. N. Chicherina [Letters of B. N. Chicherin]. Pis'ma Tolstogo i k Tolstomu. Jubilejnyj sbornik. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Чичерин Б.Н. (1900) Русский патриот. Россия накануне двадцатого столетия [The Russian Patriot. Russia on the Edge of XXth Century]. Берлин: Г. Штейниц.

Chicherin B.N. (1900) Russkij patriot. Rossija nakanune dvadcatogo stoletija [The Russian Patriot. Russia on the Edge of XXth Century]. Berlin: G. Shtejnic.

Чуковский К.И. (2012–2013) Собрание сочинений: В 15 т. [Collected Works in 15 vol.]. М.: Агентство ФТМ.

Chukovskij K.I. (2012–2013) Sbranie sochinenij: v 15 t. [Collected Works in 15 vol.]. Moscow: Agentstvo FTM.

Чуковский К.И. (1963) Современники: Портреты и этюды [Contemporaries: Portraits and Sketches]. М.: Мол. гвардия.

Chukovskij K.I. (1963) Sovremenniki: Portrety i jetjudy [Contemporaries: Portraits and Sketches]. Moscow: Mol. gvardija.

Эллис (Кобылинский Л.Л.) (2000) Неизданное и несобранное [Unedited and Uncollected]. Томск: Водолей.

Ellis (Kobylinskij L.L.) (2000) Neizdannoe i nesobrannoe [Unedited and Uncollected]. Tomsk: Vodolej.

Эрн В.Ф. (1991) Сочинения [Works]. М.: Правда.

Jern V.F. (1991) Sochinenija [Works]. Moscow: Pravda.

«ВЫ МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА» — ПЕРЕПИСКА Н. И. КАРЕЕВА С ЧИТАТЕЛЯМИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Лярский Александр Борисович
ВШПМ СПбГУТД,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье анализируется переписка Н. И. Кареева с читателями по вопросам, затронутым в серии его книг к учащейся молодежи, прежде всего по вопросу о самообразовании. Исследуются механизмы межпоколенческих взаимодействий и структуры взаимонепонимания старших и младших.

Ключевые слова: Н. И. Кареев, поколения, история образования, история самообразования.

В своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое» Николай Иванович Кареев упоминает следующий эпизод из своей общественной жизни: «В начале девяностых годов меня немало занимал вопрос о самообразовании учащейся молодежи. Осенью 1894 г. я напечатал небольшую книжку под заглавием "Письма к учащейся молодежи о самообразовании". Первое ее издание было расхвачено в несколько недель... Эта книжка... вызвала массу писем ко мне от молодежи со всех концов России... Я не помню теперь общей цифры этих любопытных писем, которые уже в двадцатых годах этого столетия я отдал в архив Пушкинского дома Академии наук, но она была очень значительной. Как я жалею теперь, что в вое время не издал эти "человеческие документы", не использовав их вместе с тем для подведения под ними итогов, которые могли бы прекрасно характеризовать умственную и нравственную физиономию учащейся молодежи старших классов средней школы и младших курсов высшей» [Кареев, 1990: 191–192].

Это собрание писем до сих пор хранится в фонде Н. И. Кареева в архиве рукописей Пушкинского дома [РО ПД]. Конечно, было бы слишком самонадеянным пытаться выполнить вместо Н. И. Кареева задуманный им очерк, однако и упустить такую возможность нельзя — если сам великий русский историк и социолог возлагал на эти документы определенные надежды, то, видимо, на это есть определенные основания.

Что представляет собой это собрание писем? Вопреки утверждению Н. И. Кареева, оно не очень велико. Писем сохранилось сто шесть от примерно шестидесяти корреспондентов, собрание охватывает период от 1908 по 1918 г. Таким образом, в Пушкинский дом попали прежде всего письма весьма позднего периода переписки с читателями. Учитывая, что начало деятельности, связанной с самообразованием молодежи (издание книг, организация отдела по самообразованию при Педагогическом музее и т. д.), приходится на вторую половину 1890-х гг., можно сделать вывод, что собрание явно неполное и делать какие бы то ни было статистические выводы весьма опасно; по крайней мере, они могут носить только общий и предварительный характер. В то же время сама по себе переписка дает возможность установить определенные закономерности в коммуникации поколений в начале XX в., с одной стороны, а также действительно, как того и хотел Н. И. Кареев, может быть представлена как небольшой срез интересов и устремлений молодежи 1908–1917 гг.

Эти вопросы не могут быть решены без понимания того, с чем выходил Н. И. Кареев к молодежной аудитории, без представления о тех задачах, которые, по мнению Н. И. Кареева, стояли перед молодежью. Из всего многообразия высказанных Н. И. Кареевым идей коснемся лишь тех, которые нашли свое отражение в переписке с его корреспондентами. Речь идет прежде всего об образовании и самообразовании, их смысле, цели и способах достижения этих целей.

Кареев противопоставлял образование и самообразование с несколько идеалистических позиций — если образование часто подразумевает цели прагматические — обеспечение будущего, профессию и т. д. — то самообразование исключает прагматику, выводя на первый план «общечеловеческую духовную потребность понять, что такое окружающий человека внешний мир». Это стремление, «вытекающее из любви к истине и искания правды», безусловно, бескорыстно и нравственно [Кареев, 1895: 5–6]. Идейность — вот главная черта самообразования. И главная, конечная задача самообразования «иметь по возможности цельное, полное, и стройное мирозерцание» [Кареев, 1895: 25, 27]. Кареев настаивает на слове выработка, «чтобы отметить чисто активный характер, какой должно иметь приобретение... воззрений, из которых слагается человеческое мирозерцание» [Кареев, 1895: 31]. Далее Н. И. Кареев создает целостную, во многом основанную на его концепции философии истории, концепцию стимулов, подвигающую человека к самообразованию. Поскольку, согласно идеям Н. И. Кареева, весь «умственный прогресс... создается усилиями личной мысли», то именно описанию истоков этого усилия он посвящает довольно обширный пассаж: мысль побуждается, поскольку личность «или не находит ответа в тради-

циональном мирозерцании, или начинает сомневаться в верности даваемого там ответа». Если человек задается тем или иным вопросом, то значит, он «перерос окружающую его среду...» [Кареев, 1895: 33]. В этом плане у учащейся молодежи наиболее выгодное положение — ей проще оторваться от косной среды, поскольку тому способствует и сам процесс обучения, и поток новых идей, который наиболее активен в образовательной среде. Подводя итог, следует напомнить, что подразумевалось Н. И. Кареевым под «цельным, полным и стройным мирозерцанием»: «...цельно, т. е. чтобы охватывало весь мир, все области мысли и жизни, как природы, так и человека, полно, т. е. чтобы каждая область была исследована во всех своих сторонах, и стройно, т. е. чтобы все идеи были приведены в систему, исключающую противоречия между ними» Для последующего изложения существенно следующее: для Н. И. Кареева сказанное выше означало, что цельное мировоззрение предусматривает согласование между выработанными убеждениями и поведением, что поступки должны проистекать из выработанных в мировоззрении идеалов. И очень важно, чтобы эти идеалы не были эгоистическими, чтобы, руководствуясь голосом совести, личность стремилась не только к личному самосовершенствованию, но и к общественному прогрессу, который понимался Кареевым и как социальная справедливость, и как совершенствование социальных институтов [Кареев, 1895: 50, 65–66, 73].

Теперь мы вполне можем представить себе переписку Н. И. Кареева с молодежью по поводу самообразования как своеобразный диалог поколений: с момента создания книги до момента написания сохранившихся в архиве писем прошло 15–20 лет.

С одной стороны, можно смело утверждать, что многие высказанные Н. И. Кареевым идеи и через 15 лет находили отклик среди учащейся молодежи. В письмах можно встретить мысли о синтетическом и деятельностном характере мирозерцания: «Если жизнь идет по одному руслу и неправильно, то нужно знать, как подействовать на нее... Ни природа, ни общество, ни мораль, ни политика, ни экономика как отдельные науки в данном случае меня интересуют мало. Если я буду интересоваться одной из них, то выйдет мое мирозерцание односторонним» (19 лет, 1911 г.) [РО ПД: 169–169 об.]. «Укажите, как сделаться образованным человеком, а самое главное — человеком в полном смысле этого слова... Хочу как можно лучше и правильней использовать свою жизнь... Я хочу знать по возможности все о человеке: как он жил раньше, как создал культуру, и как живет теперь. Я хочу также знать его переживания, зарождение и развитие его мыслей и хочу знать душу его» (19,5 лет, учительская семинария). Этот же автор настаивает на общественно полезной направленности саморазвития: «В книгах ищу пособий: знать современ-

ную жизнь и и как сделаться человеком. В писательстве пробовал свои силы в описании тяжелой жизни рабочих. Но решил оставить это, предполагая, что по этому вопросу уже много написано книг и что теперь делами нужно облегчить участь этих несчастных» [РО ПД: 120–123].

Авторы посланий к Н. И. Карееву могут разделять его идеи о выработке миросозерцания как о сознательном усилии. Так, один из корреспондентов излагает следующую драматическую историю бегства от греха: «Я постоянно живу в Киеве. Учился там до 6 класса в коммерческом училище. Как вся наша нынешняя молодежь я занимался спортом, хождением по улицам, и кинематограф и т. п.». Эта среда затягивала автора и мешала саморазвитию: «С таким положением я не хотел смириться, но увы... Не было у меня силы воли, чтобы изменить его. Тогда я нашел радикальное средство — я перевелся в Прилуки в тамошнее коммерческое училище. Прилуки город захолустный, но с приличной библиотекой». Находясь в этом городе и избавленный, таким образом, от соблазнов столичной жизни, автор пишет письмо Н. И. Карееву с просьбой помочь в составлении программы по самообразованию» (19 лет, 1913 год) [РО ПД: 20–20 об.]. Другой юный корреспондент, прося помощи, писал так: «Несколько лет я занят своим самовоспитанием. Я сам себе придумывал разные способы, составлял правила совести и поведений, но мало в этом преуспел...» (19 лет, 1916 г.).

Можно предположить, что некоторые письма, подтверждавшие те или иные идеи профессора, приносили ему истинную радость. Например, люди действительно пытались вырваться из своей социальной среды если не реально, то хотя бы идеологически, с помощью самообразования. В этом смысле характерны строки из письма 1916 г.: «Глубокоуважаемый профессор! В 1913 году я окончил среднюю школу. Вследствие тяжелых материальных условий мне уже едва ли придется поступить в высшую школу. Правда, так гибнет одна из моих светлых надежд, но за три года я уже успел примириться с этим. Но моей заветной мечтой было так или иначе получить более или менее полное общее образование... я молю Вас, профессор, если можно, не откажите указать мне систему, занимаясь по которой я мог бы получить действительные знания, а не бессмысленный набор определений, слов...» [РО ПД: 50–50 об.].

Для многих самообразование было единственной возможностью прожить жизнь, не сводящуюся только к работе на фабрике или в торговой конторе Сибирской железной дороги. Работник последней писал Карееву, что, поскольку он должен был бросить учение и пойти работать на железную дорогу, то служба «целиком отвлекает от необходимой цели развития — и только подчас неудовлетворенность жизнью возвращает меня к былым исканиям» [РО ПД: 168]

Однако также нельзя не признать, что многие важные для Н. И. Кареева смыслы и ценности отступали на задний план под напором прагматических потребностей представителей молодого поколения, для которых образование становилось прежде всего социальным лифтом. Несмотря на явную неполноту коллекции писем, нельзя не обратить внимание на то, что те, к кому адресовал свою книгу Н. И. Кареев — идеалисты, ищущие смысл жизни ради него самого и последующих социальных изменений, не являются большинством из тех, кто принял участие в переписке. Значительную часть корреспондентов Н. И. Кареева составляют люди, которые с помощью самообразования хотели подняться на несколько ступенек вверх по социальной лестнице. Например, часто речь идет о сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Так, есть несколько писем от молодых людей, которые, завершая армейскую службу, хотели бы подготовиться к экзаменам с помощью программ самообразования [РО ПД: 13–15, 112–112 об.]. О том, насколько мог быть тернист этот путь, свидетельствует письмо еще одного корреспондента — студента Казанского университета: «двенадцати лет окончил двухклассное министерское училище и с тех пор живу своим горбом. Теперь мне 26 лет и я студент естественник Казанского университета. Прежде чем получить аттестат зрелости, мне пришлось побывать во всевозможных шкурах: письмоводителем у лесничего, пристава, помощником волостного писаря; позднее учителем; потом, по окончании лесной школы, живя в Томске заниматься грошовыми уроками, быть помощником лесничего, наконец землемером. Короче говоря, промотать свое здоровье...» (1911) [РО ПД: 100].

Когда корреспонденты рассуждают о выборе профессии, у них вполне могут преобладать не идеалистические, а вполне прагматические мотивы. Так, ученик гимназии Мая писал, что, очень любит гуманитарные науки, «но вместе с тем я хочу скорее выбраться на дорогу, скорее иметь возможность зарабатывать себе хлеб» и юный корреспондент вынужден выбирать: «с одной стороны — заманчивые перспективы свободного ученого труда в области гуманитарных наук, с другой — необходимость технического образования для того, чтобы иметь возможность зарабатывать себе хлеб» [РО ПД: 7]. Еще один гимназист, желавший поступить на восточный факультет Петербургского университета, спрашивал у Н. И. Кареева «какое содержание я буду получать?.. у меня есть папа и мама, которые по мере сил, помогают мне учиться. Я в свою очередь хочу им помогать, когда окончу гимназию. Но я не знаю, чем я буду после окончания восточного факультета, какие у меня будут средства в жизни, смогу ли я доставить родителям безбедную жизнь?» [РО ПД: 160].

В архиве Н. И. Кареева сохранились только письма его корреспондентов — черновики ответов ученого до нас не дошли, даже если они и были. Однако из контекста ясно, что не всегда ответы профессора устраивали его собеседников. И кажется не случайным, что трое из его корреспондентов оказались недовольны его ответами — поскольку их вопросы касались кризисных, переломных моментов в их личной судьбе или судьбе страны; подростки требовали немедленной реакции на их личную боль, и эволюционистский и ученый ответ профессора не мог ни утешить, ни помочь. Тем более что три письма не касались вопроса образования и самообразования, а два из них были откликом не на книги, а на статьи Н. И. Кареева в газетах.

В первом речь шла о смысле жизни и это письмо, на мой взгляд, стоит привести почти целиком: «Теперь, когда меня так беспокоит один мучительный вопрос, решила обратиться к Вам. Дело в том, что я никак не могу узнать цели жизни. Что будет, когда погибнет земля? Ведь и в Св. Писании говорится об окончании мира, и наука уже установила, что наша планета погибнет. Св. Писание указывает на загробную жизнь, но я уже утратила веру в Бога и сомневаюсь в существовании души. А наука ничего не говорит о будущем. Теперь мы живем, боремся во имя правды и справедливости, страдаем. Вот и сейчас идет эта ужасная война, которую мы терпим только потому, что верим, что с окончанием ее придут более светлые времена... Но к чему все это? Ведь рано или поздно все мы погибнем, а с нами погибнет все то, чего мы добивались, к чему стремились в продолжении стольких веков. Ведь некому будет передать плоды наших побед, наши идеалы, надежды и некому будет завершать работать над тем, над чем мы сами работали, не жалея сил, ни жизни. Все погибнет, все умрет. Так зачем же мы живем? Я бы Вас не беспокоила, но уж очень мучительно стало жить. День и ночь думаешь об одном. Нельзя спокойно работать в том здании, которое обречено на гибель, где уже зажжен фитиль и с минуты на минуту ожидаешь взрыва». Мы не знаем, что именно Н. И. Кареев ответил своей корреспондентке. Можем только предполагать. Его статья в сборнике 1911 г. «Самоубийство» была весьма бесцветной и содержала рассуждения о подражательности как основе суицидального поведения молодежи [Кареев, 1911]. С помощью другого письма из переписки Н. И. Кареева мы можем представить себе наиболее раздражающие для молодежи аспекты кареевской суицидологии. «Мы честь имели прочесть в одесских новостях за № № 8384 Ваш уважаемый доклад о школьных самоубийствах и Вы там излагали, что нужно внушать отвращение к смерти и любовь к жизни; но скажите пожалуйста, как может поступить человек, который находится в нашем положении, как не решится на самоубийство, когда... не имеет средств далее продол-

жать и без копейки ходит по улицам и просит у каждого человека помощи, который может помочь и не получает даже сочувствия...» [РО ПД: 1 об.]. Так или иначе, но и первой корреспондентке взгляды Н. И. Кареева показались бездушными и надуманными: «Поговорив с Вами и прочитав Ваши мысли, я решила, что Вы человек жизнерадостный, оптимистично настроенный и едва ли глубоко страдающий от разлада идеалов с действительной жизнью, а главное, Вы решили, что жить нужно ради самой жизни. Быть может, таким должен быть всякий человек, но я не такая (да и не я одна). Таким образом, расходясь с Вами в главном, я и не могу найти в Вас поддержки... Желаю Вам счастливой и долгой жизни. Ваши книги я возвращаю...» [РО ПД: 115–115 об.].

Не менее любопытно письмо, полученное Н. И. Кареевым в 1917 г. по поводу его статьи о русской революции: «В последнем номере газеты Русские ведомости помещена Ваша статья “Народ и интеллигенция”. Что же мы должны делать? Интеллигенция что должна делать именно теперь, сегодня, завтра, когда нет слов, которые можно противопоставить демагогическим лозунгам большевиков? Вы, профессор, не говорите, что делать надо и как поступать сейчас. Все откладываете на будущее. Вы пишете, что надо пересматривать приемы работы с массами, но тут же говорите, что речь идет о будущем. А для настоящего? Неужели сидеть сложа руки и смотреть, как родина гибнет? Я... я скромный гимназист, но к несчастью, а может и к счастью, во мне пламенная любовь к родине, к своему народу. Что нужно теперь делать интеллигенции, чтобы помочь народу и родине? Кругом такая непросветная тьма и нет никого, кто мог бы прийти на помощь своим советом. Читая даже произведения великих мыслителей — Маркса, Каутского, Бебеля и др., не находишь ответа на этот вопрос. Все им сказанное, хотя мудро и “красиво”... но только. Их мысли сейчас, когда оглядываешься на то, что творится кругом, вызывают горькую иронию...» [РО ПД: 140–142 об.].

Это не значит, что высказывания Н. И. Кареева о революции воспринимались его корреспондентами только как неудачные. Наоборот, будучи известен как историк Великой Французской революции, именно он в 1917 г. получал письма с просьбой выслать книги по истории революции во Франции, т. к., обращаясь к этим сюжетам, современники пытались понять происходящие в России события. Однако, как мы видели, когда вопрос выходил за рамки научной компетенции Н. И. Кареева, то его эволюционистские идеи могли и не удовлетворять запросам молодого поколения.

Подведем итоги. Диалог между представителем старшего поколения и его младшими современниками демонстрирует целый спектр вариантов отношения к идее самообразования и выработке мировоззрения.

Если для умудренного опытом профессора (Н. И. Кареев родился в 1850 г., т. е. уже в момент создания обсуждаемых книг ему было около 45 лет, а к первому письму — 58) вопрос о самообразовании был сложным, многосоставным, но идеологическим и однозначным, то для нового поколения речь шла о поиске себя в меняющемся мире и однозначные рекомендации Н. И. Кареева их удовлетворяли далеко не всегда. В своих «Письмах о самообразовании» Н. И. Кареев ближе к традициям середины XIX в., с его позитивистским мировоззрением и ограниченным доступом к образованию. В начале XX в. ситуация изменилась значительно и с идеологической и с прагматической точки зрения. Достаточно сказать, что сеть учебных заведений всех видов увеличилась более чем вдвое с 1890 до 1908 г., повысилась доступность образования и, как следствие, раздражение тех, кто по каким бы то ни было причинам остался за бортом, усилилось их стремление наверстать упущенное [напр., Расписание перемен, 2012]. Для молодых, еще не пробившихся к определенным социальным позициям самообразование становилось способом компенсации социальных неудач и бегством от реальности, или — для более целеустремленных и прагматичных — надеждой на итоговое получение аттестата зрелости, которое открывало, в свою очередь, дорогу к социальным благам. В этом смысле конфликт между поколениями предстает перед нами еще в одной своей ипостаси: мысли профессора об идейном, альтруистическом выработанном мировоззрении не находят отклика у многих его корреспондентов, просто не замечены ими, поскольку для них и сам профессор не столько носитель идей, а сама по себе социальная точка доступа к информации и возможностям. Представитель интеллектуальной элиты старшего поколения, открывшийся к диалогу с молодежью, превращается в поставщика прагматически важной информации, а то, что для Кареева было действительно ценно — идейный смысл самообразования и образования вообще, отступает на второй план по сравнению с прагматикой поступления в университет и преодоления тех или иных административных и материальных препон. Те особенности получения образования, прагматика и повседневность образовательных стратегий, которые сформировали ценностные взгляды Н. И. Кареева, уходили в прошлое и собственно поэтому для многих его корреспондентов некоторые идеи ученого оказались невостребованными. В то же время решения экзистенциально важных, требующих немедленной реакции вопросов Н. И. Кареев предложить своим собеседникам не в состоянии, поскольку они для него или не важны — как вопрос о самоубийстве, или должны быть рассмотрены с научной точки зрения — как вопрос о революции. Так в переписке Н. И. Кареева предстают перед нами механизмы взаимонепонимания поколений.

Справедливости ради, надо сказать, что и сам Н. И. Кареев не раз утверждал, что в книгах о самообразовании и мировоззрении он описывает идеал. Но когда автор разбирал поведение или идеи, не соответствующие этому идеалу, он был весьма категоричен, осуждая эгоизм и индивидуализм или неполноту знаний или на веру принятые положения. Однако стремление описать и пропагандировать идеал сыграло с Н. И. Кареевым злую шутку: он мог убедиться в том, насколько идеалистические конструкции старшего поколения бывают непосильны для младшего, на показательном примере, которым я и завершу этот небольшой обзор. В 1917 г. Н. И. Кареев получил письмо от реалиста 6-го класса. Письмо было написано в восторженных тонах, и его автор утверждал, что, основываясь на книгах Н. И. Кареева о самообразовании и мировоззрении, он развернул широкое «самообразовательное кружковое движение», издавал ученический журнал в своем городе Иваново-Вознесенске, сначала хотел быть филологом, потом решил — «для блага человечества — стать инженером». В своем письме он излагает целый план научного труда, который позволит человечеству овладеть всеми тайнами вселенной. О характере идей реалиста вполне дает представление этот пассаж: «Радий и прочие пространственные элементы и организации пропитывают существо вселенной, составляя ее нервную систему. Прирученные, взятые человеком, они соединят свет, соединят центры его существа и живые и мертвые (грань жизни и смерти) — Бога найдут и... историю раскроют. В возможности пользоваться повседневно прирученными силами вселенной, механизмом ее — новая жизнь Вселенная и богоопределенная». Из чтения самого письма можно узнать, что автор письма болел «неврастенией острой, осложнившейся в малокровии мозга, слуховые галлюцинации, умственный бред, мании величия, гениальности и бессмертности и помешательстве на радиотелеграфе... Я искренне и хладнокровно, убежденно считал себя президентом Руси, государем света, объединителем его, другом личным открытого мной Бога, первопатриархом, папой, профессором всех наук, министром, гением всего буквально» [РО ПД: 151–158].

Я не знаю, что почувствовал Н. И. Кареев, читая это письмо, но мне кажется, что это было не очень приятное чтение. Должно было быть что-то унылое в понимании того, что наиболее полно идеал синтетического, полного и цельного мировоззрения, выдвинутый представителем старшего поколения, осуществил нервнотрясанный мальчик.

Литература

Кареев Н. И. (1895) Письма к учащейся молодежи о самообразовании [Letters about self-education addressed to studying young people]. СПб.

Kareev N.I. (1895) Pis'ma k uchashhejsja molodezhi o samoobrazovanii [Letters about self-education addressed to studying young people]. Saint Petersburg.

Кареев Н.И. (1911) Отрывки по поводу юношеских самоубийств [Fragments concerning juvenile suicide]. Самоубийство. Сб. статей. М. С. 129–138.

Kareev N.I. (1911) Otryvki po povodu junosheskih samoubijstv. [Fragments concerning juvenile suicide]. Samoubijstvo. Sb. statej. Moscow. P. 129–138.

Кареев Н.И. (1990) Прожитое и пережитое [Lived through and went through]. Л.: Издательство Ленинградского ун-та.

Kareev N.I. (1990) Prozhitoe i perezhitoe [Lived through and went through]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo un-ta.

Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е гг.) [Schedule of changes. Historical descriptions of educational and science policy in the Russian Empire and USSR (late 1880th — 1930th)]. (2012) М.: НЛО.

Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskoj imperii — SSSR (konec 1880-h — 1930-e gody) [Schedule of changes. Historical descriptions of educational and science policy in the Russian Empire and USSR (late 1880th — 1930th)]. (2012). Moscow: NLO.

Кареев Н.И. (1908–1917) Письма к нему молодежи по вопросам самообразования, по поводу его «Писем к учащейся молодежи» и т. п. [Kareyev N.I. Letters concerning self-education issues and his «Letters about self-education etc.» addressed to him by studying young people]. РО ПД Институт русской литературы (Пушкинский дом). Отдел рукописей. Ф. 422. Кареев Николай Иванович. Оп. 1. № 11.

Kareev N.I. (1908–1917) Pis'ma k nemu molodezhi po voprosam samoobrazovanija, po povodu ego «Pisem k uchashhejsja molodezhi» i t. p. [Kareyev N.I. Letters concerning self-education issues and his «Letters about self-education etc.» addressed to him by studying young people] RO PD Institute of Russian Literature (the Pushkin House). Manuscript Division F. 422. Kareev Nikolaj Ivanovich. Op. 1. № 11.

НОВЫЕ ВЕХИ МЕНТАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Шальгина Наталия Валентиновна

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
г. Москва

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать предварительный анализ новым поколениям российской молодежи на основе маркетинговых опросов известных российских компаний. Также определяются некоторые качественные различия между двумя новыми поколениями молодежи и конструируется их собирательный портрет.

Ключевые слова: теория поколений, игреки, центениалы, ценности, ментальные различия, виртуальный мир, миллениумы.

Смена поколенческой ментальности во все времена была связана с изменениями в условиях и образе жизни, с технологическими достижениями и появлением новых ценностных ориентиров. Отличительной особенностью современного этапа этого процесса, очевидно, следует считать скорость происходящих в технологической сфере изменений, что неизбежно сказывается и на динамике ценностных ориентиров сегодняшней молодежи. Представители двух последних поколений, родившихся уже в эпоху интернета (т. е. в конце 1980-х и начале 2000-х гг. соответственно), вызывают вполне понятный интерес со стороны маркетологов и хэдхантеров («охотников за мозгами»), т. к. практически с детства обладают качественно новым сознанием и высокой степенью адаптивности к высокотехнологичной среде современного мира. Проблема, однако, заключается в том, что изучение этих двух поколений, названных экспертами поколениями Y («игрек») и Z («зет»), со стороны психологов, антропологов и других представителей гуманитарных профессий заметно отстает от аналогичных усилий маркетологов, и этот разрыв способен привести к неадекватной оценке реальных перспектив применения потенциала новых поколений в ближайшем будущем.

¹ Подготовка статьи осуществлена при поддержке гранта РФФИ, 14-06-00467, проект «Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: проектирование и разработка поведенческих стратегий в условиях социального стресса».

Есть и еще одна проблема, которая пока не вызывает острого интереса у антропологов, и тем самым, кстати, еще более увеличивает прогностические риски относительно будущего новых поколений в развитых странах мира. Речь идет о том, что ментальность «игреков» и «зетов» не только заметно отличается от ментальности предыдущих поколений, но и обретает, если можно так сказать, собственные, внутривидовые различия, т. е. различия уже между собой. Иными словами, два последних поколения, выросшие в условиях быстрого развития IT-технологий, не являются неким ценностным монолитом, но, скорее, двумя формами существования нового менталитета.

Впервые вопрос о ментальных различиях поколений был поднят американскими исследователями Уильямом Штрауссом и Нилом Хоувом еще в 1991 г., когда вышла их книга «Поколения», содержащая биографии разных поколений США, начиная с 1584 г. [Howe, Neil, 1991]. Впоследствии авторы развили свою теорию и обосновали так называемый поколенческий цикл смены моделей поведения, который лег в основу их версии истории США. Несмотря на то, что теория поколений вызывает некоторый скептицизм среди представителей академической науки [Jones, Gary L., 1992], идея Штраусса и Хоува о ментальных различиях поколений продолжает свое развитие, и сегодня многими экспертами делового мира рассматривается как некая общая схема и даже руководство к действию (HR-инструмент).

Все ныне живущие поколения, заметные на рынке труда, маркетологи сегодня весьма условно делят на несколько групп, в зависимости от тех ценностей, которые их сформировали:

1. *Поколение «бэби-бумеров» (1943–1963 г. р.):* советская «оттепель», покорение космоса, «холодная война», единые стандарты образования, бесплатная медицина, международный авторитет СССР. *Ценности:* коллективный оптимизм, заинтересованность в самореализации, командный дух, культ молодости.

2. *Поколение X, или «неизвестное поколение» (1963–1984 г. р.):* перестройка, СПИД, наркотики, война в Афганистане. *Ценности:* готовность к изменениям, стремление учиться в течение всей жизни, техническая грамотность, глобальная информированность, надежда на себя, гендерное равноправие.

3. *Поколение Y, или «игреки», «миллениумы», «сети», «next» (1984–2000 г. р.):* распад Советского Союза, цифровые технологии, мобильная связь, Интернет. *Ценности:* свобода, fun (веселье), нацеленность на результат и немедленное вознаграждение.

4. *Поколение Z, или «центениалы» (с 2000 г. р.):* укрепление статуса России на международной арене, космополитизм, мультикультурная

среда. *Ценности:* приоритет сетевого общения, иммунитет к рекламе, терпимость и спокойствие, синдром дефицита внимания, клиповое сознание, стремление получить максимум информации в короткий срок.

Приведенная классификация поколений была создана в 2003 г. командой российских маркетологов под руководством Евгении Шамис (проект Regenerations) как адаптивный вариант «теории поколений» Хоува и Штраусса применительно к России [Шамис, 2016]. В основу классификации положены ценности представителей среднего класса россиян, которые, по мнению авторов этого проекта, и формируют поколенческое мировоззрение. Обычно усвоение общественно значимых событий (политических, экономических, социальных, технологических и т. д.) происходит в возрасте до 10–12 лет и закрепляется под влиянием семьи. Ребенок в это время не оценивает происходящее, а просто осваивает наиболее эффективные технологии жизни. Например, если он растет во времена кризиса, голода и войны, то осваивает технологии, которые хорошо работают в эти периоды, и у него появляются такие ценности, как экономность, умение довольствоваться малым, жалость к себе и т. п. Если он растет во времена процветания и экономического роста, то у него формируется иная шкала ценностей — умение работать с перспективой, активность, настрой на победу. Предполагается, что, поскольку события и модели воспитания в том или ином историческом периоде развития конкретного общества схожи, то и ценности, которые формируются у большинства членов этого общества, тоже должны быть похожи.

Не все российские специалисты-маркетологи оценивают «теорию поколений» позитивно. Так, Ирина Ходарева, руководитель HR-отдела холдинга «ТИБЛ-Груп», считает, что частично к этой теории можно прислушиваться, но в чистом виде применять ее на практике не стоит. Основной ее аргумент состоит в том, что «теория поколений» слишком обобщает целые пласты людей и не учитывая ни психологический тип, ни темперамент, ни личные мотивы и социальные приоритеты [Кукина, 2012].

Тем не менее те опросы и тестирования, которые регулярно проводят маркетологи в целях оптимального подбора персонала с единственной целью — эффективно им управлять, позволяют исследователям (психологами и социальным антропологам, в первую очередь) сделать свои собственные выводы о новых поколениях российской молодежи. Например, корпорация «Элар» (специализированное предприятие по созданию, комплексному оснащению и наполнению электронных архивов, внедрению передовой техники, информационных технологий и решений) на своих форумах инициировала настоящую дискуссию, где свое

мнение об «игреках» смогли высказать ведущие специалисты компании, на практике столкнувшиеся с достоинствами и недостатками этого поколения.

С точки зрения специалистов корпорации «Элар», «игреки», появившиеся на свет с 1983 по 2002 г., — это основная движущая сила на рынке труда сегодня. Именно они составляют большинство среди ИТ-специалистов: руководителей проектов, программистов, специалистов по внедрению, системных администраторов. В Департаменте проектов и Департаменте сопровождения и развития ИТ-сервисов их более 50%. Это «мозг» корпорации: они проектируют, разрабатывают и внедряют сложнейшие информационные системы; формируют, поддерживают и развивают ИТ-инфраструктуру. Более 60% «игреков» трудится в Производственном управлении: на них лежит основная нагрузка по реализации проектов и собственно созданию электронных информационных ресурсов. К 2020 г. «игреки» будут составлять 50% от мировых трудовых ресурсов.

Суммируя результаты тренинговых семинаров представителей российских компаний, можно выделить целый ряд качеств «игреков», которые не только характеризуют их на рынке труда, но и создают своеобразный портрет этого поколения.

Клиповое сознание. Вместо того чтобы карабкаться вверх по выбранной однажды лестнице, «игреки» стараются получить более широкий опыт одновременно в нескольких сферах. Глубокие знания «игрекам» менее интересны, чем разнообразие опыта.

Технологическая продвинутость. Юрий Вайсман, глава и основатель кампании Artics Internet Solutions, так отзывается о поколении «игреков»: «<...> Они с ранних лет погружены в мир гаджетов, интернета и социальных сетей <...>, эти люди все время в сотовом телефоне, все время на связи, одновременно делают пять дел <...> Для «игреков» <...> это означает «быть на волне, в теме событий, разговаривать, чтобы понимать происходящее. В этой быстрой жизни смартфон дает информированность и просвещенность. Близкое знакомство с технологиями значительно повышает конкурентоспособность «игреков» относительно взрослых менеджеров и работников и, как следствие, самооценку».

Амбициозность. Судя по отзывам работодателей, амбициозность «игреков» реализуется в проектах, связанных с интернетом. Именно информационное пространство глобальной сети обеспечивает «игрекам» наиболее короткий путь к успеху и наибольший простор для креативных идей. Евгений Козлов, директор по маркетингу универсального платежного сервиса uBank: «Наша компания — стартап. Так что сотрудники, отвечающие у нас за продукт, разумеется, крайне амбициозные люди:

они стремятся сделать нечто глобальное, чем будут пользоваться миллионы людей».

Ускоренный темп жизни. «Игреки», как полагают сотрудники компании «Элар», не склонны думать «на большую перспективу», «...они живут настоящим моментом, потому что острее всех ощущают эфемерность, краткость и нестабильность жизни. Это ощущение у них сформировалось под влиянием многочисленных терактов и военных конфликтов. И если все достигнутое может рухнуть в один миг, то зачем планировать и предполагать? Ведь можно жить в удовольствие и успеть многое попробовать. Кроме того, поколение X передало им идею важности свободы и fun, которой «игреки» непреклонно следуют».

Отсутствие рефлексии. В РwC этот феномен назвали английским термином quick view. Сергей Бекренев, глава «Европейской юридической службы»: «У нас был стажер, очень талантливый молодой человек, но, проработав около трех месяцев, он сказал: я все понял, я всему научился, спасибо, я пошел дальше. Мы показывали ему горизонты, до которых еще учиться и учиться, но он сказал: нет, мне больше не нужно... Скорость добывания информации у них — один клик. Поэтому они не видят смысла в том, чтобы хранить что-то в голове и заниматься системным анализом: доступ к информации есть всегда. Но невозможно же перелопатить все хранящееся в интернете. Тем более что не всегда там приводятся достоверные данные. Но они, натываясь на какие-то вещи, слепо этому доверяют и не проводят глубокого анализа».

Стартовая обеспеченность. Евгений Доценко, руководитель компании: «...Для поколения Y родители создали достаток, им не надо было корячиться, чтобы заработать себе на хлеб насущный... Отсюда у них и слабый страх потери работы, и неготовность терпеть безапелляционно жесткие правила работодателей... Им не надо было сидеть на кефире и батонах, чтобы добиться чего-то в жизни...».

Социальная раскрепощенность. Светлана Емельянова, партнер консалтингового центра «Шаг»: «Мы были вечно закованы в какие-то рамки, начиная со школьной системы... поэтому у них эту свободу сами развивали. И получилось, что у них очень расширено понятие допустимого. Я бы сказала, что у них гедонизм преобладает над долгом. Иными словами, мы их раскрепостили, а долг не подтянули...».

Отсутствие командного духа. Светлана Емельянова: «Их привязанности формируются не на работе. У них нет дополнительных привязок к ней, как у предыдущего поколения. Предлагаешь им карьерную лестницу, а зачем она им: они не собираются с нами жить пять—десять лет. У них своя жизнь <...> Из-за слабой сосредоточенности на задаче влиться в рабочий коллектив «игреки» не предпринимают достаточных уси-

лий, чтобы стать частью команды, рискуя упустить нечто существенное для себя <...> Один из распространенных вопросов на большинстве собеседований "Кем вы видите себя в нашей компании через 5 лет?" способен вызвать у "игрека" искреннее недоумение. Пока ему интересно, человек будет заниматься этой работой, но уже в течение полугода все может поменяться, а строить пятилетние планы он попросту не собирается <...> СМИ активно продвигают идею о низком уровне корпоративной ответственности у "игреков" — на самом деле это не так. Да, многие представители данного поколения технически способны "слиться" на определенной стадии проекта, но это означает потерю интереса к задаче. Они могут полностью отдаваться только тому делу, которое им интересно».

Приоритетность «горизонтального развития». Это поколение имеет достаточно высокую мотивацию к получению новых знаний. Горизонтальный рост позволяет осваивать новые навыки, обещает большее разнообразие профессиональной жизни, однако, дополнительно к обязательному фундаментальному образованию, «игреки» осваивают в большом количестве краткосрочные образовательные программы. Особенно популярны в этой среде одно-двухдневные семинары, мастер-классы и тренинги. Чем короче период обучения, за который можно получить максимальное количество практической информации, тем большую привлекательность этот образовательный продукт имеет.

Ценностная виртуальность. Система ценностей поколения Y кардинально отличается от того, что долгими десятилетиями считалось незыблемым. *Сергей Бекренев:* «Социализация через виртуальный мир мешает социализации в мире реальном... Они очень доверяют интернету и соцсетям, а к самой жизни у них доверие минимальное <...> Когда начинаешь с ними плотно работать, возникает ощущение, что рядом с тобой сидят инопланетные существа. Они хорошие, их можно даже погладить, но все готовы, чуть что, сразу нырнуть в свой скафандр <...>».

Фрилансинг вместо дауншифтинга. Они против эмоционального сгорания на работе, изнуряющего рабочего ритма. Среди рожденных в 1960–1970-х гг. в последнее десятилетие приобрела определенную известность идея дауншифтинга. Неудовлетворенность постоянным эмоциональным сгоранием, опустошенность из-за интенсивного рабочего ритма и недостижимость гармонии между работой и личной жизнью приводят к тому, что определенная часть успешных специалистов допускает для себя возможность дауншифтинга. «Игреки», видя и анализируя причины более старших последователей этой философии, нередко хотят обезопасить себя от подобной перспективы и изначально не допускают дисбаланса. Не случайно стремительную популярность в послед-

ние годы набирает практика удаленной работы. Во фрилансе многие «игреки» видят возможность иметь больше свободного времени по сравнению с их коллегами в офисе. Боязнь промахнуться и угодить в сети нелюбимой работы актуальна для многих «игреков», мотивированных делать не только то, что выгодно, но и то, что интересно.

Профессиональное целеполагание. «Игреки» без особого энтузиазма относятся к долгосрочному планированию. В их понимании цели должны быть четко просматриваемыми в ближайшем будущем, количественно измеримыми и выражающимися в конкретном материальном эквиваленте. Стремление жить здесь и сейчас обусловлено высоким уровнем их включенности в меняющуюся картину мира. Призрачные перспективы светлого будущего постепенно теряют притягательность для поколения молодых специалистов. В восприятии «игрека» мир интерактивен и требует мгновенной реакции на изменения. Высокая востребованность корпоративных коммуникаторов, служб мгновенных сообщений и электронной почты обусловлена именно потребностью в оперативности.

Анализируя такую краткую характеристику российских «игреков», можно, очевидно, предположить, что это все же позитивное поколение, настроенное на всесторонние коммуникации и воспринимающее «ино-го», «другого», не такого, как они сами, не с точки зрения пресловутой терпимости, а с позиций интереса и уважения к другой культуре. Именно так, с точки зрения автора статьи, следует воспринимать сегодня термин «толерантность». Насколько это так, покажут результаты полевого исследования, проводимого сегодня социальными антропологами Института этнологии и антропологии Российской академии наук в российских вузах. Пока же «теория поколений» не может дать исчерпывающий ответ на столь глубокие вопросы о ментальности новых поколений.

Еще более сложно говорить сегодня о поколении центениалов, появление и формирование которых связано с началом нового тысячелетия. Поколению Z еще только предстоит выйти на рынок труда, поэтому характеризовать его с тех же позиций, что и «игреков», преждевременно. Тем не менее в Рунете уже появляются первые попытки оценить потенциал «зетов» и с этих позиций.

Во-первых, уровень освоения высоких технологий у центениалов качественно более высокий, чем у миллениумов. И это связано не только с тем, что центениалы родились в эпоху постмодернизма и глобализации, но и, безусловно, с тем, что фактически они аккумулировали в себе уже имеющиеся навыки миллениумов. То есть, иными словами, подняли на иной уровень знания миллениумов.

Во-вторых, сам процесс освоения качественно нового уровня высоких технологий у центениалов проходит и в более подходящих для про-

фессионального роста условиях — нет никаких препятствий ни со стороны государственной политики, ни со стороны общественного мнения, ни, тем более, со стороны семьи. Скорее, наоборот, — кредит доверия, который сегодня выдает центениалам общество, может оказаться излишне большим и в результате не оправдаться. По этой причине изучение центениалов с точки зрения их потенциальной реализации также должно стать предметом исследования антропологами.

В-третьих, способность и желание проводить со смартфонами и планшетами по 8 и более часов в день делает любые гаджеты для центениалов естественной средой обитания. Более того, «зеты» учатся плавно перетекать из реальной среды в виртуальную и обратно. Для сегодняшнего дня подобного рода навык кажется чуть ли не блажью, не имеющей практического применения. Но умение быстро и безболезненно ориентироваться во времени и пространстве может оказаться незаменимым качеством в самом недалеком будущем.

В-четвертых, возможность с раннего детства мгновенно получать глобальную информацию, не считаясь с пространственными границами, стирает и многие другие границы. Например, для центениала практически не имеет никакого символического значения цвет кожи человека, разрез его глаз, страна, где он обитает, этническое и др. рода происхождения.

В-пятых, для центениалов более органична визуальная форма усвоения информации, а не вербальная. Общаясь в Сети, центениалы используют эмодзи, смайлы, картинки, которые точно сообщают им, по каким законам живет информация в целом, что надо публиковать и когда, чтобы получить максимум лайков. Неспособность подолгу концентрироваться на вербальной информации способствует развитию синдрома дефицита внимания. Но визуальная информация улавливается центениалами в самые короткие сроки, в значительно больших объемах и позволяет делать свои выводы.

В-шестых, центениалы, существуя наполовину в виртуальном мире, не стремятся, тем не менее, к социальной изоляции в реальном пространстве. Им, как и всем другим поколениям, нужно одобрение общества. Но, в отличие от «игреков», им не нравится быть профессионально дифференцированными в социальных сетях.

Таким образом, система ценностей центениалов почти полностью формируется под влиянием социальных сетей. Как к этому относиться? Нередко погруженность в социальные сети воспринимается как бунт и уход из реального мира. Но, если попытаться подойти к изучению этого поколения с помощью антропологических методов, то, скорее всего, мы получим совершенно иную картину. Метод наблюдения, например,

позволил одному из авторов блогосферы Рунета сделать следующие выводы.

«Сажу на скамейке на Пушкинской площади. Справа от меня парень и девушка. Я, когда сел на скамейку, не взглянул на них. Сажу, о чем-то пустом думаю. И постепенно меня стал привлекать разговор соседей по скамье. Они говорили о том, можно ли установить контакт с бомжом? Обсуждали подробно: какие вопросы ему задавать для начала, что его может заинтересовать. И есть ли философия у бомжевания? Потом они как-то сразу перескочили на Гераклита — я то ли отвлекся, то ли они спонтанно переключились на другую тему, но не уловил логику перехода от бомжа к древнегреческому философу. Порассуждали: почему одну и ту же ошибку часто делают дважды? И вообще: почему жизнь людей ничему не учит? Потом перешли на тему Украины. Но ни слова о политике. Просто у него в Горловке бабушка живет, и он пересказывал разговоры по телефону с ней. Ничего трагичного. А потом начали обсуждать переписку Фрейда с невестой...

Заинтриговала меня эта пара. Впрямую посмотреть на них было неловко, потому я встал, делая вид, будто кого-то высматриваю, и мельком посмотрел на них. Это не парень с девушкой, а подростки. Лет 13–14 им. Не больше. Я поразился: такие юные, а какие взрослые разговоры...

Сложился стереотип, что сегодняшние молодые дремучие. Ну, типа того, что в 1941 г. на Россию напал Наполеон, а Ленин дружил с Черчиллем. Невежество молодых в истории отражено даже в некоторых фильмах. А они вон как — философия бомжей... Гераклит... Фрейд...

И вот я о чем подумал. Известно с древних времен: старшее поколение всегда считало поколения, которое приходит ему на смену, хуже себя. Дескать, оно менее умное, менее образованное, а моральном облике и говорить нечего — распущенные, аморальные. Но если б было так, то человечество давно бы выродилось, закончилось. Мне кажется, что нынешнее поколение молодых не то что лучше или хуже — оно принципиально другое. Придуман даже термин, чтобы обозначить его представителей — центениалы. Это те, кто родился после 1996-го. То есть центениалы еще совсем молоды, но они уже твердо проявились. И тех, кого я случайно подслушал на Пушкинской площади, как раз из этого племени — центениалов» [Андреев, 2012].

Выводы, которые можно сделать на основе суммирования результатов маркетинговых исследований новых поколений российской молодежи, безусловно, носят предварительный характер. Очевидно, что поколения «игреков» и «зетов» по своему личностному и интеллектуальному ресурсу качественно отличаются от предыдущих поколений, и основная причина — тот неоспоримый факт, что миллениумы и центениалы роди-

лись в эпоху информационной глобализации (Интернет, мобильная связь и т. д.). Однако не менее очевидно и то, что ценностная система молодежи формируется не только под воздействием технологических инноваций. Сложность и неоднозначность процесса ментальной эволюции современной молодежи требуют междисциплинарного изучения с применением максимально возможного набора исследовательских методик.

Литература

Андреев Николай. (2016) Не надо ругать молодежь [No need to scold young people] URL: <http://www.smol.kp.ru/daily/26598/3614588/> [Дата обращения 30.03.2017]

Andreev Nikolaj. (2016) Ne nado rugat' molodezh' URL: <http://www.smol.kp.ru/daily/26598/3614588/> [Data obrashcheniya 30.03.2017]

Кукина Е. (2012) Теория поколений в HR не действует в России [The theory of generations in HR does not work in Russia]. URL: <http://deloru.ru/article/3726/> [Дата обращения 30.03.2017]

Kukina E. (2012) Teoriya pokolenij v HR ne dejstvuet v Rossii. URL: <http://deloru.ru/article/3726/> [Data obrashcheniya 30.03.2017]

Шамис Евгения. (2016) «Потерянное поколение» или почему так сложно с Миллениумами (Y-ми)? [«The lost generation» or why it is so difficult with the Millennium (Y-mi)?] URL: <https://rugenations.ru> [Дата обращения 30.03.2017]

Shamis Evgeniya. (2016) «Poteryannoe pokolenie» ili pochemu tak slozhno s Milleniumami (Y-mi)? URL: <https://rugenations.ru> [Data obrashcheniya 30.03.2017]

Howe N., Strauss W. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company

Jones G.L. (1992). Strauss, William and Neil Howe «Generations: The History of America's Future, 1584–2069» (Book Review) // Perspectives on Political Science. Vol. 21. No. 4.

ШАМАНСКИЙ РИТУАЛ КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ИНДЕЙСКОГО ЭТНОСА

Борисова Галина Александровна

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Стрельченко Андрей Борисович

Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига,
г. Москва

Аннотация. В статье подробно описывается процедура проведения шаманского ритуала «профессиональным» шаманом-мая. В ходе специально созданных условий удалось «изнутри» оценить некоторые особенности воздействия шаманского ритуала на психофизическое состояние человека. Это позволило осуществить экспертную оценку влияния шаманского ритуала на психосоматическое здоровье сообщества современных майя. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о важной социоэкономической роли шаманов в жизни сообществ современных майя.

Ключевые слова: ритуал, психосоматическое здоровье, психология, психофизическое состояние, культ Машимона, ритуальный костер, архетип, подсознание, шаман, обряд.

Исследования роли традиционных обрядов в современной жизни потомков древних народов требуют использования междисциплинарных подходов, т. к. понимание особенностей этих обрядов невозможно без привлечения таких дисциплин, как медицина и психология. В данном исследовании нам удалось использовать междисциплинарный подход для изучения особенностей влияния шаманского ритуала на психосоматическое здоровье представителей индейского этноса.

На протяжении всей истории человечества культовые обряды, проводимые шаманами, колдунами, жрецами, занимали особое место в жизни сообщества и оказывали на его членов мощное воздействие.

Большое значение этих обрядов в жизни древних цивилизаций было прежде всего связано с особой ролью служителя определенного культа (жреца, шамана, колдуна), объединяющей функции, как минимум, це-

лителя, священника, идеолога. Для выполнения этих функций служителям культа требовалось использовать такие техники, которые бы оказывали гарантированные изменения психофизиологического состояния своих адептов.

Представляется вероятным, что обряды, сохранившиеся до наших дней у современных потомков древних народов, также несут в себе составляющие, способные изменять психофизиологическое состояние человека, влияя на его здоровье.

Нами, методом экспертной оценки, изучался ритуал, проводимый «профессиональным» шаманом с одним из участников экспедиции.

Дабы минимизировать вероятность постановочного варианта работы шамана (в варианте экзотического шоу для туристов) участник экспедиции, согласившийся выступить «пациентом», работал по специально разработанной «легенде». Исходя из «легенды», предполагалось, что шаман должен будет произвести диагностику и коррекцию состояния «пациента». «Пациент» — профессиональный врач-психотерапевт решил на себе испытать особенности психофизиологического воздействия шамана, «изнутри» осуществляя свою часть экспертной оценки.

Выбор шамана осуществлялся местным жителем, который также не был посвящен в истинные намерения «пациента» и его сопровождающих, а с другой стороны, обладал авторитетом в своем сообществе. Последнее представляется особенно важным, поскольку такого рода аутентичные обряды, проводимые для «своих», а не в качестве экзотического шоу, имеют для индейцев сакральный смысл и их стремятся не афишировать.

Настоящее исследование проводилось в городе Сан Андрес Ицапа (San Andrés Itzapa), в муниципалитете Чимальтенанго (Chimaltenango). Площадь Сан Андрес Ицапа составляет 90 км², население — приблизительно 32000 человек [Municipalidad de San Andrés Itzapa]. С помощью проводника — местного жителя, который активно пользуется данными практиками, — было организовано участие в одном из ритуалов.

Сан Андрес Ицапа — старинный город. Место упоминается еще в «Анналах какчикелей» («Anales de los cakchiqueles»), называемых также «Мемориалом из Текпан Атитлан» («Memorial de Tecpan Atitlan») — памятнике литературы какчикелей, написанном в 1571 г. [Recinos, 1998]. Приставка Сан Андрес была добавлена испанцами в колониальную эпоху, в честь апостола Андрея Первозванного.

В качестве объекта посещения была выбрана церковь, посвященная местному «святому» по имени Hermano San Simón — «брат Сан Симон». Церковь находится на окраине города Сан Андрес Ицапа. Перед ней — большая площадь, которая служит одновременно и парковкой для ма-

шин, и пространством для проведения ритуалов. На площади находились шаманы и местные жители, горело 10 ритуальных костров, а также присутствовала небольшая группа мариачи¹, исполнявшая латиноамериканские мелодии.

Внутри церкви — один большой зал, основное пространство которого занимают железные столы, на которые посетители ставят множество горящих свечей. У дальней стены напротив входа на возвышении находится статуя Сан Симона, к ней можно подняться по небольшой лесенке. Фигура в человеческий рост изображает сидящего человека, ноги закрыты красным полотном, на коленях сложены деньги и ритуальные сигары. Отличительная особенность Сан Симона — усы и огромные накладные ресницы. Вокруг множество цветов и гирлянд, справа, чуть ниже, за стеклом — статуя другого святого, по виду католического. Все стены церкви покрыты табличками с благодарностями Сан Симону. Материал табличек очень разнообразен: есть и каменные с гравировкой, и деревянные, и металлические, а также плакаты, рисунки, фотографии, открытки, записки в рамках и др. Содержание поражает многообразием: благодарности за исцеление от болезней, за финансовое благополучие, за успех в бизнесе, за любовь, за семью, прикреплены даже фотографии счастливых пар, машин и мотоциклов. Среди множества табличек встретилась и благодарность за помощь в нелегальном пересечении границы США.

По одной из рассказанных проводником версий Сан Симон некогда был мэром этого города, при жизни сделал много хорошего для населения, заботился о жителях, и после смерти они объявили его святым и продолжили обращаться к нему с просьбами. Католическая церковь его не признает, но местные жители очень почитают, и поток просителей и благодарящих не иссякает. По другой версии — это культ Машимона (Maximón, известен так же как Rilaj Mam или Rilaj Maam). Машимон — фольклорный святой, который почитается в некоторых общинах майя на западе Гватемалы, не утвержден Римско-католической церковью. Истоки его культа до сих пор до конца не известны, в том числе в силу закрытости общин и нежелания допускать чужаков. Вероятно, это одна из форм доколумбового майяского бога Мам (Mam), трансформировавшаяся под влиянием испанского католицизма. Культ Машимона наиболее распространен в городах Santiago Atitlán, Zunil и San Andrés Xecul [Chicas Rendón, Gaitán Alfaro, 2003].

¹ Мариачи (исп. Mariachi) — популярный жанр мексиканской народной музыки, ансамбль обычно включает от 3 до 12 исполнителей. В качестве музыкальных инструментов используются гитара, гитаррон, виола, скрипка, труба и др.

Одним из важных составляющих ритуалов является связка трав, около 20–25 см в длину. Этот пучок трав используется практически каждым посетителем для ритуалов условного «очищения» в церкви перед статуей Сан Симона. Травы смачиваются специальным лосьоном, который продается в магической лавке сбоку от входа в церковь, после чего один человек обмахивает ими другого, как будто стряхивая, счищая с него что-то. Потом они меняются местами, при этом для каждого человека необходим отдельный пучок трав. Бутылочки с лосьоном после ритуала «очищения» принято оставлять перед статуей Сан Симона. Такие же пучки трав активно используются шаманами и во время ритуалов на площади перед церковью. В некоторых случаях они используются для составления ритуального костра, в других (и в нашем в том числе) для похожего «очищения» уже во время ритуала, после чего пучок трав сжигается. Связка состоит из 7 трав, основная называется «шилка» (исп. *chilca*) — это *Baccharis salicifolia* (лат.) или Бакхарис иволистный. Бакхарис иволистный является цветущим кустарником из семейства Астровые (лат. *Asteraceae*), у какчикелей шилка считается священным растением, аналогично называется и вся связка трав. Кроме того, известно использование Бакхариса иволистного индейцами навахо из области Кайента (*Kayenta*) для приготовления лекарственного лосьона [Wyman, Harris, 1951: 45]. Другие составляющие ритуального пучка трав: *ruda* (Рута, лат. *Ruta*), *albahaca* (Базилик, лат. *Ocimum*), *manzanilla* (Ромашка, лат. *Matricaria*), *pericon* (Бархатцы лучистые, лат. *Tagetes lucida*), *geranio* (Герань, лат. *Geranium*) и *romero* (Розмарин лекарственный или Розмарин обыкновенный, лат. *Rosmarinus officinalis*).

В окрестностях церкви есть несколько магазинчиков и лотков, продающих различные ритуальные предметы. Основной магазин — слева от входа в церковь, в нем продаются предметы непосредственно для проведения ритуалов, в нем же шаманы обычно покупают ингредиенты для ритуальных костров. Ассортимент в основном состоит из свечей, ритуальных сигар, копала, ароматного лосьона (исп. *agua florida*), яиц и пива (используется в самом конце в качестве подношения костру). Свечи бывают разных цветов, каждый цвет имеет свое символическое значение. Продавец показал табличку с символикой цвета: красные свечи — любовь, вера и желание (исп. *amor, fe y voluntad*), зеленые — прибыль и процветание, синие — работа и удача/везение, розовые — здоровье и надежда, черные — против врагов и завистников, фиолетовые — против дурных привычек и дурных намерений, голубые — деньги, счастье, путешествия и учеба, желтые — защита для взрослых, белые — защита для детей. По другой версии, рассказанной нашим проводником, черные свечи — от плохого колдовства, от напущенной порчи (исп. *contra los*

malos hechisos), желтые — это подношение (исп. *ofrendas*), и белые свечи — из жира животных, они заменяют животные жертвоприношения (исп. *candelas de grasa de animales*).

Прямо перед входом в церковь на ступенях разложено для продажи большое количество различных амулетов — в основном это бусы, браслеты и подвески, немного «икон» с изображением Сан Симона, статуэтки Сан Симона, брелоки с изображениями Сан Симона, Девы Марии и святых, а также фигурки Будды и детские игрушки. Амулеты отличает сильная эклектика: смешение бусин из камней и пластика, индийских слонов, пластмассовых черепов, христианских крестов, бисера, подвесок с изображением Девы Марии и др. Интересна небольшая примесь традиционных для данной местности амулетов: подвески из жада (исп. *jade*) и «глаз оленя» (используется для защиты от сглаза, чаще всего встречается в браслетах с красным кораллом). Кроме того, большой популярностью пользуются подвески с изображением Сан Симона. В магазинах за воротами также продаются предметы для ритуалов (свечи, яйца, сигары, лосьоны и др.), бусы-амулеты, фигурки и «иконы» Сан Симона с молитвами, изредка попадаются изображения католических святых, Ганеши и Хотэя. В бусах часто встречаются подвески в виде слонов — они считаются мощным оберегом.

В церковь чаще всего приходят семьями, в том числе с совсем маленькими детьми. Среди посетителей были только местные жители, т. к. место не туристическое и находится вдали от достопримечательностей. Некоторые посетители только ставят свечи, молятся, проводят обряды «очищения» у статуи Сан Симона и общаются с ним. Предусмотрена возможность самостоятельно сделать ритуальный костер, плата за «использование площади» составляет 20 кецалей (~2,5 доллара США), отдельно покупаются материалы для костра и ритуала. В силу бедности или по не слишком значимым поводам обряды проводят сами, но есть и довольно большое количество «профессиональных шаманов» — их сразу можно заметить по ярко-красным повязкам на головах, завязанных определенным магическим узлом. Шаманами могут быть как мужчины, так и женщины, в основном зрелого возраста. По значимым поводам предпочтительнее пользоваться услугами «профессионалов», однако стоимость их услуг достаточно высока. В цену входят услуги шамана, все ингредиенты и плата за использование площади. Существует три категории костров, самый простой стоит 800 кецалей (~103 доллара США), побольше — 1000 кецалей (~130 долларов США) и самый богатый костер — 1500 кецалей (~194 доллара США). Весьма высокая цена для местных жителей, чей минимальный уровень оплаты труда составляет 2534,15 кецалей в месяц (~323 доллара США) [Ministerio de Trabajo y Previsión Social].

Шаман для проведения ритуала был выбран нашим проводником среди группы «профессионалов» на площади. Им оказался мужчина, примерно 40 лет, с чертами лица и фигурой характерными для майя.

Согласно «легенде» «пациент» был родственником авторитетного для гватемальцев человека, и пребывал в последнее время в угнетенном состоянии. О причинах своего упадка сил он отказывается разговаривать даже с близкими людьми. Таким образом, задача шамана заключалась в идентификации проблемы и ее устранении. Отдельно несколько раз было подчеркнуто, что нам ни в коем случае не нужно «шоу для туристов», мы готовы платить за самый богатый костер, но в первую очередь необходимо решение проблемы.

Шаман согласился и спросил имя и фамилию человека, которому нужна помощь, их ему записали в блокноте. Во время ритуала он очень активно их использовал, часто повторял и с точностью воспроизводил, хотя для него это было затруднительно. Состоялась оплата, и шаман отправился закупать ингредиенты, необходимые для проведения ритуала. Было куплено 24 шара ароматной смолы — копала (12×2 — две дюжины), черные, желтые и белые свечи, всех по 10 пучков (исп. *masos*), дюжина сырых куриных яиц, 10 ритуальных сигар, щепки дерева окотэ (*Сосна Монтесумы*, лат. *Pinus montezúmae*) и банка пива. Далее шаман выбрал место на площади и приступил к формированию ритуального костра.

Основой для костра выступает сожженный воск черного цвета (исп. *sega quemada*), из которого формируется большой круг с выступающими краями. Далее внутри него выкладывается белый круг с двумя перекрещивающимися линиями, разделяющими его на 4 равные части. Белое вещество — это сахар, данный круг по-испански называется «*círculo del dulce*» — «сладкий круг». «Сладкий круг» является важной составляющей магических ритуалов, в некоторых случаях в кострах на площади вместо сахара использовался белый маршмэллоу¹. Далее внутри круга раскладываются шары копала, потом щепки дерева окотэ и ритуальные сигары в количестве 9 штук. Далее шаман приступил к раскладыванию свечей. Сначала он разложил пучки черных свечей ближе к внешнему краю круга, потом белые — ближе к центру, и, наконец, пучки желтых свечей были уложены вместе ровно в центре. Во время всех этих действий шаман «пациент» не принимал участия в происходящем. Однако когда шаман приступил к следующему этапу формирования ритуального костра, уже потребовалось участие «пациента», но опосредованное. Шаман взял дюжину куриных яиц, сложенных вместе в небольшом па-

¹ Маршмэллоу — кондитерское изделие, одна из разновидностей зефира.

кете, и стал прикасаться ими ко лбу, плечам и груди «пациента», после чего обмахнул ими все тело сверху донизу, сначала спереди, потом сзади. После чего стал доставать яйца по одному из пакета и выкладывать их по кругу на сожженный воск, за «сладким кругом». Формирование ритуального костра было завершено, и шаман зажег его, поднеся спичку к пучку фитилей от желтых свечей, сложенных в самом центре круга. Весь процесс выкладывания магических ингредиентов занял около 15 минут.

Следующие 20 минут происходил непосредственно ритуал. Практически все время шаман стоял недалеко от костра, на расстоянии 1,5 метра, и сосредоточенно повторял некие магические формулы, активно используя точное имя «пациента», хотя произносить его было явно сложно и непривычно. В руках он держал ритуальную сигару, которая в будущем послужит индикатором результатов ритуала. Периодически шаман приближался к костру и шевелил ингредиенты с помощью длинного металлического прута, для лучшего горения. Достаточно быстро костер разгорелся и повалил густой черный дым. Примерно через 10 минут после разжигания костра раздался громкий хлопок — это взорвалось одно из куриных яиц, потом еще два. Приблизительно через 15 минут после начала ритуала шаман позвал к себе проводника, достал деньги и попросил его купить еще 10 пучков желтых свечей — «чтобы усилить воздействие». Эти свечи шаман разделил на две части и обмахнул ими «пациента» с ног до головы, после чего бросил их в огонь. Буквально через пару минут шаман снова обратился к проводнику, снова дал ему деньги и попросил купить два пучка ритуальных трав и бутылочку ароматного лосьона — «потому что надо отблагодарить костер, он постарался». Он смочил травы лосьоном и снова обмахнул «пациента» с ног до головы, на этот раз двумя пучками трав, после чего бросил их в уже догорающий костер. После этого шаман приступил к завершающему этапу ритуала. Он зажег толстую ритуальную сигару и начал ее курить, одновременно помешивая костер. Далее выдыхаемым дымом он окурил «пациента» крест-накрест, спереди и сзади. Когда сигара была выкурена примерно на треть, шаман позвал всех участников ритуала и рассказал свой вердикт.

Три взорвавшихся во время ритуала яйца — это индикатор трех базовых проблем, но не смертельных. Первая проблема заключается в том, что кто-то, связанный с работой или профессиональной деятельностью «пациента», пытался делать зло, оказывать негативное воздействие. Вторая проблема — это депрессии, и третья — финансовые затруднения. Тот факт, что яйца в костре взорвались, свидетельствует о том, что все три проблемы удалось решить. Также индикатором результатов ритуала является пепел выкуренной сигары — он был белым, а значит, удалось до-

стичь положительного результата. После чего шаман объявил, что в течение недели все должно окончательно исправиться. После обсуждения и подробных объяснений про пепел, шаман бросил сигару, ее 7 раз надо было раздавить «пациенту». Далее последовал завершающий акт ритуала — шаман открыл банку пива, немного отхлебнул, а оставшимся пивом два раза полил уже догорающий костер.

Весь ритуал «пациент» стоял с другой стороны костра, на расстоянии пары метров. В целом можно отметить ненавязчивость действий шамана и по отношению к «пациенту», и по отношению к зрителям. Он не указывал никому, куда нужно встать, все прикосновения к «пациенту» были исключительно опосредованные — с помощью яиц, свечей, ритуального пучка трав, дыма сигары. Длительного зрительного контакта не было. Не протестовал против фото- и видеосъемки, не мешал приближаться к костру, охотно рассказал про результат ритуала и что служит его индикатором. Сигара чисто ритуальная, состоящая только из табака и не содержит наркотических веществ. Стоит отметить, что про результат ритуала и выявленные проблемы шаман рассказал исключительно твердо, не интересуясь чьим-либо мнением и не задавая вопросов. Весь ритуал от начала и до конца занял около 40 минут.

Не вдаваясь в детали экспертного анализа, следует отметить, что, несмотря на подчеркнутую опосредованность поведения шамана, вся обстановка, начиная от места проведения обряда, заканчивая тщательностью работы с именем «пациента», призвана оказывать воздействие прежде всего на подсознание субъекта. Таким воздействием обладают действия шамана с преимущественно архетипическими символами: огонь, дым, яйца, круг, свечи, пучки целебных трав, сладости, определенное количество предметов, а также некоторые символические позы, жесты и действия «пациента» (поза «распятия», семикратное затаптывание левой ногой символа проблемы на остатке выкуренной сигары и пр.).

Такого рода действия «профессионального» шамана носят все признаки опосредованной психотерапии. Когда к работе над проблемой пациента специалист с помощью определенных приемов подключает его подсознание. Эта методика психотерапевтической работы при профессиональной работе специалиста является весьма эффективной. Следует отметить, что схожий подход используют современные «экстрасенсы», «колдуны», «маги» и пр.

Особо следует подчеркнуть очевидную важность таких шаманских ритуалов для данного индейского социума. Гватемала не самая благополучная центральноамериканская страна. По рейтингу «Процветание» это государство из 142 стран занимает 87-е место [Рейтинг стран мира по

уровню процветания], а по показателю «Здравоохранение» — 92-е [Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение]. Очевидно, что в отдаленных провинциях уровень обеспечения населения медицинской, психологической и социальной помощью находится на крайне низком уровне.

В то же время, по данным Европейского регионального бюро ВОЗ, «...люди, познавшие безработицу, обнищание и распад семьи, подвергаются значительно более высокому риску развития таких психических расстройств, как депрессия, алкоголизм и тяга к самоубийству, чем те, кто не был затронут этими несчастьями..., что повлечет за собой нарастание смертности из-за проблем с психическим здоровьем...» [Экономический кризис... 2011: 13–14].

Нам представляется, что «профессиональные» шаманы в данном социуме как раз и занимают нишу, связанную с оказанием своим согражданам медико-психологической помощи в сохранении их психосоматического здоровья.

В основу шаманских обрядов положены универсальные принципы, испокон веков определявшие мировоззрение представителей разных народов: русских, китайцев, индусов, аборигенов Австралии, индейцев Америки. Общность этих принципов — в изначальном языческом чувствовании-осознании-понимании, вписанности жизненного цикла человека в бесконечное множество циклов окружающих его людей, природы, мира как целого.

Наши предки понимали здоровье как телесное, душевное и духовное благополучие человека, основанное на осознании его места и миссии в мире, того, кто он такой и куда идет. С этой целью они использовали специальные обряды, в которых поддерживалось и возобновлялось базовое ощущение общности человека с самим собой, своей семьей, предками и потомками, своим сообществом, животными и растениями, стихиями и силами природы. Это создавало своего рода матрицу сознания, пространственно-временную систему координат, необходимую для формирования индивидуальной модели мира и для соотносимости этих индивидуальных моделей в рамках человеческой общности.

Эта культурально обусловленная соотносимость, по сути, обуславливает структуру и уклад жизни общества, а также здоровье и благополучие каждого из его членов. Таким образом, обряды и ритуалы, проводившиеся в сообществах, способствовали установлению внутреннего баланса, настройке организма человека на выполнение необходимых действий — борьбу со стихией или врагом, обеспечение пропитания. Исполнение обрядов при болезни создавало условия для исцеления организма, настраивало его на решение важной задачи — выжить и выздоро-

роветь. Обряды умножали силы, и совокупная сила сообщества оказывалась больше, чем простая сумма сил его членов [Долин, Попов, 1991].

На протяжении всей истории человечества культовые обряды, проводимые шаманами, колдунами, жрецами, занимали особое место в жизни сообщества и оказывали на его членов мощное воздействие. Очевидно, что и сейчас они остаются востребованы современными потомками древних майя.

На основании полученных результатов можно сделать предварительные выводы о том, что исследованные нами ритуалы выполняют важную роль в поддержании психосоматического здоровья членов данного сообщества индейцев.

Шаманы в современной жизни индейского этноса, продолжая свои древние традиции, выполняют функции представителей социэкономических профессий — врачей, психологов, священников. Используемые шаманами профессиональные приемы способны влиять на психофизиологическое состояние человека. Некоторые шаманские ритуалы являются вариантом «народной (этнической) психотерапии», которая, учитывая определенные психофизиологические и культурно-исторические особенности индейского этноса, должна быть эффективной в поддержании психосоматического здоровья членов этого сообщества.

В этой связи представляется целесообразным продолжить использовать междисциплинарный подход для изучения шаманских обрядов как с точки зрения культурно-исторического наследия, так и для понимания психофизиологических механизмов этих воздействий, а также для пополнения арсенала методов современной психотерапии.

Вместе с тем представляется важным выделить в качестве важного направления дальнейших исследований изучение влияния традиционных оккультных практик на психосоматическое состояние самих исследователей — историков, археологов, антропологов, этнографов. Это важно с точки зрения формирования системы защиты от несанкционированного влияния на здоровье исследователей мощных и еще мало изученных факторов, которыми так богаты традиционные шаманские обряды и другие исторические артефакты.

Литература

Долин А.А., Попов Г.В. (1991) Кэмпо — традиции воинских искусств [Kenpō — the tradition of martial arts]. 3-е изд. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.

Dolin A.A., Popov G.V. (1991) Kempo — tradicii voinskih iskusstv [Kenpō — the tradition of martial arts]. 3d ed. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury.

Рейтинг стран мира по уровню процветания [The Legatum Prosperity Index]. Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (accessed: 21.05.2016).

Rejting stran mira po urovnju procvetaniija [The Legatum Prosperity Index]. Gumanitarnye tehnologii. Informacionno-analiticheskij portal. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (accessed: 21.05.2016).

Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение [Ranking of countries by level of expenditure on health]. Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info> (accessed: 21.05.2016).

Rejting stran mira po urovnju rashodov na zdravooxranenie [Ranking of countries by level of expenditure on health]. Gumanitarnye tehnologii. Informacionno-analiticheskij portal. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info> (accessed: 21.05.2016).

Экономический кризис и психическое здоровье [Economic crisis and mental health]. (2011) Европейское региональное бюро ВОЗ. С. 13–14. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/151392/e94837R.pdf?ua=1 (accessed: 21.05.2016).

Ekonomicheskij krizis i psihicheskoe zdorov'e [Economic crisis and mental health]. (2011) Evropejskoe regional'noe bjuro VOZ. P. 13–14. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/151392/e94837R.pdf?ua=1 (accessed: 21.05.2016).

Caracterización estadística República de Guatemala. (2012) Available at: <http://www.ine.gob.gt/sistema/uploads/2014/02/26/5eTCCFIHernaNVeUm3iabXHaKgXtw0C.pdf> (accessed: 21.05.2016).

Chicas Rendón O., Gaitán Alfaro H. (2003) The Maximón Deity. Indigenous Santería in Guatemala. New York: Editions Ebano.

Ministerio de Trabajo y Previsión Social. Available at: <http://www.mintrabajo.gob.gt/index.php/salariominimo.html> (accessed: 21.05.2016).

Municipalidad de San Andrés Itzapa. Available at: <http://munideitzapa.gob.gt/localizacion.html> (accessed: 21.05.2016).

Recinos A. (1998) Memorial de Sololá, Anales de los Kaqchikeles; Título de los Señores de Totonicapán (en Kaqchikel y Español). Guatemala: Piedra Santa.

Wyman L.C., Harris S.K. (1951) The Ethnobotany of the Kayenta Navaho: An Analysis of the John and Louisa Wetherill Ethnobotanical Collection. University of New Mexico Publications in Biology, no. 5. Albuquerque: The University of New Mexico Press. P. 45.

SUMMARIES

Interdisciplinary approaches in system studies of socio-historical processes and socio-historical forecasting (by Ershova Galina G.)

Abstract. The historical process means a movement that we call progress, or, defined as a progress of anthroposystem. However, in that common progress we can distinguish few positions: positive progress as is, refuse of progress, regress, and phenomenas of transition from one position to another. The change of positions touches not only the “axis” of social system, but also practically all subsystems included. The progress of anthroposystem means it’s constant self organization, adaptation to changes. The development of system leads to the growth of duration and quality of life, determines the substrate, which contains subsystems like administration, scientific knowledge and technologies, education level and continuity of intellectual progress, ideology, culture industry, that provides general quality of life, availability of natural resources. The change of positions commonly associates with phenomena of revolution, resulted in change of administration system, industrial and economical models. Change of ideology accompanies with “cultural revolution”, which changes common world outlook in accordance with new characteristics, determines new objectives of progress, and rebuild psychological basics of population, which makes an adaptation to new environment less difficult.

Keywords: anthroposystem, interdisciplinarity, progress, refuse of progress, regress, revolution, principle of fractality, duration of life, adaptation, system’s stability.

Sociological Classics in Contemporary Historical Research (by Savelieva Irina M.)

Abstract. The paper concentrates on the problem of sociological classics in contemporary historical research. Since the mid-20th century, historians as well as other representatives of the humanities aspired to the scientization of their discipline. The process later was dubbed «the strategy of borrowing» which implies that history can naturally rely on the theoretical apparatus of the social sciences. Since the 1960s, historiography has changed rapidly as the following model of interaction became established: a social science — a corresponding historical subdiscipline — the choice of macro- (and later also micro-) theory — and its application to historical material. For example, the theory of modernization and world-systems analysis were promptly taken up by historians as was a concept of symbolic power. Today we have many interesting examples of micro-history being modeled on micro-sociology through the use of corresponding concepts.

Talking about borrowing social theories by the historians, receptivity curves should be taken into consideration — the employment of strong theories usually begins later

and continues when these are already losing popularity in adjacent disciplines. Examples from recent studies in social history could be offered to illuminate the problem.

It is admitted that the time when the idea of strict scientism of history was connected to the use of leading theories of sociology, has passed. Historians’ demand for a “grand theory” seems to exist still but sociology does provide for it minimally. After 1970s, sociologists were pushed out by classics of cultural and social anthropology, then — the representatives of performative turn, and of post-colonial criticism. One can conclude that sociological classics turned into a monument in contemporary historical discipline. The evolution of social history after cultural and linguistic turn overcame the limits set by the scientization of social history in the spirit of 1960s-70s.

History has discovered many other social disciplines. Unlike sociology, these are less influenced by scientism, although these are called social (communication, cultural studies, education, environment, human geography, linguistics, media, etc.). However, our research shows that the rejection of structuralism, functionalism, evolutionism, determinism, and monism did not lead to the rejection of the social strata, but to superficial and often “secondhand” appropriation of new sociological approaches and concepts, which transformed the sociological arsenal of history but did not introduce “new sociological classics” into the field of the discipline.

Keywords: sociology, social history, classics, social sciences, historical journals, scientism, macro-theory, micro-theory, concepts.

Max Weber’s Tradition in the Study of the Origins of the Modern State: Sociological Ideas and Historical Research (by Krom Mikhail M.)

Abstract. The paper starts with illuminating the juridical roots of one of Max Weber’s key concepts — that of the state, and then proceeds to show Weber’s growing influence on historical research in the field of the early modern state building. The contributor concludes with questioning the spatial as well as chronological limits of the application of Weber’s theory to that particular historical phenomenon.

Keywords: Max Weber, historical sociology, the origins of the modern state.

(In)equality as The Axiom? Social Science in Search of Indicators of Inequality in History (by Volodin Andrey Yu.)

Abstract. The article discusses the two approaches to the study of inequality: an economic approach to inequality by Thomas Piketty (in his “Le Capital au XXIe siècle”) and a sociological approach of inherited inequality by Gregory Clark (in his “The Son Also Rises”). The economic approach often treats the possibilities of “labor” and “capital” in the long term, and the happening inequality can be considered as quite fair or fundamentally unfair. Sociological approach explores the contribution of family and heritability of social status with “aspiration to inequality”, for example, upholding the interests for the protection of passing their skills on to future generations.

Piketty's approach introduces two fundamental laws of capitalism. The first law states that the share of capital in national income is equal to the return on equity multiplied by the ratio between capital and income ($\alpha = r \times \beta$). The second law is that the ratio between capital and income in the long run is equal to the ratio between the savings rate and growth rate ($\beta = s/g$).

Clark argues that social mobility is subject to a single simple law that is not depending on the structure of society nor on governmental policies. The law is as follows $x_{t+1} = bx_t + e_t$, where x_t is a hidden social status of the family in generation t , e_t is a random component, and the coefficient b is in the range of 0.7–0.8. Such a pattern of social mobility allows us to give precise predictions about the dynamics of development as a social elite and the poorest.

Cross-national comparative approaches allow us to consider inequality in the context of discussions about the “great divergence” and the possibility of overcoming this effect in the near future.

Judging by the two considered concepts meritocratic ideal of social life is often inferior to the practices of inheritance. And that inheritance is a valid mechanism for the preservation and accumulation of inequality. Thus, the principles of inheritance can be considered a good working hypothesis for current research in the field of socio-economic history.

Keywords: inequality, economic inequality, social inequality, Piketty, Clark, inheritance.

The Principle of Recognition of the Other in Humanitarian Knowledge of the XX–XXI centuries: the Limits of Applicability (by Rummyantseva Marina F.)

Abstract. The starting point of reasoning: the principle of recognition of recognition of the Other that is the mainstay in the theory of knowledge of Russian version of neo-Kantianism, developed by the founder of the philosophical direction A. I. Vvedensky and consistently implemented A. S. Lappo-Danilevsky in the methodology of source study when interpreting historical sources. But the ideal of interpretation, formulated by Lappo-Danilevsky, — to understand a historical source as he understood his author, — causes a reasonable doubt from the point of view of science of XX century. The article shows that the development of the source study — as the most productive component of the Russian version of neo-Kantianism for historical knowledge — in the direction of the neo-classical model of science “the recognition of the Other”, on the one hand, received their limiters, but on the other hand, organically fit into the historical knowledge of the XX century. Selected two turning points: (1) the transformation of the object of source study from a historical source, understood as “a realized product of the human psyche...” (Lappo-Danilevsky), to the system of types of historical sources as projections of culture, (2) the offset of historical knowledge from the Humanities to the Social Sciences, which entailed redefining the character of the protagonist of the historical

process from the person, — for the understanding of which was used to advantage the principle of “recognition of the Other” — to the actor, the understanding of the action of which requires different mechanisms of interpretation. It is shown that the kind of historical sources as the basic classification unit performs the same function as the function of social structures in historical knowledge, sets the “frame” restricting the implementation of the principle of “recognition of the Other” strictly explicated the context of culture; development in the Russian historiography in the 1950–1970 the system of types of historical sources as the projection of culture is the trend of the world historical science, the focus of which in the XX century was the shift from the linear model of history writing to the explication of structures (option of School “Annals” and especially German structural history by W. Conze).

Keywords: Russian version of neo-Kantianism, the principle of recognition of the Other, interpretation of historical source, system of types of historical sources, person, actor.

Adaptational Strategies of Population of South America's Northwest and Models of “Neolithization” in Formative (by Levanova Elena S., Bernatskaya Yuliya E. and Hohryakova Sandra A.)

Abstract. The article shows various forms of economic management of the ancient cultures of the Northwest of South America in the formative period. Based on archaeological data from different sites of hunter-gatherers, on changes in landscape and climatic conditions, the authors study special scenarios of the transition to sedentary life. This research shows that on the same time and cultural region, different adaptation strategies were chosen.

Keywords: neolithization, “neolithic plan”, domestication, archeology of South America.

Concept “Habitus” and The Social Typology of The Russian Society of The 17th Century (by Sukina Ludmila B.)

Abstract. The social typology of societies of the past always causes the specific difficulties for historians. To historians it is the most difficult to build the typology of the society, which had been located in the situation of the transition from one form of historical existence to another. This entirely relates to Russian society of the 17th cent., between the Troubles and the beginning of reforms of Peter the Great.

In the article the question, how the concept of “habitus” (in lat. — appearance), utilized as one of the most important instrument of research in sociological theories of the second-half 20th — beginning 21st cent., can be used by historical science for the study of the typology of the Russian society of the 17th century, is examined. This concept, when used in the context of the social, incorporated history, is many-valued and can indicate both the customary manner to act and the historically caused, but constantly changing social position, the collection of social practitioner, characteristic

of the specific agent or of the group of agents. It makes it possible to understand as the man (as a social agent) not only inherits society, but also develops it. Basic determinants of the “habitus” include: the symbolic capital (in its economic, political and social components); the position to the production of publicly significant, both material and non-material (profession, post, kind of occupations) goods; the type of social connections of the group, in which the individual is included; the history of the specific social group; the individual history (biography) of the man, whose “habitus” is the subject of the description.

It is difficult if generally possible to make the society, not yet emerged, the subject of the social analysis, but components of its group are socially describable. The “habitus” of the social group adequately describes its specific character in the absence of formed class signs. One should emphasize that the 17th century is the most remote epoch in the context of Russian history, for which the “habitus” of agents of social groups could be reconstructed. It is possible due to the presence of various historical sources.

The analysis of components of the symbolic capital convinces us, also, in the fact that agents of social groups, which were united by the same or close kind of occupations, in Russia of the 17th cent. could possess different “habitus”. Thus, for instance, guests and representatives of guest and cloth hundreds did not form a common social corporation with small merchants, and the idea of the general type of “the Russian merchant of times preceding Peter the Great” does not correspond to the historical reality.

The work of the construct of the “habitus” is demonstrated, in the research practice of historical anthropology, on the example of the description of the “habitus” of the guest of Vologda G.M. Fetiev. It is shown that the “habitualization” of historical-anthropological studies of the Russian society of the 17th cent. can expose all the complexity and colorfulness of its social organization and can draw one nearer to the understanding of the essence of “class” structures, boundaries, contradictions and interactions of that epoch.

Keywords: sociology, social history, historical anthropology, typology of society, description, “habitus”.

Digital Models for Social Dynamics of Pre-reforms Russia (by Borodkin Leonid I.)

Abstract. The article is aimed at the application of computer models as a tool for testing hypotheses about the character of social dynamics of peasantry in the pre-reform Russia. Social stratification of peasantry is represented as layers (groups), differing by the number of horses or cultivated area size — depending on the capabilities of the sources used (in this case, household inventories). Transitions between these groups are simulated using the apparatus of Markov chains. The transition matrix is estimated on the basis of empirical frequencies of transitions between social groups. The results of the application of Markov models in the study of social dynamics of the Russian peasantry

in the 19th century not only confirm the results of earlier (in 1960s — 70s) studies, but also make it possible to test hypotheses about the nature of this complex social process, provide new quantitative estimates of its parameters.

Keywords: modeling, Markov chains, social stratification, social mobility, peasantry, pre-reform Russia.

The Russian Empire on the Road to Modernity (by Mironov Boris N.)

Abstract. This article examines a wide range of problems from a modernization perspective: colonization, ethnic diversity, ethno-confessional policy, the nationalities question, demographic problems and the transition from a traditional to a modern model of population replacement, the development of the nuclear family and the democratization of intra-familial relations, the social structure and social mobility of the population, town and country amid the process of urbanization and industrialization, the development of serf relations from serfdom’s genesis to its dissolution, the evolution of rural and urban communities and of urban and noble corporations, the mentality of different social estates as a major factor in social dynamics, folk culture in collective representations, the evolution of Russian statehood from a patriarchal to a constitutional monarchy, the establishment of civil society and a state governed by the rule of law, the interaction of society and the state as a driving force of social change, shifts in the type of legal relations prevalent in society, and the dynamics of crime. The study interprets key issues in Russian history in a new light, such as the role of the geographic environment, the rise and abolition of serfdom, the Russian village commune, the reform process, changes in the population’s welfare, Stolypin’s agrarian reform, and the preconditions and causes of the Russian Revolution of 1917. The article undermines widespread, negative myths concerning Russia and presents a fundamentally new, optimistic concept of the imperial period. The present article is based upon the introductory address given at the presentation of the author’s book *The Russian Empire: From Tradition to Modernity* on May 27, 2016.

Keywords: Russian Empire, modernization, ethnic diversity, ethno-confessional policy, the nationality question, standard of living, cultural capital, social stratification and social mobility, demography, the family, urbanization, serfdom, the commune, the state, civil society, law.

Stratification of the Scientific Community in the 1920s (by Dolgova Evgeniya A.)

Abstract. The article puts the problem of differentiation of the soviet scientific community in the 1920s. The author investigates the division of scientists into qualifying categories in the time of abolition of system of prerevolutionary scientific degrees and titles (since 1918), analyses of the difference in the social and living conditions of the different groups of scientists. The prerevolutionary authority of the scientist and his

position in the system of scientific interrelations determined his social status after the revolution. Legally fixed privileges of scientific workers were distributed to limited group of the scientists and they had the opportunity to implement them. On the other hand, in the conditions of the abolition of the scientific degrees and titles, the possibility of occupying a status position appeared for new scientists, who had no, sometimes, the appropriate qualification characteristics. And, those scientists who did not fall into the quotas of higher categories were not allowed to use the declared privileges and benefits, nor the additional financial advantages. The author makes conclusion that the scientific community in the 1920s was a hierarchical system.

Keywords: history of science, scientific community, privileges, status, categories, stratification.

Problem of Alien Authority in the Light of Interdisciplinary Approaches (On the Material of Early Medieval Europe) (by Mukhin Oleg N.)

Abstract. In article the problem of alien authority in early medieval European countries is formulated, based on the ideas of S. S. Averintsev. The substantiation of this problem on historiographical and historical source material is given. An attempt to explain the relevance of the experience of otherness and the need for “alienation” of power holders in societies studied period is made. Substantiates the prospects of application for the study of the problems posed interdisciplinary technology, based on the use of developments of psychology and sociology, with a single focus of the unconscious. The conclusion is that the alienation of power is the essential feature of the early Middle Ages Europe political culture.

Keywords: power, Western Europe, the early Middle Ages, interdisciplinarity.

The Epoch of the Great Reforms in the Critical Discourse of the Russian Collective Consciousness of the Late 19th and Early 20th Century (by Kalashnikov Mikhail V.)

Abstract. The purpose of the article is to explore the ideas, concepts, and rhetoric of the epoch of the Great Reforms in the critical discourse of the Russian collective consciousness of the late 19th and early 20th century. The research uses the method of historical-semantic analysis, which main postulate says that the natural language is a changing through time sign system of the semantically organized collective consciousness. The mentality of the epoch of the 1860s was characterized by the positivistic clarity and an atheistic believes in progress. As far as in the 1880s the ideas and concepts of the 1860s grow dim, lose their clarity and turn into a set of simulacra, empty signs. Words that had abstract concepts as their objects of signification lose the precision of the meaning. The key concept of the 1860s — the concept of “liberalism” — loses its ontological and projective status by the early 20th century. In the Russian collective consciousness it starts to be associated with the concept of “philistinism”, laden by a set of negative

connotations. At the turn of the century, the adepts of the legacy of the Great Reforms receive critic from all sides of the political spectrum. In the early 20th century, positivism is perceived as an anachronism. Metaphysics and idealism, mystics and symbolism, modernism, futurism begin to own the minds of the contemporaries. By the end of the 1900s, the legacy of the 1860s’ time becomes definitely gone into the past. The modernity started to speak not only with a different language, but with a different style. The 1911’s anniversary of the peasant reform reanimates in the collective consciousness the interest towards the legacy of the great epoch for some time. During World War I, the legacy of the 1860s makes a final shift from the political space to the educational, to the gymnasias classes. In the Russian collective consciousness the events of the 1917 appeared to not being in any way connected to the concept of “liberalism”, the key concept of the 1860s. By this time, the project of the future lost the connection to the liberal legacy of the epoch of the Great Reforms, and emerged from the concept of “socialism” only. On the whole, the legacy of the epoch of the 1860s, which has persisted up to nowadays as part of the required educational program, continues to influence the Russian collective consciousness.

Keywords: collective consciousness, historical-semantic analysis, modernism, simulacrum, positivism (realism), the concept of “ideal”, the concept of “liberalism”, the concept of “socialism”, the epoch of the Great Reforms.

“You are my last hope” — N. Kareev’s correspondence with readers in the context of generation’s history (by Ljarskij Alexandr B.)

Abstract. This article analyzes the correspondence of N. Kareyev, a Russian historian and sociologist with the readers of his books on self-education and outlook. Kareyev paid special attention to this correspondence — it was deposited by him to the Pushkin House and specifically mentioned in his memoirs. Kareyev believed that these letters characterize the younger generation. His correspondents were mostly in the age from 15 to 21 years so the correspondence can be interpreted as kind of dialogue between generations, since by 1908 he was already in the age of 58. This dialogue reveals the specifics of how and why the younger understand or do not understand the ideas of the elder (or vice versa). The most important Kareyev’s idea was that the main purpose of self-education is world outlook. It has to be consistent and based on the achievements of science and the humanities. But most importantly, there should be ideals and conscious actions based on this outlook. According to Kareyev, it was, a source of progress. Some of his correspondents shared his ideas. However, as the correspondence shows, in his works he set such a high and unreachable ideal that the only one who went for full implementation of it was a young man diagnosed with mental illness. For many members of the younger generation incomes and social growth come first driving the ideas to the background. The path to these benefits lay across education and Kareyev was considered to be a support on this way. Thus, a representative of the elder generation was a bearer of values and a source of resources at the same time. But if the question was about existential

phenomena significant for young correspondents then Kareyev's experience — spiritual and scientific — turned out completely unusable. At least, his correspondents were not satisfied with his explanations of the meaning of life or the revolution. As a result, Kareyev's personal outlook was not recognized by the young.

Keywords: N. I. Kareev, generations, history of education, history of self-education.

New mentality of Russian youth (by Shalygina Natalia V.)

Abstract. The article attempts to give preliminary analysis to new generations of Russian youth on the basis of marketing polls of well-known Russian companies. Some qualitative differences between the two new generations of youth are also determined and their collective portrait is constructed.

Keywords: theory of generations, igrets, centenials, values, mental differences, virtual world, millenniums.

Shamanic Ritual as a Mean of Mental Health Maintenance in Modern Indian Ethnicities (by Borisova Galina A. & Strelchenko Andrey B.)

Abstract. The paper describes the results of interdisciplinary scientific research project that investigated the role of shamanic rituals in maintaining the mental health of modern Maya. We used the views from history, anthropology, ethnography, psychology and medicine to analyse the influence of shamanic rituals on the psychosomatic health. The research was conducted in Guatemala, a country in Central America, where the descendants of the ancient Maya constitute 40% of the population [Caracterización estadística...]. We took part in a ritual, performed by a “professional” shaman on one of the members of the scientific team.

The preliminary conclusions drawn from the investigation can point out that those rituals play an important role in the maintenance of psychosomatic health of members of the Indian community. Modern shamans of the Indian ethnic group use the ancient traditions and serve as representatives of the professions from the socioeconomic sphere like doctors, psychologists, priests. The professional techniques and skills used by shamans are able to influence the psycho-physiological state of a person. Some shamanic rituals present a variant of “folk (ethnic) psychotherapy”. It should be effective in the maintenance of psychosomatic health of the Indian ethnic group, taking into consideration the physiological, cultural and historical features of the members of this community.

In this context, it seems sensible and advisable to continue the interdisciplinary study of shamanic rituals in terms of cultural and historical heritage, as well as for understanding the psycho-physiological mechanisms of their influence, and to supplement the variety of modern psychotherapy methods.

Keywords: ritual, psychosomatic health, psychology, psychophysical condition, the cult of Maximón, ritual fire, archetype, subconscious, shaman, ceremony.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕРНАЦКАЯ Юлия Эдуардовна — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет

BERNATSKAYA Yulia Eduardovna — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities

E-mail: imbirnaya.vishnya@gmail.com

БОРИСОВА Галина Александровна — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет

BORISOVA Galina Alexandrovna — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities

E-mail: mutemuia@gmail.com

БОРОДКИН Леонид Иосифович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

BORODKIN Leonid Iosifovich — Dr. hab. (History), Professor of Lomonosov Moscow State University

E-mail: borodkin@mail.ru

ВОЛОДИН Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

VOLODIN Andrey Yurievich — PhD in History, Associate Professor, Department of Historical Information Science, Moscow State Lomonosov University, Moscow

E-mail: volodin@hist.msu.ru

ДОЛГОВА Евгения Андреевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета

DOLGOVA Eugeniya Andreevna — PhD in History, Lecturer of Faculty of History, Political Sciences and Law of Russian State University for the Humanities

E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

ЕРШОВА Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

ERSHOVA Galina Gavrilovna — Dr. hab. (History), Professor in Russian State University for the Humanities

E-mail: mesoamerica@fipp.ru

КАЛАШНИКОВ Михаил Васильевич — старший преподаватель кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина

KALASHNIKOV Mikhail Vasilievich — Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Senior lecturer at the Department of Russian History and Culture

E-mail: kalash.mv@mail.ru

КРОМ Михаил Маркович — доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге

KROM Mihail Markovich — Dr. hab. (History), Professor of Comparative Studies in History, European University at St. Petersburg

E-mail: krom@eu.spb.ru

ЛЕВАНОВА Елена Сергеевна — кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Институт археологии Российской академии наук

LEVANOVA Elena Sergeevna — PhD in History, Russian State University for the Humanities, Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences

E-mail: esostrirova@gmail.com

ЛЯРСКИЙ Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

LYARSKY Alexandr Borisovich — PhD in History, Associated professor of High School of Edition and Mediatecnologies of St Petersburg State University on Industrial Tecnologies and Design

E-mail: lam732007@yandex.ru

МИРОНОВ Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

MIRONOV Boris Nikolaevich — Dr. hab. (History), Main Research Fellow in the St. — Petersburg Institute of History, Academy of Sciences of Russia, Professor in Petersburg State University

E-mail: bmironov@mail.wplus.net

МУХИН Олег Николаевич — доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета

MUHIN Oleg Nikolaevich — Dr. hab. (History), Professor of Tomsk Pedagogic State University

E-mail: himan1@rambler.ru

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна — кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

RUMYANTSEVA Marina Fedorovna — PhD in History, Associate Professor, School of History, National Research University Higher School of Economics, Moscow

E-mail: m_roumiantseva@hse.ru

САВЕЛЬЕВА Ирина Максимовна — доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

SAVELIEVA Irina Maximovna — Dr. hab. (History), National Research University Higher School of Economics, Russian Federation. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI). Director

E-mail: isavelieva@hse.ru

СТРЕЛЬЧЕНКО Андрей Борисович — доктор медицинских наук, психотерапевт, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги

STRELCHENKO Andrey Borisovich — Dr. hab. (Medicine), psychotherapist, Russian league of professional psychotherapists

E-mail: strelchenkoab@gmail.com

СУКИНА Людмила Борисовна — доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент ЧОУ ВО Институт программных систем «УГП имени А. К. Айламазяна»; профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук Московского педагогического государственного университета (Сергиево-Посадский филиал)

SUKINA Liudmila Borisovna — Dr. hab. (History), PhD in Culturology, Associate Professor of Program Systems Institute «Ailamazyan's University», Professor of Moscow pedagogic state university (department in Sergiev Posad)

E-mail: lbsukina@gmail.com

ХОХРЯКОВА Сандра Альгимантасовна — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет

HOHRYAKOVA Sandra Algimantasovna — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities

E-mail: s.viskanta@gmail.com

ШАЛЫГИНА Наталия Валентиновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

SHALYGINA Natalia Valentinovna — PhD in History, Leading Research Fellow in the Institute of Anthology and Ethnology, Academy of Sciences of Russia

E-mail: etgender@mail.ru

Научное издание

**«Стены и мосты»-V:
междисциплинарное взаимодействие исторического знания
с естественными и социально-гуманитарными науками**

Корректор: Башлай И.М.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.
Пияева М.В.

Подписано в печать 18.05.2017. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.